Влад Тепеш

Цикл Русь-XXI

Повесть о ненастоящем человеке

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир, в котором история пошла иначе. Где рулят дворяне и корпорации, а обычные граждане почти бесправны. Где люди разделены на два сорта, а нелюди смотрят свысока и на тех, и на других.

Экспериментальный сигом (синтетический человек) выходит из-под контроля и сбегает. Теперь ему необходимо выжить в охоте, которую ведет создавшая его корпорация, и заодно разобраться, кто же он такой и почему каждую ночь ему снится место, которого он не помнит, и война, на которой он никогда не был.

- Русь-XXI. Повесть о ненастоящем человеке.
  - Сбой и его последствия
  - Ставки повышаются
  - Шерше ля фам
  - Небоскреб
  - И ничто не предвещало...
  - Вендиго
  - В тюряге
  - Свобода и одно интересное предложение
  - Еще одно шокирующее открытие
  - О Темном Владыке замолвите слово...
  - Полный абзац... и одна интересная идейка
  - Дредноутское училище
  - Собеседование и прочие неприятности
  - Ставки повышаются
  - Инцидент на медосмотре
  - Первый легкий день
  - Покой мне даже не снится
  - Послесловие автора

Русь-XXI. Повесть о ненастоящем человеке.

Сбой и его последствия

Я посвящаю эту книгу
памяти Игоря Росоховатского.
Просто потому, что без его творчества
ей не из чего было бы вырасти.

Каждый шаг дается все тяжелее, проклятый снег налипает на ноги, и я будто попал в кошмарный сон, когда пытаешься убежать, а толку нет. Но главная беда — в том, что я не сплю.

Если бы не снег вперемешку с болотом — я бы успел. Я уже давно пробежал бы полоску поля, перевалил за небольшой холмик, поросший деревьями — и пока, уроды. Но нет, я только добегаю до чертова холмика — самого опасного места маршрута. Или я лягу тут — или спасусь, пусть всего лишь на пять минут.

Я не вижу, но прямо затылком чувствую, как медленно разворачивается в мою сторону башня танка. Медленно — потому что танк не успел прогреться, гидравлика еще не работает, наведение вручную. Успею я добежать до гребня холма и скатиться или нет? Если нет — ну, даже тут есть один плюс: я ничего не почувствую. Кумулятивно-осколочный летит быстрее звука, так что и выстрела не услышу.

Чертов холм — место, где в меня невозможно промахнуться. Пока я бегу по ровному полю — промах на полметра значит для меня жизнь, потому что снаряд улетит далеко вперед. Начну подниматься по склону… попадание где угодно поблизости — моя смерть.

Карабкаюсь по склону наверх, вершина уже рядом. Я взбираюсь на нее и вижу, как впереди, в изгибе спасительного оврага, мелькнула светлая растрепанная фигурка. Все, ее уже никак не достать и не догнать …

Перед тем, как перевалить через холм и скатиться в спасительный овраг, я на бегу оглядываюсь…

…И успеваю увидеть вспышку из танкового орудия.

***

Мощный грохочущий раскат.

Я вздрогнул и резко сел. Черт, это… это был сон?

Медленно обвожу вокруг взглядом. Темно, но я хорошо вижу комнату — обычную комнату, хорошо обставленную. Балконная дверь открыта, за ней вдали — огни ночного города.

Воздух свеж, тишина и покой, если не считать дождя, слегка колышется штора. Ну да, кошмар. Просто очень странный и очень реалистичный кошмар. Все в порядке, все хорошо…

…Ну почти все.

Потому что все вокруг — чужое. И эта комната, и то, что за окном — я вижу все это в первый раз, да к тому же не знаю, что это за место и как я тут очутился…

Движение сбоку — и тут я понимаю, что не один на этой кровати.

Поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с привлекательной коротко стриженой блондинкой.

О как… То, что она очень даже симпатичная, рвет мне шаблон: вот если бы я проснулся в чужой квартире в постели с некрасивой женщиной, то было бы понятно, почему я не помню, как сюда попал. Но раз она красивая — то мне не требовалось пить, чтобы к ней пойти, а ей не требовалось меня подпаивать.

— Ничего так гром шандарахнул, — сказала блондинка.

— Привет, — ляпнул я первое, что пришло на ум, ну просто чтобы не глазеть на нее молча.

— Кир, с тобой все в порядке? — встревожилась она.

Э-э… Кир?!

— Прости, ты меня с кем-то спутала, — сказал я. — Я не Кир.

У нее начинает вытягиваться лицо.

— А кто тогда?!

Открываю рот, чтобы ответить — и молча закрываю.

Я не помню, как меня зовут.

— Эм-м-м… А ты уверена, что я — Кир? Ты только не напрягайся, но я не помню, как сюда попал.

— Кир, ты тут живешь!!!

— В смысле — живу?!

— Это твоя квартира. Ну, наш дом!

— Хренасе… А ты тогда, получается…

— Это ни хрена не смешно!

— Мне тоже не смешно.

— Блин, хватит, а? Скажи, что ты пошутил!

Я молчу, она в отчаянии прячет лицо в ладонях.

— Господи, Кир, неужели это правда и ты забыл собственную жену?! Звучит как глупейшая шутка…

Я скользнул взглядом по ее голому торсу: очень спортивная, грудь — просто шик. Ну, хоть с выбором жены не оплошал.

— Эм-м-м… Прости. Мне кажется, у меня провал в памяти. Я совершенно ничего не помню. Со мной такого раньше не случалось?

Блондинка в натуральном шоке, так что я попытался пошутить.

— Да ты не переживай особо, амнезия — это ерунда. Ничего не болит и каждый день новости. К тому же она у меня, а не у тебя.

— Ну да, конечно! — Ее лицо приобрело жалобное выражение. — Бросаешь ради мужа большой спорт — а он тебя раз и забыл. А ты говоришь — не переживай?! Ты же все-все-все забыл? Все полтора года совместной жизни?

— Ничего не помню, даже то, что было до тебя… А ты правда бросила ради меня спорт?

— Угу.

— А я что, поставил ультиматум или как?

— Тебе не нравятся женские единоборства. Ты считаешь, что это отвратительно.

Я чуть подумал и решил, что это действительно не очень хорошо.

Мой взгляд падает на халат. Надеваю его и подхожу к балкону, глядя в ночь. Город за пеленой несильного дождя, он… незнакомый. Словно я никогда раньше здесь не был.

Блондинка — блин, надо заново привыкать думать о ней, как о жене! — тоже накинула халат и встала рядом.

— А тебя как зовут-то?

— Марина.

— Красивое имя, мне нравится. У тебя что, правда были перспективы в спорте? Ты хорошо дерешься?

Она флегматично пожала плечами.

— Понимаешь, в женских боях вольных стилей немного другие краеугольные камни. Это в меньшей степени спорт и в большей — шоу. Перспективы не у тех, кто лучше всех дерется, а у тех, которые сочетают умение драться и привлекательную внешность. Если у моей соперницы лицо кирпичом и груди нет — там уже неважно, кто в конце победит по очкам, потому что рекламные контракты и все такое прочее досталось бы мне и так, и так. Но вообще — да, я хорошо дерусь. Когда служила в морской пехоте — на тренировках раскатывала мужиков побольше себя.

— Так ты еще и в морской пехоте служила?

— Ага.

Я немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Слушай, а я тогда кто и что, если такая девушка, как ты, бросила ради меня спорт?

Марина замялась.

— Ну… ты — это ты. Просто ты клевый и мне сразу понравился.

— То есть, я по большому счету просто парень с улицы и ты в меня внезапно взяла да втюрилась?

— Ну, вроде того.

— Хм… А кем я работаю? Кто по специальности?

— Понятия не имею, ты не работаешь.

Меня всего передернуло. Если окажется, что я альфонс — просто с разбегу нырну через перила балкона.

— В смысле — не работаю?! А за счет чего или кого я в таком случае живу?

— За счет этого дома.

— Какого дома?

Марина неопределенно обвела руками вокруг себя.

— Этого. Весь дом принадлежит тебе, мы находимся в пентхаузе, а четыре этажа под нами сдаются внаем. Восемь квартир, как бы, недвижимость приличная в приличном районе.

Я мысленно перевожу дух. Так, вроде намечается неплохая картина. У меня есть собственность, стабильный доход и красивая жена — так что никаких неприятных открытий вроде бы больше не предвидится. Амнезия — это плохо, но все не так печально, если это моя единственная неприятность.

— Извини за нескромный вопрос… А этот дом сильно прибавил мне клевости в твоих глазах?

Она сердито уперла руки в бока:

— Эй, эй, полегче на поворотах, и нос опусти пониже! Не так уж ты и богат, между прочим. Нам хватает на безбедную жизнь — и только. Сгонять на Мальдивы мы можем, только если мне повезет с рекламными доходами и фотосессиями… Бывает нечасто, но если бывает — за день почти как твой недельный доход с ренты.

— Ладно-ладно, — примирительно сказал я. — Я не имел в виду ничего обидного, просто заново пытаюсь отстроить свою реальность по кирпичику. Ну, раз ты вышла за меня не ради денег — я спокоен и счастлив. Идем дальше спать, утро вечера мудренее. А завтра, может быть, пойду к врачу.

***

Утро облегчения не принесло.

Ночью я спал плохо, мне снова и снова снился тот же самый сон, в котором я пытаюсь убежать от танкового фугаса по вязкому снегу и в самый последний момент оборачиваюсь, только чтобы увидеть фатальный выстрел.

Память ко мне не вернулась: я просто ничего не помню. Вот ничего и точка, только этот гребаный сон.

Ну и в довершение всего, когда я пошел умываться в ванную, из «зазеркалья» на меня взглянул совершенно незнакомый парень. На какой-то миг мне даже показалось, что это и не зеркало, а просто окно в стене, выходящее в чужую ванную — но нет. Этот парень выше среднего, с правильными чертами волевого, но не очень броского лица — я сам. Черт, что должно

было со мной произойти, чтобы я забыл собственное лицо?!

Марина сварганила яичницу с колбасой, но, несмотря на замечательный вкус, завтрак прошел как-то напряженно.

— Ты правда собираешься к врачу? — спросила она.

Я вздохнул.

— Только что из зеркала на меня посмотрел абсолютно незнакомый человек с чужим лицом. Я совершенно не помню прошлого: ни вчерашнего вечера, ни секса с тобой, который у нас, видимо, случился, ни того, что было год назад, ни даже детства. Какие у меня еще варианты? Ты ведь понимаешь, что тут уже дело даже не в том, что я фактически потерял всю свою жизнь, а в том, что у этой напасти есть какая-то причина, которая может аукнуться снова.

— Квадратный спектр всех яблок синих. Кир, тебе не нужно идти к врачу.

— Чего-чего?! — переспросил я. — Какой еще спектр синих яблок?!

Марина вздрогнула, ее глаза стали круглыми.

— Я не понимаю, что ты говоришь!

— Ты не понимаешь? Ты только что сказала какую-то хрень про квадратный спектр синих яблок!

— Я такого не говорила!!!

Мы смотрим друг на друга ошарашенно.

— Но я совершенно четко услышал эти слова перед тем, как ты сказала, что мне не нужно к врачу.

— Но я этого не говорила! Я сказала, что тебе действительно стоит сходить к врачу!

Я немного помолчал.

— Ну вот. Теперь я не только все забыл, но и слышу то, чего нет. Да, мне точно надо к медикам… только знаешь, я не помню, куда идти. Где ближайшая больница? Вызови мне такси, пожалуйста.

— Хорошо, — сказала она, встала и вышла из кухни.

С тяжелым сердцем я доел яичницу, докинул себе добавку со сковородки и, стоя у плиты, услыхал шаги в коридоре.

Поворачиваю голову, собираясь отпустить комплимент про готовку — и вижу черное дуло револьвера, направленного мне в голову.

Вспышки не было, как и оглушительного выстрела — только хлопок. Я успел увести голову влево с линии выстрела еще в тот момент, когда палец Марины потянул за спуск, по уху прошелся холодок — и еще один хлопок позади, теперь уже погромче. Разрывная, твою ж мать, пуля!

Размахиваюсь сковородой, уже пустой, одновременно

качнувшись вправо, и Марина промахивается снова, всего на миллиметр, но промахивается.

В самый последний миг я подкорректировал рефлекс, и сковорода полетела не в голову, а в руку, держащую оружие. Марина умудрилась не выпустить револьвер и даже смягчить как-то удар, тем более что сковородка легкая. Однако ствол оружия теперь смотрел в сторону и вниз, а ее палец зачем-то потянул за спуск снова — возможно, рефлекс или из-за болевого импульса — и поскольку Марина стояла в коридоре, то пуля попала в стену на уровне живота. Вспышка, громкий хлопок, штукатурка, ее глаза расширяются…

Пользуюсь моментом, стремительно шагаю вперед, левой рукой перехватывая револьвер и вставляя указательный палец под курок, чтобы исключить еще один выстрел, правая смыкается на горле Марины. Она дергается, широко открыв рот, но я внезапно оказываюсь сильнее, чем думал.

Теперь, когда опасность устранена, на меня находит ступор. В голове вертится миллион слов вроде «как?», «почему?» и еще куча матерных. Что это было? Зачем и почему?! Смотрю, как глаза Марины начинают закатываться, и до меня доходит: ну так вот же тот, кто на все эти вопросы и ответит, если я ее не задушу нечаянно.

Ослабляю хватку, отнимаю оружие и волоку жену — а она точно моя жена при таком-то повороте? — в комнату, разжимаю руку и позволяю упасть на ковер. Она глотает воздух, одновременно держась за живот: на ее халате сбоку расползается пара небольших бурых пятен. Ну да, осколки разрывной пули.

Мы смотрим друг на друга молча — она с ужасом, я, видимо, с негодованием и непониманием — а затем я задаю длинный вопрос, в котором из нематерных только два слова: «какого черта?!».

Молчит, а я как-то неожиданно для самого себя очень быстро беру себя в руки.

— Или ты будешь отвечать, или тебе будет еще больнее, чем сейчас. Почему ты хотела меня убить? За что?

— Я же говорила тебе — не идти к врачу, — тяжело дыша, выдавила Марина.

— А, так значит, мне не почудилась фраза про синие яблоки, да? Итак, ты не хотела, чтобы я шел к врачу… Дай угадаю, ты же ни хрена не моя жена и мой провал в памяти не случаен, да?

Молчит.

— Отвечай, или мне придется сделать тебе больно сверх необходимого. Ты не моя жена?

— Сложный вопрос, но скорее нет, чем да.

— Кто ты такая?

— Можно сказать, что никто. Марина Дремина, в девичестве Ветрова, если тебе это важно.

— Я спрашиваю, какое отношение ты имеешь к моей амнезии.

— Никакого. Не должно у тебя было быть никакой амнезии.

— Что это за фраза про синие яблоки? Гипноз?

— Императивный триггер. Ты должен был подчиниться команде, сказанной после него. Видимо, вместе с импринтингом слетел и триггер тоже.

— Чего-чего? — переспросил я. — Какой такой импринтинг? Что это такое?

— Твоя ложная память.

Я вздохнул: начинает вырисовываться на редкость неприятная картина.

— Итак. У меня пропала ложная память, и ты попыталась не пустить меня к врачу, да? И значит, на самом деле я не Кир, да?

— Да.

— А мою настоящую память стерли, да?

— Нет, ты сам сказал, что и ее тоже забыл.

— Погоди-погоди, тут какой-то бред. У меня настоящая память была или ложная?

— Не «или». Твои воспоминания обо всем до встречи со мной были ложными. Наша совместная жизнь — это и есть твоя настоящая память.

— Ну и кто я такой на самом деле и зачем было стирать мне память до нашей встречи?!

В ее взгляде появилась мрачная мстительность.

— Никто ничего тебе не стирал. Нельзя стереть то, чего нет.

— В смысле?!

— У тебя на самом деле не было ни родителей, ни детства, именно потому тебе записали ложные воспоминания.

— Как такое может быть?! Куда делась моя настоящая память? У человека не может не быть прошлого!

— Ну да, все верно. У человека — не может. Но ты до встречи со мной просто не существовал как единое целое.

— Ты втираешь мне какую-то дичь!

По ее лицу промелькнула гримаса боли.

— Это не дичь. Ты машина, Кир. Которую запрограммировали думать, что она человек.

Я некоторое время молчу: просто слов нету. Она тоже молчит, тяжело дыша.

— Бред. Ведь я же ел яичницу, чувствовал ее вкус!

— Ты не от батареек работаешь. Экспериментальный проект.

— Чей?!

— Понятия не имею.

— Мне все-таки придется сделать тебе больно, я так погляжу.

— Я правда не знаю. Меня наняли быть твоей женой и смотреть, чтобы ты не наделал глупостей вроде похода к врачу. Я всего лишь почти посторонний человек, мне сделали предложение, от которого нельзя отказаться.

— Имена, названия, адреса — тебе придется назвать хоть что-то или мне придется из тебя это вытрясти. Не усложняй все.

Марина, тяжело дыша, покачала головой:

— Не получится. Невозможно выбить из меня информацию, которой у меня никогда не было. Глава или важная шишка в проекте — пожилой человек в очках, с усами и на кресле-каталке, одетый, насколько я могла судить, очень дорого. Я встречалась с ним только один раз и понятия не имею, кто он. Ну, ты можешь мне не поверить и потратить капельку времени на пытки…

— Я могу потратить на пытки гораздо больше времени, если нужно.

Она, борясь с гримасой боли, умудрилась криво усмехнуться:

— Не можешь. У тебя его уже почти не осталось.

— Ты подала сигнал тревоги?! — осенило меня.

— Ага.

Что делать? Здравый смысл подсказывает, что надо валить. Мелькнула мысль, что Марина, может быть, врет, и про меня тоже насочиняла бреда, но…

Есть тут один момент, который заставляет меня верить, и это сама Марина, верней, то, как она держится. От какой-нибудь мелкотравчатой преступницы глупо ждать самообладания или даже просто собственного достоинства. Как будет вести себя никчемная мошенница, если ее план провалился, покушение не удалось и теперь она сама находится на нежелательной стороне ствола? Вот точно не так, как Марина. А вот для военнослужащих из элитных частей вроде морской пехоты вполне нормально держать себя в руках при ранении и попадании в плен. Так что да, я верю, что она действительно служила в морской пехоте. И тот, кто ее нанял, явно выбрал на роль «цербера» хорошего «специалиста». Да, увы, тут все явно всерьез, и мне надо сматываться, пока еще есть время.

Только с самой Мариной-то что теперь делать? Она лежит на ковре, зажимая рукой рану и молча ожидая своей участи, я так же молча возвышаюсь над ней. Дальше-то что? Бросаю взгляд на револьвер в своей руке: крупнокалиберный и потому пятизарядный. Три выстрела сделаны, и у меня лишь два патрона.

Мысль «добить» мелькнула, но я ее отбросил сразу по

нескольким причинам. Мне пользы никакой, только патрон потратить. Просто из мести, дескать, ты хотела убить меня, теперь я убью тебя? Забавно, но я не чувствую какой-то особенной злобы. К тому же, Марина даже предупредила меня о сигнале, неважно, из каких соображений.

В общем, я должен сосредоточиться на том, чтобы спастись самому. А Марина… может статься, ее и без меня пустят в расход: «цербер» провалил свою миссию и превратился в свидетеля.

Быстро выхожу в коридор, ноги в туфли, куртку на плечи — и в дверь, брюки и рубашку я надел еще до завтрака. Ну и руку с револьвером — в карман.

Мне повезло: я выскочил из подъезда и услыхал шуршание шин. Скрываюсь за углом, слушаю тяжелые шаги минимум трех пар ног. Ну, они наверх — а я через невысокую зеленую ограду и был таков.

Дворами таких же похожих домов я пересек квартал и вышел на улицу, ведущую вниз по склону. Кажется, ушел.

Набрасываю капюшон куртки на свою многострадальную голову и неспешной походкой вливаюсь в негустой поток прохожих.

***

Ушел.

Итак, я оставил смерть в дураках, и это хорошо, а вот плохо — все остальное. Я получил отсрочку только затем, чтобы осознать, в какой заднице оказался.

Во-первых, у меня нет денег. Во-вторых, у меня нет документов. В-третьих, я понятия не имею, кто я и где я. И в-четвертых — я в розыске, причем ищут меня не легавые, а неизвестные люди, которые сразу и без разговоров стреляют в голову.

Проклятье, и что мне делать теперь?!

Впрочем, я получил передышку, вот прямо сию секунду мне ничто не угрожает, можно немного успокоиться и помозговать над ситуацией. Лист лучше всего прятать в лесу, а человека — в городе, и в этом смысле я сейчас в безопасности. Пока я вот так бреду по улице, обходя лужи после вчерашнего дождя, как десятки и сотни людей вокруг — меня не найти. Проблема лишь в том, что я не могу вот так брести по тротуару вечно.

Замечаю автобусную остановку и скромненько так встаю рядом с другими людьми, словно просто жду свой маршрут. Шажок в сторону — и я уже под навесом, дополнительно скрыт от случайного взгляда за боковой стенкой.

Так, что у меня при себе, кроме одежды и револьвера? Главное, чтобы не было телефона, по нему меня могут найти в

два счета. Ощупываю карманы, но телефона не нахожу, зато натыкаюсь на утолщение слева на груди.

Хы-хы, у меня во внутреннем кармане куртки лежит бумажник, правда, довольно тонкий. Вынимаю, открываю — несколько купюр, в монетном кармашке мелочь, в отсеке для кредитных карт — карта. Всего одна, но какая… Не пластик, а серебристый металл с золотым тиснением, и вообще выглядит довольно шикарно. Ну, ведь я же владелец дорогой недвижимости, а для рантье[1] такие вот карточки, наверное, норма…

Верней, ни хрена я ничем не владею. Если принять за истину версию Марины, будто бы я машина, считающая себя человеком, то картина вырисовывается довольно определенная.

Вот есть некая корпорация, создающая экспериментальную машину неизвестно с какими целями. Этой машине методом «импринтинга» записывают ложную память о детстве и все такое, подсовывают «жену» и «собственность». Машина полтора года живет своей псевдожизнью, сдавая в аренду квартиры дома, который считает своим, пока однажды не случается сбой, стирающий как память, так и управляющую команду. Непонятно, в чем вообще был смысл всего этого, но корпорация, ясен хрен, сильно огорчилась, когда экспериментальная собственность внезапно вышла из строя и из подчинения. Почему сразу такие жесткие меры?

Прокручиваю в памяти события. Я дважды уклонился с линии выстрела и невероятно точно метнул сковороду. Марина, конечно, была ранена, но легко, мелкими осколками. И она, раскатывавшая, по ее словам, мужиков поболе себя, не смогла оказать никакого сопротивления, когда я ухватил ее за шею.

Что еще интереснее — я хорошо помню все события в деталях. Я помню, что у меня не хватило злости, чтобы убить человека, пытавшегося убить меня. Я действовал четко и без паники — а вообще-то, там паника была бы вполне естественной. Наконец, прошло едва пятнадцать минут, а мое сердце бьется ровно и размеренно, ударов шестьдесят в минуту. И билось так с того момента, как я перемахнул через ограду, хотя, напитанное адреналином, должно было бы выпрыгивать из груди…

Неужели я действительно… машина?

Ладно, рефлексировать буду позже, а пока надо заканчивать инвентаризацию.

Карта мне бесполезна, она ведь на самом деле не моя. Меня по первому же использованию вычислят на раз, сама карта, вероятно, заблокирована, да и пин-кода я не помню. Денег… пятьсот с небольшим рублей и мелочью еще пара «деревянных» —

и все, как хочешь, так и вертись. Документов вроде водительских прав или паспорта нет, ни в бумажнике, ни в других карманах. Так, что еще? Носовой платок. Ну и револьвер.

И все, твою ж мать.

Мне нужен вменяемый план по выживанию. Нужны деньги и новые документы, причем без денег не будет документов, а без документов не заработать денег. Замкнутый круг, из которого нет адекватного выхода.

Собравшись сунуть бумажник обратно в карман, я внезапно застыл. Слишком занятый своим бедственным положением, я только сейчас обратил внимание, что купюры, которые я пересчитал — это ни хрена не нормальные рубли.

Вынимаю первую попавшуюся купюру — пятьдесят рублей. Номинал написан на купюре большими буквами — и на этом вся «нормальность» закончилась. Лицо в профиль — я не знаю, чье оно. Герб — не двуглавый орел, а одноглавый пикирующий. На фоне какая-то историческая достопримечательность — и я никогда прежде ее не видел…

Несколько секунд я просто гляжу на бумажку в руке, затем отрываю взгляд и задумчиво смотрю поверх голов вдаль…

А почему, собственно, меня это удивляет? Что именно наталкивает меня на мысль о двуглавом орле? Почему я решил, что он должен быть двуглавым? Хм… дело в сбое памяти, наверно…

У остановки тихо и плавно притормаживает полупустой автобус, и люди начинают посадку. Я отрешенно наблюдаю за процессом, затем автобус закрывает двери и набирает скорость с едва слышным звуком…

…Электромотора?!

Это было так неожиданно, что я поднял глаза вверх в поисках проводов, но… Их просто нет. Троллейбус, только без рогов.

Слегка подзависаю. Электроавтобус? Серьезно?

Мимо проносятся — ну как проносятся, километров шестьдесят — одна за другой две машины, и я понимаю: да, серьезно. Потому что машины тоже электрические.

Я «зависаю» и моргаю глазами — наверное, со стороны потешное зрелище — до тех пор, пока не подает голос здорового скепсиса: да, электротранспорт, и что? Почему это кажется мне странным? Почему автобус не должен быть электрическим?

Делаю жалкую попытку объяснить все тотальной амнезией, но внутренний скептицизм беспощадно ее давит: если память слетела просто в нулину, то вполне логично, что я забыл, как выглядят деньги и какой тут транспорт. Но откуда взялось странное и беспричинное убеждение, что герб должен быть иным

и транспорт должен быть на бензине?

Хренасе у меня винт-то посыпался, мрачно подумалось мне, и сразу же губы растягиваются в слабое подобие усмешки: кажется, я все еще способен шутить.

Что ж, в таком случае самое разумное, что я могу сделать — это попросту осмотреться. Я забыл все, включая и этот город. Бежать смысла нет и возможности нет, потому некоторое время мне придется играть в кошки-мышки с моими преследователями на этом поле. Стало быть, надо поле изучить хоть немного.

Неспешно вливаюсь в людской поток и плыву по течению: я нахожусь неизвестно где и не знаю, куда идти, так что мне подходит любое направление.

По пути прислушиваюсь к гомону вокруг — обычный русский язык. Правда, то и дело проскакивают неизвестные слова: что значит, например, «клюговать»? Наверное, какой-то жаргон.

Я оказался в довольно благоустроенном спальном районе, судя по всему, застроенном относительно недавно, потому что дома выглядят современно и при этом они относительно небольшие. Четыре-пять этажей, один-два подъезда в среднем. Непривычно. Много зелени, порой попадаются здания с несколько странной архитектурой, и вот они заметно старее прочих. Ларчик, видимо, открывается просто: Марина же упоминала, что район приличный.

Итак, у меня две проблемы, которые нужно решить как можно быстрее. Во-первых, мне нужно укрытие, жилье, логово — что угодно, где я мог бы затаиться, какая угодно ночлежка. Во-вторых, мне нужны средства к существованию, у меня при себе денег — на разок хорошо покушать. Если ограничиться только хлебом и кефиром — можно протянуть дня четыре максимум. И, конечно, на эти деньги мне вряд ли светит найти номер в каком-то клоповнике, а если и найду — на хлеб и кефир не останется ничего.

Варианты? Печально все. Это только в кино харизматичный герой, оказавшись в моем положении, умудряется подцепить какую-нибудь красотку и провести ночь у нее дома со всеми вытекающими бонусами. На практике возможен вариант с опустившейся женщиной-алкоголичкой, и тут нужна как минимум бутылка водки… да ну нахрен. К тому же мне придется спустить на эту бутылку почти все деньги, ну или сколько там стоит водка…

Где ж денег-то взять? Получается, что нормальным путем — никак. Допустим, мне подошел бы вариант типа уйти в море на сейнере — тут и деньги, тут и побег, тут и вопрос жилья. Только где ближайший порт, как туда добраться и найдется ли для меня

работа? Маловероятно. И главное — даже в самом идеальном варианте у меня спросят паспорт. Которого у меня нет.

Ну, в общем-то, есть один вариант, рискованный, но приемлемый…

«Воруй только деньги и только у тех, кто не может заявить в полицию».

Эта фраза всплыла из глубин моей отказавшей памяти, но я не смог вспомнить ни автора, ни книгу. А вот героя, вроде бы, звали… да, Прокейн.[2]

Я, как выяснилось, физически сильный и быстрый парень с железными нервами. И у меня есть крупнокалиберный револьвер. Этого в определенной ситуации должно хватить. В другой ситуации мне было бы дико даже думать о таком — но за мной охотятся беспощадные люди из могущественной организации, и терять уже нечего. Хуже не будет.

Кого ограбить? Того, кто не сможет заявить в полицию, как и завещал Прокейн. То есть, другого преступника. Вот только вопрос, где этого преступника найти? Преступники — народ скрытный, они как бы не афишируют свою принадлежность к криминалу…

Хотя стоп.

Есть один тип преступников, который вынужден давать другим возможность себя найти. Это, мать его за ногу, толкач. Пушер. Уличный торговец наркотиками.

Хм…, а ведь звучит как план. То есть, у пушера на спине не написано «толкаю дурь недорого», но новые клиенты как-то должны его находить, значит, в теории и я смогу. При том, что хитрый пушер не держит товар в карманах — для этого у него есть тайники, просто чтобы не замели с поличным — деньги от продажи у него при себе, деньги держать не преступление. Надо вычислить и ограбить. У него может быть охрана неподалеку, но у меня есть оружие на этот случай.

При этом ограбленный толкач не сможет заявить в полицию по вполне очевидной причине. В самом деле, а что он скажет? «У меня отняли деньги, которые я честно заработал продажей наркотиков»? Ха-ха. И пусть он скажет что-то иное, это ничего не меняет: помогая полиции найти меня, он помогает найти свидетеля против самого себя.

Итак, мне нужно для начала отыскать «злачный район». Ночные клубы, бары, все такое. Прямо вот тут — маловероятно, больно благополучно здесь все. То есть, тут может быть крутой ночной клуб, в котором продают наркотики, но толкач в дорогом заведении тоже будет не уличным мурлом, то есть, вычислить его я не смогу. Да и как мне попасть в дорогой ночной клуб?

Размышляя так, я неторопливо двигался следом за человеческим потоком и постепенно стал замечать, что вокруг изменилась обстановка. Благополучные жилые дома, частью нарядные, частью вычурные, сменились строгими офисными зданиями, поток машин стал гуще.

На одном из переходов меня выдернул из задумчивости непривычный звук мотоциклетного двигателя. Мимо меня неторопливо проехал натуральный мотоцикл, сверкающий хромом, на нем — байкер в хромированном шлеме под стиль мотоцикла, за ним — девица, затянутая в черную кожу, без шлема. Наверное, потому байкер и не гонит, что пассажирка без шлема… Впрочем, я его очень даже понимаю: такую подружку только так и возить, медленно и без шлема, чтобы прохожие успевали поглазеть и позавидовать. Девица действительно хороша, внешность модельная. Получается интересная штука: среди кучи бесшумного электротранспорта едет бензиновый «железный конь», причем шикарный. Байкер — как байкер, но девица с ним тоже шикарная, такие не светят простым парням с простыми кошельками. Выходит, транспорт с двигателем внутреннего сгорания — из категории роскоши? Вестимо, так и есть.

В какой-то момент я обратил внимание, что мой нос продолжает чувствовать запах сгоревшего пороха. Этот запах все время был со мной, слабый, но постоянный. Черт, надо с этим что-то делать.

Тут мне попался парк по пути, и я туда свернул. Народу мало, так что я побродил маленько и без особого труда нашел скамейку на отшибе у пруда.

Здесь я смог осторожно вынуть из кармана револьвер и спрятать за пазухой, а потом украдкой рассмотреть.

Оружие оказалось странным. Рукоятка как рукоятка, спусковая скоба, курок, все такое, но револьвер «курносый», с коротким стволом и странным продолговатым барабаном. Патроны оказались еще более странными: длинная цилиндрическая гильза, из которой не выступает пуля. Как у «нагана», но гильза длиннее, а пуля внутри — не свинец.

Наконец, я вынул одну стреляную гильзу и сразу понял, что пахнет порохом именно она.

А все дело в том, что вместо пустоты внутри я увидел пробку, которая заклинила в сужении дульца гильзы. Вот оно что…

Я вспомнил звук выстрела: это были хлопки, а не грохот, которого стоило бы ждать от оружия такого калибра. Пуля взрывалась и то громче. Получается, что между пороховым зарядом и пулей находится пробка-толкатель. При выстреле

порох сгорает и обеспечивает пробке мощный толчок, пробка выталкивает пулю в ствол, а сама закупоривает гильзу, отсекая пороховые газы. Потому и ствол короткий, длинный был бы во вред. Бесшумный патрон, вот оно что. И сейчас стреляные гильзы потихоньку стравливают запертый внутри под большим давлением газ, отсюда и стабильный запах.

Я вынул из барабана еще две гильзы и выбросил их в воду. На месте, где они утонули, начали появляться маленькие пузырьки.

На выходе из парка я почувствовал легкий голод: уже прошло часа три. Яичница была хороша, но я три часа в непрерывном движении, если не считать десяти минут на скамейке. Ну что ж, план у меня есть, мне надо дождаться вечера и выйти на охоту, а дальше пан или пропал. Так что я могу свои четыре сотни спокойно проесть: уже ночью у меня будут деньги или я сам буду мертв.

О том, что я могу просто не найти толкача, стараюсь не думать: в этом случае к утру я буду голодный, уставший, сонный, без денег и убежища. И тогда мои дела станут совсем плохи.

Проходя мимо ларька с жареными пирожками, я скользнул глазами по вывешенному ценнику. Пирожок с горохом — рубль двадцать, пирожок с повидлом — полтора рубля, пирожок с капустой…

Стоп, что?! Рубль двадцать?!

Две минуты спустя я, счастливо улыбаясь, отошел от прилавка с пакетом, источающим замечательный запах. Четыре пирожка с котлетой, два рубля штука.

Но улыбаюсь я не от предвкушения трапезы: у меня пятьсот рублей в кармане. Это не на раз покушать, как я думал: судя по цене на пирожки, речь идет о маленькой месячной зарплате или вроде того.

Уминая пирожки — котлеты, внезапно, оказались очень даже неплохими — я снова ощутил знакомый когнитивный диссонанс. Почему я удивляюсь, что пирожки такие дешевые? Я мог просто не знать цены из-за амнезии, но нет, я пребывал в уверенности, что пятьсот рублей — это максимум четыре дня на кефире и хлебе. Почему? Я мог полностью забыть покупательную способность денег — но я не просто забыл, у меня откуда-то возникло ошибочное мнение на этот счет.

Черт возьми, почему все, что осталось в моей голове после амнезии, так сильно не соответствует действительности?!

Доедая четвертый пирожок, я внезапно сообразил одну вещь. Я просто проходил мимо ларька, всего лишь скользнув взглядом по листу с прейскурантом. И этого хватило мне, чтобы запомнить все позиции — восемь видов пирожков и три вида беляшей — и

цены. Просто за один взгляд максимум на две секунды.

Но моя фотографическая память — это приятная сторона медали, а есть и оборотная. Каждое такое «приятное» открытие на самом деле увеличивает вероятность того, что я и вправду не человек.

Четыре пирожка легли в желудок легко и непринужденно, тем самым исправив ситуацию с питанием. Выбросив пустой бумажный пакет в урну, я сообразил, что малость туплю: у меня в бумажнике в кармашке для мелочи лежат полтинники и четвертаки, я должен был раньше сообразить, что раз в ходу мелочь — то логично предполагать наличие цен вроде «полтора рубля». Потому что если бы пирожок стоил в районе пятидесяти рублей — человек, владеющий фешенебельным доходным домом, не заморачивался бы с копейками, имеющими околонулевую ценность.

Итак, у меня в кармане пятьсот рублей. Это значит, что я, в теории, могу попытаться снять квартиру на месяц или две недели. Мне сгодится любая, лишь бы иметь временное пристанище, чтобы залечь на дно.

Нужна газета с объявлениями.

Но тут меня поджидал облом: в киоске с прессой я обнаружил только глянец. Глянец, глянец, везде один глянец: для мужчин, для женщин, для джентльменов[3], для бухгалтеров, для программистов, для домохозяек, даже может, даже для черта лысого тут есть издание — а газеты нет. Просто, твою ж мать, нет. Киоск с прессой без единой газеты — каково?

— А где мне найти городские объявления, не подскажете? — спросил я у продавщицы.

— Так в Сети же, на городской «борде».

— Точно. Спасибо.

Сетевое кафе я отыскал в соседнем квартале, просто спросив прохожего парня. Вывеска интересная: «Кафе „У паучка“». Сеть — символ интернета — имеется, но не проще ли было бы назвать заведение просто и понятно — «интернет-кафе»?

Вхожу, сразу попадаю на кассу с админом. Час — три пятьдесят.

— Как мне найти городские объявления?

— Второй значок слева в первом же ряду иконок, — сказал админ.

— Спасибо.

Иду к своему месту, удивляясь чистоте и шику. Посетителей немного, половина компов свободна. Сажусь за арендованную машину — стол чистый, клава не затертая до дыр, мышка тоже новая. Экран тонкий, большой, системного блока не видно

вообще, спрятан внутри стола.

Так, вторая иконка — вот она. Так и подписана: «доска объявлений».

Уже собравшись кликнуть, обращаю внимание, что первая выглядит как стилизованная паутина и подписана «Сеть».

И тут у меня появилось смутное подозрение.

Кликаю на «Сеть» — открывается браузер со строкой поисковых запросов.

«Интернет». Ввод.

«Ничего не найдено. Может, вы имели в виду „интерн“?»

Э-э-э… Блджад, в смысле?!

«Internet». Ввод.

«Ничего не найдено. Может, вы искали „интерн“ на английском языке?».

У меня, кажется, дрожат пальцы. Когда я отнял у Марины револьвер, из которого она пыталась прострелить мою голову, руки не дрожали, а теперь мелко трясутся. Облизываю пересохшие губы, осознавая, насколько все плохо: особое слово, которым называют всемирную компьютерную сеть, получается, существует только в моей голове. Потому что всему остальному миру название «интернет» неизвестно.

И тут сразу же вопрос: а почему вдруг я уверен, что глобальная компьютерная сеть называется интернетом? Откуда это слово взялось в моей черепушке?

***

Квартиру я нашел, причем настолько дешево, что просто удивительно: сто восемьдесят рублей в месяц. Правда, в особой рубрике — «миниквартиры». Владелец объявления указал, что сдает сразу шесть миниквартир, отличающихся друг от друга, и если я вижу это объявление — то хотя бы одна сейчас свободна.

Телефонный номер я записывать не стал: просто посмотрел и запомнил. Не заучивал, просто зырк и готово. Затем отыскал еще несколько объявлений того же типа, но подороже — такого дешевого второго не нашлось — и тоже запомнил номера.

Теперь мне нужен телефон, да подешевле.

Магазин бэушной электроники я нашел за пять минут, причем в нескольких кварталах отсюда. Запомнил маршрут и пошел, уйдя на двадцать минут раньше, чем кончилось мое время.

Вот вывеска и подвальчик. Спускаюсь по ступенькам, толкаю дверь. Типичная барахолка, да. Продавец — такой же типичный компьютерщик, в очках и с залысинами.

— Драсте, у вас телефоны есть?

— Вам какой нужен? Есть целый ассортимент бэушных и

уцененных из топовых линеек, вдвое дешевле новых.

— Да мне бы чего попроще, лишь бы звонил, — говорю я и начинаю сочинять на ходу. — Я свой уронил в воду, теперь вот в сервис отнес, а там очередь, починят только через три дня. Мне на три дня телефон нужен на замену, так что давайте самое дешевое, что у вас есть, главное чтобы исправный.

— Ну есть у меня один совсем дешевый, — сказал продавец. — Так-то из среднего сегмента, но его умудрились так приложить, что треснуло защитное стекло и при этом пошла тончайшая поверхностная трещина по экрану. Отклеить защитку нельзя, не доконав экран, а менять весь экран смысла нет, потому что он составляет две трети стоимости нового. Телефон же полностью рабочий, экран в порядке.

И он мне его продал за двадцать рублей — оказалось, что это смартфон. Когда я спросил, нет ли у него простого кнопочного — продавец посмотрел на меня как на чудака.

— Вы бы еще абак у меня купить попытались, — хохотнул он.

Так я стал обладателем полностью рабочего смартфона с заметной трещиной в защитном покрытии. С камерой, фонариком и приличным объемом памяти. За двадцатку, однако. Десять пирожков с котлетой — ну нормально, живем.

Сим-карта мне не понадобилась: в телефоне уже есть симка, предыдущий владелец ее не вынул. При этом на счету двенадцать часов разговорного времени. Однако. Видимо, телефон краденый или потерянный.

Вызвонил автора объявления, договорился, что подойду, приложение «Навигатор» проложило мне маршрут по улице. Расстояние — четыре километра. Ладно, пойду пешком. Просто ради того, чтобы осмотреться.

Я двинулся по улице, свернул на оживленную авеню, потом через подземный переход, еще раз свернуть и через подземку, затем налево, пройти вдоль стены этого здания…

Смотрю туда, вдоль стены — однако, а это трындец какое длинное здание. Здание полностью занимает всю длину квартала, ниче так…

И тут черт дернул меня задрать голову. Надо мной — уходящая ввысь широченная стена из стекла и стали. Задираю голову еще выше — стекло и сталь. Много этажей, а неба-то нету.

И только тогда до меня дошло: я стою у стены натурального небоскреба во много десятков этажей, точно за сотню, и высота… полкилометра. Это минимум. Взгляд вдоль другой стены — она тоже длинная, на весь квартал.

В голове бьется, словно птица в клетке, всего один вопрос: где, блджад?! Где в России есть небоскреб высотой в

полкилометра?!

И тут снова отозвался все тот же голос здорового скептицизма: а почему вдруг в России не должно быть таких громадных сверхвысоток?

И, в общем-то, действительно, а почему нет? Благоустроенный город, полностью электрический транспорт, пирожки — с котлетой из мяса! — по два рубля, смартфон за двадцатку, квартира за сто восемьдесят в месяц… Небоскреб в этом списке чудес уже не особо выделяется. Верней, его в этом списке вообще нет: вот пирожок с котлетой за два рубля — это чудо, а небоскреб — всего лишь инженерное сооружение, ничего чудесного.

В общем, мне просто надо разобраться со своей головой, чтобы все это перестало казаться чем-то сказочным.

…И заодно выяснить, куда делось слово «интернет».

***

Миниквартиры оказались и вправду очень «мини». Владелец переоборудовал под «квартирный дом» техническую постройку ограниченной площади, ранее вмещавшую то ли котельную, то ли что-то еще. Получилось шесть квартир очень маленькой площади, в районе десяти квадратных метров или около того, по три на каждый из двух этажей. При том, что такая практика — супердешевые супермаленькие квартирки для студентов или приезжих, а то и просто людей, выбравшихся в самостоятельную жизнь налегке — довольно распространена и даже возведена в ранг искусства, этот человек пошел еще дальше.

В то время как обычная миниквартира всегда содержит санузел, иногда даже разделенный, кровать и очень маленькую кухню, здесь все шесть квартир оказались каждая одновременно с каким-то изъяном и с какой-то крутой фишкой. Все шесть имеют туалет и кровать, а дальше начинаются расхождения в «комплектации». В первой отсутствует кухня, но есть ванна, и ее арендует студент, который любит принимать ванну и питается вне дома. Две идентичные квартиры на первом и втором этажах чрезвычайно тесные, в них тоже нет кухни и всего лишь душевая вместо ванной, но вся стена — одно большое окно, причем на очень живописный сад. Четвертая имеет очень маленькое окошко и тесный совмещенный санузел, но зато есть полноценная кухня и сама квартира чуть просторнее. Пятая не имеет кухни, окно маленькое, но зато в ней широкая кровать «кинг-сайз», отдельно отгороженный туалет и очень просторная душевая комната, в которой можно принять душ вдвоем, и даже не только принять душ, но еще и поиграть в те игры, которые не были доиграны в постели. В общем, идеальный выбор для небогатого донжуана.

И шестая — в торце здания на втором этаже, самая маленькая, кухни нет, но зато два окна — на улицу и в переулок, а кроме того, есть дверь, через которую можно выйти в междудомное пространство под открытым небом, огороженное со всех четырех сторон. Буквально два метра на два метра, в котором разбит крохотный мини-садик. Личный огороженный сад для покурить или почитать на свежем воздухе, причем скрытно от окружающего мира. Сам сад, конечно, «дикий»: у двери бетонная плита метр на метр, а остальные три квадратных метра заняты какими-то кустиками и травой. Кустики, впрочем, даже пахнут слегка, и приятно.

Именно последняя квартира меня заинтересовала больше всего, и именно окнами и садиком. Обзор на две стороны из трех, а с четвертой, глухой — «аварийный выход» на третью. Если перемахнуть через стену — окажешься в переулке, причем со стороны переулка не очевидно, что торцевая квартира второго этажа имеет свой собственный «балкон». Высота от асфальта до вершины стены — пять метров, что как бы исключает вторжение без подготовки. Зато для меня это отличный путь отхода, и в процессе побега я буду иметь позиционное преимущество перед противником, который перекрывает переулок. Проще говоря, я смогу спрыгнуть ему на голову. Вторая тактическая возможность в том, что с балкона я могу выбраться на крышу, ведь для человека, который на этом балконе стоит, здание одноэтажное, и я сразу присмотрел выступы. Ну а с крыши можно и на улицу, и в переулок, и на ту сторону, куда обзора нет, а там тоже переулок.

Вишенка на торте же в том, что задняя стена соседнего здания, на которое выходит задняя стена этого — глухая, и на высоте четвертого этажа там натянута туева хуча кабелей, и их так много, что «альпинист», который попытается спуститься ко мне на балкон с крыши соседнего здания, в них запутается, произведет шум, а то и удар током получит. В общем, вторжение ко мне через балкон предельно неудобно, а для меня отличный путь побега, к тому же малозаметный, если не знать планировку в точности — просечь вряд ли получится.

Так что я выбрал именно последнюю квартиру, сославшись на то, что свой кусочек природы за балконной дверью — это прям то, что мне особенно по душе.

Я сразу выложил хозяину сумму за месяц вперед, при этом сказал, что заплатить сразу за несколько месяцев пока не могу, надо дождаться первой зарплаты. То есть, как бы намекнул, что хочу остаться тут надолго. Паспорта он у меня не спросил — стало быть, все, «я в домике». Пока сам не вылезу — не найдут. Просто потому, что никакие ниточки сюда не ведут.

Дело уже пошло к обеду, так что я сбросил туфли и растянулся на матрасе. Благословенная передышка. Матрас, к слову, практически новый, и вообще, эта крохотная «микроквартирка» отличается от приличной квартиры только размерами. Ну и то, что кухни нет. Отделка очень добротная, хотя снаружи здание — просто бетонная коробка, внутри все пусть не богато, но именно что прилично. А местами так и определение «богато» уместно, душ для совместных развлечений в квартирке для донжуана отделан хорошим кафелем и очень тщательно, для игр в намыливание и прочие обжималки под струями воды в самый раз.

Вообще, философия миниквартир, как по мне, очень хороша. В этой коробке, предельно неподходящей для квартирной планировки, можно было бы разместить по одной квартире на этаж, и квартиры получились бы с хреновой планировкой, но с адекватными комнатами, потому что душ и санузел были бы по одной штуке на квартиру. И в принципе можно было бы сдавать комнаты тем же шести жильцам, но… Три незнакомых человека в одной квартире — ситуация, которая подходит не всем. Мне бы точно не подошла. Вообще, попробуй пообжиматься с девушкой в душе, если в дверь стучат и требуют поспешить… А так — шесть отдельных квартир. В каждой свой санузел, не везде удобный, но свой. Свое личное жилье, которое не нужно ни с кем делить, и при том по очень скромной цене. А отсутствие кухни для человека, который питается в общепите вне дома и не готовит — не проблема. Словом, для студента или молодого специалиста, который на нормальную квартиру не заработал — приемлемый вариант. Ну или для беглеца вроде меня.

Итак, что я имею? Триста рублей без трешки в кармане, чего мне хватит на месяц с натяжкой, если экономить, и крышу над головой. Район — не респектабельный, несколько хаотично застроенный и перестроенный, живет тут небогатый люд. Зато через парк в одну сторону — и там уже оживленные, благополучные кварталы, деловые, спальные и так далее. В другую — надо будет разобраться. И вообще — город изучить. Но безусловный плюс в том, что тут меня просто хрен сыщешь. Порой жилые дома выглядят как нежилые, потому что были перестроены в жилье из, казалось бы, совершенно непригодных для этого построек. Вот этот вот дом, где я сейчас отдыхаю — он в принципе не имеет адреса как такового, потому что некогда был вспомогательной инфраструктурной постройкой. Трансформаторные будки и котельные локального значения банально не имеют собственного адреса, он им не нужен, такие дела.

И вот в таком «муравейнике», не особо тесном, но хаотичном, искать залегшего на дно беглеца — та еще задачка. Вот будь я преступником в бегах — можно было бы показывать по телику мое фото, и хозяин мог бы узнать. Только я не преступник, меня нельзя искать открыто и официально: если я — секретный проект, который пытались уничтожить за намерение сходить к врачу, то мое существование будут хранить в тайне. То есть, никаких фотороботов на телевидении.

Что до минусов — все та же нехватка денег. У меня при себе всего один комплект одежды и белья, и даже если я найду тут автоматическую прачечную — мне нужен второй комплект одежды, в котором я пойду стирать первый комплект. Предположим, если жилье на месяц стоит только сто восемьдесят, то какая-то самая дешевая одежда обойдется в сопоставимую сумму. Пусть даже двести рублей — на руках остается почти сотня. Чего мне, при таких ценах на еду, хватит на неделю.

В общем, кардинально ситуация не изменилась, хочешь не хочешь, а надо идти ловить наркодилера. Только если раньше у меня была, по сути, одна-единственная попытка и при неудаче я становился бомжом, то теперь у меня в запасе неделя. То есть семь-восемь попыток.

Я немного подремал расслабленно и отдохнул, а затем поднялся: пора действовать. Кстати, нужны спальные принадлежности, но тут я обойдусь самым дешевым спальным мешком. Второй пункт нужных покупок — пара бутылок минералки и какая-то непортящаяся снедь на перекусон. Ну там, чипсов пара пачек или печенья.

Ноги в туфли, куртку на плечи, револьвер — в карман. Главная задача на сегодняшнюю ночь — хотя бы отыскать какой-то «злачный» квартал. Кстати, идея: я смогу определить подходящее место по наличию уличных проституток. Где проститутки — там и наркотики.

Как найти место, где работают ночные бабочки? Ну, вероятно, в районах ночных клубов они будут. Только клубы должны быть дешевыми, потому что в шикарные клубы ходит такая публика, которая не интересуется уличными шлюхами. У них в ходу путаны куда более высокой ценовой категории, таких порой не отличишь от приличной леди, на улице они, ясное дело, не работают.

Хотя стоп, я снова туплю: чем выстраивать требующие проверки логические цепочки, проще просто спросить таксиста. Взять такси и попросить отвезти туда, где можно найти девочку. Вуаля — и я на месте. Дальше останется только осмотреться, вычислить цель и грабануть.

Ну а потом, когда у меня появятся деньги, я начну думать, как выйти на людей, способных решить вопрос с новыми документами.

Итак, план у меня есть. Значит, прямо сейчас я иду покупать минералку, чипсы и спальник, заодно перехвачу еще каких-то пирожков или тарелку жареной картошки где-то в фастфуднике. Потом возвращаюсь обратно на «базу» и спокойно дрыхну себе до вечера. А вечером — взять такси и дальше по плану.

***

Хороший или даже просто грамотный план — это часто уже половина успеха, и в этov я убедился сразу же.

Я поймал такси и так прямо водиле и сказал, мол, отвези меня куда-то, где можно повеселиться и пару путан снять. Ну он и повез. Оказалось, что место, где я жил раньше с Мариной и где поселился теперь — а дистанция между этими двумя точками километра три всего — находится далеко от центра. Не совсем пригород, но и не центр. А до нужного мне «злачного района» пилить минут двадцать, так как он тоже не пригород и не центр — только не рядом, а подальше. Таксист ехал на пределе разрешенной скорости — шестьдесят в час — по объездной в пригороде, получилось двадцать минут. То бишь двадцать километров.

— Напрямую ехать ближе, — пояснил таксист, — но придется на светофорах постоять, а то и в пробке. По деньгам получится то же самое, по времени даже дольше.

Я прикинул, что километров десять напрямую. То есть, если бы я пошел искать подходящее место вслепую да пешком — хрен там нашел бы. А тут двадцать минут — и на месте. Пока ехал — рассматривал город в окно и поневоле удивился, сколько на горизонте небоскребов от ста пятидесяти и выше, триста-пятьсот мало, но они есть. Охренеть, однако: Манхеттен тихо курит в сторонке.

По пути у меня внезапно мелькнула случайная мысль.

— Слушай, брат, — сказал я, — у тебя есть на телефоне выход в сеть? Пользуешься соцсетями?

— Да, а что? — отозвался таксист.

— Притормози вот тут на обочине, хочу, чтобы ты поискал для меня в соцсетях одну девицу. Я не спешу, и ты тоже, счетчик ведь тикает, да?

— Ладно, — сказал водила, притормозив у обочины. — Кого искать?

— Марина Дремина.

Он потыкал пальцем в телефон и сообщил, что таких с полсотни.

— Лет двадцать пять, блондинка.

Таких нашлось три, но ни одна из них не моя «жена».

— Тогда попробуй искать Марину Ветрову. Еще она служила в армии.

И вот тогда он ее нашел.

Верней, это была все равно что другая женщина, и я внезапно понял, что это было за «предложение, от которого невозможно отказаться».

Да, аккаунт принадлежал девице, которая служила в морской пехоте, там были фотографии и в форме, и с оружием, и все такое — на этом сходство закончилось.

Она была просто до горя некрасива. Не уродливая, а именно что некрасивая. Все в ней, от лица до пят, было некрасивым, напрочь лишенным даже капельки красоты и женственности, а отдельные детали лица так еще и максимально сильно не гармонировали. Я узнал ее только по крепким рукам с хорошо очерченной мускулатурой — наверное, это были единственные части тела, не подвергшиеся пластической хирургии — и, спасибо моей фотографической памяти, по голубым глазам с тем же самым рисунком и пятнышками радужки, что и у «моей» Марины. В глубине глаз, казалось, застыл непреходящий безмолвный крик: «Ну почему я? Почему из сотен миллионов девушек родиться настолько некрасивой выпало именно мне?!»

— Когда она была последний раз онлайн, там где-то написано?

— Два года уже не заходила, — сообщил таксист.

— Понятно… Что ж, вези меня дальше, зеленоглазое такси…

Все сошлось, совпали детали и время. Некая корпорация собирается провести потенциально опасный эксперимент, очень-очень секретный, и ей нужен «цербер», присматривать за «подопытным». На роль «цербера» нужна женщина, достаточно решительная и компетентная в силовых вопросах, накоротке с оружием, достаточно храбрая, чтобы день за днем жить рядом с «охраняемым объектом», играть роль его жены во всех аспектах. Тут уже не получится нанять за деньги охранницу, нужна такая, для которой работа станет жизнью.

Что ж, выход нашелся вполне оригинальный: берем женщину-морпеха, в глазах у которой застыла боль, характерная для любой некрасивой женщины, и делаем ей предложение. В обмен на свою несчастливую судьбу Марина получила несколько более счастливую, но… чужую.

Далее — примерно полгода интенсивной хирургии, по итогу которого неказистая серая мышка превращается в привлекательную деваху. Затем полтора года жизни со мной.

Получается как раз два года с того момента, как Марина легла на стол хирурга и до сего момента. Все совпало.

Я вздохнул. Да, вот теперь я понимаю, что значит «предложение, от которого невозможно отказаться», и только рад, что оставил Марину в живых. И можно только надеяться, что «хозяин» не списал ее в расход после того, как эксперимент провалился и подопытный сбежал.

***

Место, куда привез меня таксист, оказалось примерно таким, какое мне и требовалось: район явно «злачный», одновременно депрессивный и яркий, местами темный, местами освещенный неоном и аргоном. Типичный такой неонуар в примерно таком виде, в каком я его себе и представлял. Ну хоть что-то в моей голове адекватно.

Когда я расплачивался с таксистом — вышло восемнадцать рублей с копейками, так что я дал ему двадцатку без сдачи — он спросил:

— А вы приезжий, да?

— Угу, типа того.

— В общем, смотрите. Вон там высокое здание — за ним начинается район «заброшенок». Туда лучше не ходить вообще. Не то чтоб там было особо опасно — просто там и интересного ничего нет. Трущобы вперемешку с покинутыми зданиями. Само собой, что публику там всякую встретить можно. Вон в той стороне так называемый «Шик», а в той — «Поле дураков». Ну названия такие устаканились. В районе «Шика» развлечения все те же самые, что и на «Поле», но стоят в полтора-два раза дороже. По ресторанам и забегаловкам ничего не скажу, не спец, а девочки на «Шике», ясное дело, презентабельнее. Еще обратите внимание, что полицию сюда вызвать долго. Так-то вы выглядите как человек, который за себя постоять может, но на всякий случай, оба района патрулируют «чернопиджачники». Они тут вместо полиции и, по правде, поэффективней ментов будут. Узнаете их по черным пиджакам и черным очкам, которые они не снимают даже в темноте.

— Кто это такие?

— Силовики-корпораты. В «Шике» примерно восемьдесят процентов всего принадлежит трем корпорациям, именно они и следят тут за порядком. Короче, заменяют полицию, так что если нужна помощь — прямо к ним обращайтесь. На «Поле дураков» они тоже есть, но намного меньше, чем в «Шике».

— Ладно, учту в случае чего, — кивнул я, поблагодарил таксиста и не спеша двинулся в сторону «Шика».

Однако же, куда я попал?! Корпорации правят бал в отдельно

взятом районе, заменяя в том числе полицию? Хренасе тут киберпанк развели… Поневоле вспомнились слова Марины о том, что я — секретный проект некой корпорации, и теперь они уже не кажутся мне таким бредом.

Медленно иду по аллее, изучаю обстановку. Бары, клубы, рестораны, бильярдные — на каждом шагу. Минимум половина зданий имеет на первом этаже или в полуподвале какое-то увеселительное заведение, наверное, не особо в кайф жить тут. Звуки музыки, впрочем, не то чтоб очень громкие, из большинства дверей едва слышны. Впрочем, еще только вечереет, так что самое веселье впереди.

Люди — ну примерно обычные «отдыхающие», ничего особенного. Попадаются парочки, мужские, женские и смешанные компании. Периодически мелькают панковские прически, чернеют наряды готов, а также встречаются просто яркие, фриковатые люди.

Общий уровень заведений я понял довольно быстро: две-три «звездочки». Публика соответствующего пошиба и благосостояния. Замечаю аллею, затененную крупным зданием, на ней — женские силуэты у стены. Ночные бабочки.

И сразу же отмечаю тот факт, что хорошо вижу в темноте. Вот тут светло, вон там темнее, но я легко различаю детали и цвета. Вон там света совсем мало, но я вижу почти так же хорошо, как и там, где просто темнее, а в дальнем углу мрак еще гуще, но я все равно распознаю очертания лавочки и урны, не напрягаясь. Да, я совершенно точно вижу в темноте много лучше, чем должен видеть человек.

Еще один факт в копилку теории, что я — машина. Грусть.

Я побродил по району где-то с полчаса и примерно понял его масштабы и планировку. С виду, в принципе, все прилично, каких-то явно криминальных типчиков не видно, наркоту открыто не толкают и нариков тоже вроде нет. В общем, район с обилием разных заведений посредственного пошиба, для плебса, так сказать. Искать тут четырехзвездочный ресторан точно не стоит, как и состоятельную публику. Но в остальном все в рамках приличий, да и девочки довольно привлекательные, явно не портовые шлюхи, а чутка повыше классом.

Найдя заведение с незамысловатым названием «Пирожковая», я зашел и убедился, что это типичная пирожковая, притом без каких-либо изысков: есть прилавок с пирожками, есть ряд автоматов, наливающих в бумажные стаканчики чай и кофе, есть второй прилавок с соками — и все. И небольшой зал с очень незамысловатыми, дешевыми столиками и стульями.

Я взял два пирожка с котлетой — девяносто копеек каждый!

— и стаканчик кофе за пятьдесят копеек, присел за столик на скрипучий стул. Пирожки совершенно точно похуже тех, что в парке: сам пирожок поменьше, котлета тоже меньше, да и вкус у котлеты похуже, хоть и не намного.

В принципе, киоск в парке — это как бы более респектабельное место, и пирожки там получше, плюс наценка за респектабельность. Тут — просто еда, причем, видимо, для местных забегаловка, а не для тех, кто по ресторанам и девочкам ходит. Хм… В принципе, получается, тут можно прокормиться еще дешевле, чем я думал… Хотя тут и собачатина в пирожке оказаться может невзначай.

***

Где-то так на третьем часу моей прогулки спокойствие, к которому я уже успел привыкнуть, было нарушено двумя типами. Из двери бара, мимо которого я проходил, вышел человек в черном пиджаке, очень грубо тащивший за собой кого-то из посетителей, парня в яркой куртке с орлом на спине.

На пороге парень споткнулся, и дальше чернопиджачник потащил его волоком, прямо к другому такому же чернопиджачнику, который уже ждал на улице с планшетом в руке.

Тут парня поставили на ноги — чернопиджачник поднял его одной рукой, между прочим — ткнули под нос планшет, последовала короткая дискуссия, а затем тот, что без планшета, резко заехал ему кулаком в лицо, отчего его голова мотнулась в сторону второго, а тот, в свою очередь, двинул ему свободной рукой под дых. Парень согнулся, и тогда первый заехал ему в лицо коленом, а затем удары посыпались с двух сторон, причем с размеренностью, свидетельствующей, что эта расправа вполне себе хладнокровная.

Вот теперь я почувствовал злость и возмущение. Мне-то как бы известно, как работает полиция, иллюзий нет, но у ментов есть некая такая стыдливая трусость, они свои расправы проводят за закрытыми дверями, вот так прямо на улице избивать задержанного — это уже какой-то полный беспредел.

И самое возмутительное — что этот беспредел, слишком наглый и дерзкий даже для ментов, творят вообще не менты, а хрен его знает кто. Частные лица, не имеющие отношения к правоохранительным органам.

Вообще-то, сама идея охраны порядка не-ментами для меня не нова: те же якудза местами тоже исполняли полицейские функции, где-то отдельно от полиции, где-то вместо полиции, а местами даже вместе с полицией. И, конечно, якудза, если меня снова не подводит память, не творили подобного брутального

произвола. А тут… блджад, эти корпорации вообще охренели?! Владеть земельными участками и бизнесом на этих участках — это одно. Иметь вышибал в барах — ладно, куда ни шло. Но вот тут человека не то что силой вышвыривают из бара, а избивают уже после того, как вышвырнули!

И, в общем, злость на корпорации, замешанная на моей собственной ситуации, взяла верх над инстинктом самосохранения, который требовал не вмешиваться не в свое дело. С хрена ли мне не вмешиваться, если я и так уже состою с неизвестной корпорацией в войне на уничтожение? Семь бед — один ответ.

— Эй, мужики, а вам не зашкварно ли вдвоем одного метелить? — окликнул я их, остановившись в трех метрах.

Один из них отпустил избиваемого, и, как только тот упал, припечатал его ногой к асфальту. Оба смотрят на меня сквозь непроницаемые черные очки, а я, расставив ноги на ширине плеч, смотрю на них, держа руки в карманах. Мой облик пока еще не выражает агрессию или намерение подраться, но смотрю я на них мрачно, нахмурившись.

Через пару секунд тот, что поставил ногу на спину жертвы, ответил:

— Ну если ему женщин бить не зашкварно, то почему нам должно быть зашкварно проводить воспитательную работу?

Второй, стоявший ближе ко мне и с планшетом, молча предъявил мне экран своего устройства и ткнул по видеозаписи пальцем.

На планшете я увидел черно-белую видеозапись, снятую, видимо, в частично инфракрасном режиме. На ней этот самый парень — совпадают рост, комплекция и светлый цвет куртки с орлом на спине — вначале беседует о чем-то со стоящей у стены девицей в чулках и весьма вызывающем наряде, а затем, после ее реплики, резко бьет ее по лицу. Оплеуха ладонью, но сильная, у девицы голова мотнулась так, что ударилась о стену. Судя по всему, инцидент произошел на одной из тех малоосвещенных улочек, служащих ночным бабочкам «витриной».

Тьфу, блджад, а я за этот кусок дерьма едва не вписался.

Мое выражение лица и презрительный взгляд, брошенный на лежащего, вероятно, выдали мои мысли, так что чернопиджачники сочли инцидент со мной исчерпанным.

— Можем еще чем-нибудь помочь? — спросил тот, что с планшетом.

Я еще раз покосился на избиваемого, хмыкнул, покачал головой и двинулся дальше.

— Хорошего вам вечера, — сказал второй.

— Спасибо, вам того же, — кивнул я.

Небольшая толпа, которая уже собралась вокруг, расступилась передо мною с неким таким… уважением, что ли.

Этот короткий эпизод дал мне неожиданно много материала для размышлений, так что я, купив стаканчик кофе и крупный беляш, присел на лавочке и начал анализировать.

Первое — «силы охраны порядка» здесь не дремлют и действительно занимаются своими обязанностями. Физическое насилие — камеры — поимка фигуранта — расправа. Просто и эффективно, вероятно, именно это и имел в виду таксист, говоря, что чернопиджачники эффективнее полиции.

Второе — чернопиджачники совершенно точно сильно отличаются от ментов как методами, так и менталитетом. Что было бы, будь на их месте двое полицейских, какими я их помню? В лучшем случае был бы грубый окрик не лезть не в свое дело, могла бы быть и более агрессивная реакция. И уж точно мент не стал бы оправдываться перед прохожим.

Но корпораты — не менты. Я не знаю, какой у них правовой статус здесь, но вот способ мышления и отношение к окружающим совсем другие. Эти двое не полезли в бутылку и не стали обострять конфликт, а решили его вполне логичным путем, объяснив прохожему, то бишь мне, за что именно избиваемый подвергается наказанию.

Третий момент — толпа. Люди стояли вокруг и просто смотрели на процесс, кто-то даже снимал на телефон, но почему-то никто не возмутился, дескать, что за беспредел творится в этом районе?! В принципе, это вполне нормально, люди не склонны возмущаться, когда бьют какую-нибудь мразину, и им все равно, что наказание идет поперек закона.

Вот если такое творят менты — тут общественность начинает возмущаться. Но полиция давно свою репутацию пустила под откос, и с точки зрения гражданина если мент кого-то избивает на улице — то виновен он же по умолчанию.

Отсюда следует несколько странный вывод, что парни в черных пиджаках и темных очках обладают определенной положительной репутацией среди населения.

Четвертое — реакция на меня. Толпа расступилась передо мною с неким трудноуловимым уважением, вероятно, за то, что я, заподозрив несправедливый беспредел, не побоялся бросить чернопиджачникам вызов. Вероятно, эти парни довольно круты, тем более, что один из них с легкостью тащил жертву и так же легко поставил ее на ноги одной рукой. Помнится, я Марину тоже на вытянутой держал, а она, как мне кажется, была не легче вот этого парня в яркой куртке, ибо рост тот же и комплекция девахи,

способной раскатать мужика в рукопашной.

Интересно, а между мной и чернопиджачниками нет ли какого-то, кхм, «технологического сходства»?

Ответ на вопрос по поводу силы чернопиджачников я получил всего через полчаса. Проходя мимо какого-то ночного клуба, я заметил чернопиджачника, который просто стоял, просматривал планшет и курил.

Пройдя неспешно в трех шагах от него, я рассмотрел, что его рука, которой он держит сигарету — металлическая.

Я знаю, как выглядит примитивный протез руки. Я знаю, как выглядит высокотехнологичный протез, начиненный электроникой. Все протезы стремятся быть как можно более легкими, чтобы крепление их было максимально удобным, а ношение — необременительным. Все они облегчены и сделаны из легких материалов, и этим все протезы похожи друг на друга. И все они выглядят как «недорука», жалкое подобие созданного природой.

И только металлическая рука этого типа похожа не на убогий «заменитель руки в быту», а на чертовски солидный «боевой апгрейд», предназначенный для проламывания стен, переворачивания машин и так далее. И то, что таким мощным протезом он так непринужденно и аккуратно держит сигаретку, лишний раз доказывает, что технологии шагнули несколько дальше, чем это помню я.

***

Мой визит в «Шик» оказался одновременно полезным и бесполезным. Польза в том, что я осмотрелся на месте, понял некоторые реалии мира и исследовал территорию. Но при этом я никак не продвинулся в поиске наркодилера, и тут даже больше вопросов возникло, чем было.

Силовики-корпораты крышуют путан. При этом мне неизвестен характер этого заступничества: то ли проститутки или их сутенеры отстегивают чернопиджачникам напрямую, то ли все зашло еще дальше и проституция — это еще один вид бизнеса корпораций. Как вариант, возможно, чернопиджачники просто защищают всех, кто так или иначе находится в «Шике», не делая разницы между проституткой, местным жителем или праздным посетителем, и наказывают всех, кто ведет себя деструктивно и неадекватно.

Во всех случаях вопрос — а что насчет торговли наркотиками? Вариант первый — корпорации сами этим занимаются или получают часть дохода. Тогда силовики будут защищать пушера от меня. Вариант второй — им все равно. Поскольку пушер всегда старается не привлекать внимания — то

и проблем от него ждать не стоит, в то время как грабитель пушеров — таки проблема. Толкачи — часть ночной жизни злачного района, и его они будут защищать так же, как и путан.

Третий вариант, самый невероятный — это если корпорации против торговли наркотиками или же силовики считают их злом и пресекают деятельность по возможности. В этом случае я все равно с их точки зрения буду «проблемным» чуваком, который применяет насилие и угрозы оружием с целью грабежа.

И самый последний гвоздь в гроб моего плана — тот факт, что рушится главный принцип «грабь только тех, кто не сможет заявить в полицию». Ведь чернопиджачники и сами действуют без особого уважения к закону, то есть, в первом или втором случае ограбленный пушер при первой же возможности позовет на помощь, не опасаясь законных последствий за торговлю наркотой.

В общем, ясно одно: провернуть мой план в «Шике» не получится, тут слишком эффективная «уличная охрана», да еще и камеры везде.

Так что мне нужен либо другой план, либо другой район.

***

Я вернулся «домой» поздно ночью, принял душ и завалился спать.

Снова, как и раньше, мне приснился все тот же сон. Бег по полю, покрытому снегом и болотом, странное удовлетворение от того, что светлую растрепанную фигурку впереди уже не догнать и не достать, а потом все та же вспышка из дула танкового орудия — и я просыпаюсь.

На следующее утро я сходил в кафешку и позавтракал пельменями за три рубля, а потом снова взял такси и поехал в «Шик».

Днем район оказался несколько нормальнее, пропала вся злачность, клубы и дискотеки закрыты, рестораны тоже, работают забегаловки, да и только. Ну и пара ресторанов попроще.

Меня интересовало одно: камеры. Я прошелся туда-сюда и при свете дня довольно легко обнаружил, что камерами утыкан весь район. Камеры везде, в том числе на глухих переулках между двумя глухими стенами, где имеют обыкновение промышлять путаны. Тотальный контроль территории, что делает мой план практически безнадежным.

С другой стороны, теперь я знаю, как тут выглядят камеры, где и как их вешают. Так что самое время сходить на «Поле дураков».

Соседний район при свете дня выглядит беднее. Лавочки старые и давно не крашеные, вывески не такие классные, через

окна видно убранство ресторанов, и оно не впечатляет. Если в «Шике» три звездочки не редкость, а две — норма, тот тут две звезды, видимо, предел, а однозвездочные рестораны уже мало отличаются от забегаловок, пельменных, пиццерий и всяких таких рыгаловок. Дома — многоквартирные коробки с облезлыми стенами, попадаются заброшенные здания. Короче, такой район, если занесло туда жить — то, видимо, жизнь дала трещину, как говорится.

Но главное — камеры. Я сразу просек несколько типов мест, в которых камеры есть: широкие аллеи, площади перед заведениями, автобусные остановки. Да и все. А во всех остальных местах их нет. Масса заведений пожиже не находится под наблюдением.

За два часа, что я неспешно прогуливался по району, я не заметил ни единого чернопиджачника и всего один раз мимо меня проехала полицейская машина. В общем, надо будет посмотреть, что и как тут ночью, но пока выглядит все многообещающе.

Я вернулся в «Шик», отыскал уже знакомую «Пирожочную» и затарился дешевыми пирожками с картошкой и капустой, а потом поехал «домой».

***

«Поле дураков» меня одновременно не обмануло и обмануло. Не обмануло в том, что прогнозы оказались верны. Здесь все пожиже и подешевле, чем в «Шике», и девочки постарше, и освещение хуже, и публика несколько беднее. Чернопиджачника я увидел всего одного, и он не то чтоб пинал буи, но просто сидел за прилавком уличного общепита и кушал блины с вареньем, явно никуда не торопясь. Видимо, обеденный перерыв.

Обман же заключался в другом: я не заметил тут какого-то особого разгула преступности. Наркоманов, равно как и вообще любых неадекватно ведущих себя людей, не видать. А если нет торчков, то это как бы признак, что торговцев наркотиками тоже нет. Вот в благополучном районе естественно ожидать, что там наркота как бы получше качеством, и признаки ее употребления не так бросаются в глаза. А в дешевом депрессивном районе развлечений для самых обездоленных дурь должна быть предельно дешевой и потому некачественной во всех смыслах. Но торчков нет, что как бы для меня признак не очень хороший.

Два вечера подряд я ездил на «Поле дураков», бродил по улочкам, просадил в ночных клубах рублей тридцать на выпивку для маскировки — так, пивко, которое я только делал вид, что пью — и еще десятку на перекусы в забегаловках — все тщетно. С мозгами та же херня, что и с попытками распознать среди

космического хаоса сигналы инопланетян при помощи нейросети: нейросеть она такая, ей нужно вначале тыкнуть пальцем, мол, вот, гляди, это сигнал разумной цивилизации. И после этого она начнет распознавать другие похожие.

А мозг человека — та же нейросеть и есть. Если мне покажут толкача и скажут «вот толкач» — я его рассмотрю, выделю признаки, выучу паттерны поведения его и его клиентов. И тогда смогу находить других толкачей.

Только я никогда раньше не видел продавца наркотиков — как теперь мне его вычислять?!

Я отчаялся настолько, что свернул на темную улочку, выбрал из всех путан ту, которая выглядела старше других и стояла одна, без товарок-подружек, и подошел к ней.

— Слушай, подруга, такое дело, я не по твоей специальности, мне бы закинуться чем. Подскажи, где купить — отблагодарю.

Она покачала головой.

— Извини, красавчик, помочь не могу, я дока только по своей специальности. Просто не знаю, у кого купить такое, никогда не имела с дурью никаких дел.

М-да, это уже попахивает полным фиаско. Уж если уличные шлюхи — самое донное дно дна общества — не знают, кто торгует наркотиками…

И тогда на третий вечер я решил, что пора посмотреть район «заброшенок».

***

«Заброшенки» — наверное, слишком сильно сказано. Я ожидал большого количества заброшенных, нежилых и неиспользуемых зданий, но на деле все оказалось не совсем так. То есть, заброшенные здания есть, но обычно это крупные строения нежилого типа. Ну там, небольшая фабрика или школа, закрытый магазин и все такое прочее. Жилые же кварталы вполне себе имеются, окна в них светятся, даже если некоторые из зданий выглядят непрезентабельно. И население есть, и даже выглядит не то чтоб как-то сильно бедно, ну как на «Поле дураков».

Но камер нет, чернопиджачников с боевыми протезами нет, один раз мимо проехала полицейская машина и один раз «скорая». Общественного транспорта мало совсем, частных машин — твою ж мать, они все электрические!!! — значительно больше.

Что район небезопасный, я понял очень быстро по одному характерному признаку: закрытые магазины закрыты наглухо при помощи защитных опускающихся заслонов, либо же толстых крепких решеток. А те, которые работают и ночью, торгуют через окошко во входной двери. Дверь крепкая и явно противоударая,

смотришь сквозь стекло ассортимент, заказываешь — продавщица идет к полкам и приносит товар. То есть, максимум на этот товар и можно ограбить, проникнуть в магазин нельзя, не поможет даже пистолет, потому что касса стоит в глубине зала, причем на прилавке, который, если на глазок, стальной. Достаточно внезапно присесть, пока вынимаешь из кассы деньги — и все. Грабителю останется только расстреливать дверные петли, что явно плохая идея.

Итак, тут у меня шансы побольше. Собственно, мне даже не уперся именно толкач, сгодится любой встреченный преступник. Другой вопрос, что у толкача всегда при себе есть немалая сумма, а у другого криминалитета денег, напротив, может и не быть.

Как искать жертву? Ну, вот тут можно упростить себе задачу и сделать так, чтобы жертва нашла меня сама. Если шляться по самым темным переулкам — есть шанс повстречать обычного грабителя-гопника, а если повезет — то и парочку. На нож и предложение отдать деньги у меня найдется более впечатляющий аргумент и встречное предложение, и может быть, все произойдет даже без насилия и членовредительства. Но это если мне повезет, конечно. С другой стороны, почему-то мысль о ноже меня не очень пугает.

В общем, двинулся я самыми темными улицами да переулками. Вижу в темноте хорошо — стало быть, имею тактическое преимущество.

Здесь, в самых темных и скрытых местах на задворках, тоже кипит кое-какая жизнь. Путаны есть даже тут, но я моментально заметил, что обычно рядом с тремя-четырьмя «девочками» стену или дерево неизменно подпирает какой-то тип, обычно солидных габаритов. В глаза не бросается, в разговоры с клиентами не вступает — просто маячит сбоку на всякий случай. И комната, куда путана уведет своего клиента, вероятно, тоже охраняется. Короче говоря, тут работать опаснее, чем даже на «Поле дураков», потому как там проститутки вели себя так же, как и в «Шике», хоть чернопиджачников там меньше, чем в более дорогом районе.

А вот тут все иначе, одиноким ночным бабочкам не так безопасно, вот и вынуждены работать под опекой молчаливых крупных типов.

Первая вылазка в «заброшенки» прошла безуспешно, но я хотя бы изучил место. Да, тут мои шансы найти хоть какого-то преступника выше, чем в двух предыдущих районах, но все равно они тут не на каждом шагу, пусть район и явно неблагополучный.

Но моим самым любопытным открытием стало обилие машин, выглядящих чрезмерно дорого и шикарно, в одном месте поблизости от заброшенного завода. Они просто едут туда,

заезжают в ворота, сворачивают — и все, поди догадайся, куда и зачем поехал водитель. Многие машины не только выглядят шикарно, но еще и на бензине, а окончательно сломал мне шаблоны самый настоящий лимузин.

Тут можно было бы предположить сходку авторитетов преступного мира, но… нет. Среди машин были яркие и заметные, особенно мне запомнился антикварного вида седан розового цвета, с «крылышками», как у машин первой половины двадцатого века. Мало того, что раритетная и запоминающаяся тачка, так еще и, сцуко, розовая! Тонированные стекла не позволили разглядеть пассажиров, но… я просто уверен, что машина принадлежит женщине. И тут дело не в том, какого пола преступный лидер, а в том же цвете автомобиля. Ну разве может жестокая преступница рассекать на розовой гламурной машине? Ее после такого хоть кто-то из коллег воспримет всерьез?

Лежа дома в постели, я пришел к выводу, что речь о каком-то закрытом клубе для избранных. Какое-то увеселение, которое нельзя устроить в фешенебельном квартале. Что это мне дает — непонятно, так что продолжу действовать по своему плану.

Я закрыл глаза — только затем, чтобы снова побежать по вязкому, болотистому полю в надежде убежать от танкового фугаса.

***

Проснулся я в двенадцать, в холодном поту от очередной вспышки из танкового орудия. Интересно, сколько раз я видел этот сон за ночь? Почему он так настойчиво мне снится? Что в этом сне важного, что мое подсознание пытается мне сообщить?

Должно быть, дело все в памяти, которую я потерял или которую мне стерли. Тут уж пока не распутать клубок — до истины не докопаться. Только вот я не уверен, что смогу найти того, кто причастен к моим снам и устроить ему допрос с пристрастием, увы. Если речь о могущественной корпорации — то у одиночки нет шансов решить конфликт силой, даже если у меня этой силы и побольше, чем у обычных людей.

Принимаю душ, завтракаю чипсами, устраиваю пересмотр финансового состояния. Решаю немного прикрутить гайки, потому что поездки на такси проели в моем кошельке значительную брешь. Еще на недельку денег хватит, ну дней на десять, и то если больше на такси не ездить без нужды.

Так что я еще подремал часов шесть, снова увидев этот заколебавший сон с предсказуемой концовкой, а потом двинулся в «заброшенки» пешком.

Десять километров по прямой мне помог пройти смартфон, благодаря ему я выбрал наиболее прямой маршрут. Посмотрел на

город, заодно наткнулся на район с околовосточной архитектурой, среди населения которого было некоторое число азиатов. Блин, это даже не город — это мегаполис форменный. И это ну прямо сто процентов не Москва, я готов держать пари: где в Москве есть восточный квартал типа «маленького Китая»? То есть, я могу это пари и проиграть, если окажется, что Москва в моей голове не имеет ничего общего с Москвой настоящей, а оно, скорее всего, именно так и есть. Питер? Нет, черта с два. Моря не видать и близко, да и слишком он большой для Питера.

Появилась дурацкая мысль спросить у первого встречного, мол, скажи, мил человек, а что это за город-то? Но нет, плохая затея. Он будет смотреть на меня, как на идиота, а я буду себя этим самым идиотом чувствовать. Да и вообще, мне сейчас абсолютно никак не поможет название города, потому что мир вокруг меня больно странный. Больно сильный диссонанс между тем, что я помню, и тем, что я вижу. Вот скажут мне: «Москва». И что дальше? Чем это мне поможет?

По дороге я перехватил пару пирожков и кружку кваса, так что в «заброшенки» прибыл в полной боеготовности. Осталось только найти нужную цель, а с этим у меня все никак не складывается, хоть кричи.

Я петлял по безлюдным переулкам допоздна, смещаясь все дальше и дальше в сторону окраин. Блджад, что мне сделать, чтобы обратить на себя внимание потенциального грабителя?! Идея носить на спине табличку «ограбь меня» не сработает. Вот засветить где-то крупную сумму денег — это милое дело, но мне светить-то нечем, по большому счету. Кому-то и сто рублей — деньги, ради которых можно пойти на ограбление, но что я сам стрясу с такого грабителя? Опять же, чтобы «светануть» содержимое кошелька, нужно где-то за что-то расплатиться в присутствии большого числа людей и надеяться, что среди них будет грабитель. Если не сработало — повторять до успеха. Только вот с каждым повторением мои денежки будут таять и таять… Черт.

И вот уже я снова приперт к стенке потенциальным вопросом «а что я буду делать, если мне не удастся найти ни одного преступника?». То есть, пистолет все еще при мне, но грабить ни в чем неповинных людей это совсем уже ни в какие ворота, а кроме того, по моим следам пустится еще и полиция. Корпорация, конечно, более жестока, но она пытается соблюдать секретность и не может действовать совсем открыто. Полиция же применит все свои средства и с большой вероятностью поймает, о чем, конечно же, пронюхает корпорация. Так что грабеж законопослушного гражданина — это и против морали, и против логики.

И как раз в тот момент, когда я ломал голову над новой проблемой, буквально в соседней подворотне послышалась желанная фраза: «гони сюда бумажник — останешься цел!»

Сказано не мне, я едва-едва краем уха уловил. Да, это уже не очень хорошо — будет свидетель. Но этот свидетель будет мне благодарен, я попрошу его не сообщать в полицию, а преступник, которого я ограблю, тем более не заявит, поскольку против него появится лишнее свидетельство и тогда точно присесть придется.

Стараясь производить как меньше шума, буквально на цыпочках добегаю до угла и выглядываю. Ну, так и есть, два типа прижали к стенке невысокого толстяка.

Хы-хы, двойная удача, однако, после стольких поисков! Даже забавно, но идея конфликта с двумя противниками меня почему-то не пугает, хоть я и знаю, что у обоих имеются ножи.

Двигаюсь к ним, уже особо не скрываясь, и тут они оба оборачиваются.

— Слышь, тебе че надо? — угрожающе говорит первый, — шнуруй дальше своей дорогой!

Я улыбаюсь, сокращая дистанцию.

Когда она составляет метра три, первый решает, что настала пора продемонстрировать выкидуху, которую до того он держал возле тела жертвы, но я продолжаю приближаться.

Гопник явно растерян: демонстрация «пера» не возымела действия, и что ему теперь делать? В ход пускать ее он вроде как не собирался, а тут такая засада.

Он выбрасывает руку с ножом в мою сторону, как-то вяло и демонстративно — и зря. Левой я легко хватаю его за внутреннюю сторону запястья, блокируя и руку, и оружие, правый кулак влетает в рожу гопника, причем так, что если бы я его за руку не держал — свалился бы как подкошенный.

— Ах ты ж сука! — воскликнул второй и попытался двинуть мне кастетом, который до того был у него в кармане.

Правой отбиваю удар, левой отпускаю первого и бью второго. Удар быстрый и без замаха, он сгибается пополам, правой добавляю сбоку в голову, и второй гопник тоже падает.

Первый в этот момент попытался встать, но я укладываю его обратно и снова поворачиваюсь ко второму, прикидывая, дать ему еще или он уже готов. Да, готов: скорчился, закрыв руками голову, и точно не собирается вставать.

— Вы в порядке? — спрашиваю у толстяка.

— Ага, вполне, спасибо, — отозвался тот как-то ну уж слишком спокойно для человека, у которого только что выкидухой перед лицом сверкали. — А ничего так ты им вломил, сразу видно — специалист.

— Да, есть немного. Слушай, если вдруг будешь ментам рассказывать об этом случае — не описывай мою внешность, ладно? Скажи, что не запомнил.

— А я и не собирался, да и эти двое тоже вряд ли станут.

— Спасибо, — кивнул я и пнул того, что поближе, носком туфли: — эй, мудилы, гоните сюда бабло, если не хотите еще отхватить.

— Вот это поворот, — прокомментировал толстяк, глядя, как я отбираю у горе-гопников их собственные кошельки. — Много я в жизни повидал, но такой прикол — впервые.

— А что смешного-то? — спросил я, вынимая из трофейных бумажников наличку. — Ну просто на мели я, деньги позарез нужны.

— Так деньги, если что, у меня, я им отдать не успел.

Я бросил пустые бумажники на землю.

— Так, а мне твои и не нужны. Я ведь так-то не грабитель, скорее борец с преступностью. Жизнь вот заставила. И они, в отличие от тебя, точно не смогут в полицию заявить.

— Хе-хе… Ты от безденежья вышел грабить тех, которые вышли грабить от безденежья. Чуешь, какая хохма? Много хоть «выручил»?

Забавный тип, однако. Видимо, действительно бывалый.

— Полсотни мелкими купюрами, — вздыхаю я. — В общем, мне пора.

Я сунул руки в карманы и собрался упетлять в закат, но толстяк внезапно двинулся за мной следом.

— Погоди маленько, не поспеваю. А ты, видать, специалист по выписыванию люлей профессионального уровня, да?

— Ну типа того. Больше ничего не умею, к сожалению.

— Я знаю, как делать то же самое, что вот ты сейчас, и зарабатывать больше, а против закона грешить меньше.

Я приостановился, обернулся и навострил уши.

— То же самое?

— Ну, бить людей за деньги. Только денег будет больше, а криминала — меньше. Можно сказать, почти никакого.

— Это уже интересно, только стелешь подозрительно мягко.

Толстяк хмыкнул.

— Ничего подозрительного. Просто подпольные бои без правил.

— Ты имеешь к этому какое-то отношение? — догадался я.

— Ага. Я один из организаторов и заодно врач. В общем, если ты не спешишь, то мы можем где-то тут засесть, я тебе проставлюсь, так сказать, и заодно введу в курс дел.

***

А ларчик открывался предельно просто: тот самый завод, куда съезжались дорогие тачки, оказался подпольным Колизеем, устроенным для состоятельных, богатых и очень богатых зрителей. Стоимость билета в первом ряду две тысячи рублей, самый дешевый — у дальней стены — стольник. В особые дни с самыми интересными боями стоимость билетов увеличивается еще больше. Все это толстяк, которого, как выяснилось, зовут Семен, мне поведал в ближайшей забегаловке. Он сам оказался в этом районе только потому, что поехал домой после рабочей ночи, и посреди улицы его машина вышла из строя, так что он просто попилил к автобусной остановке, где его и подловили гопники.

— Когда ты сказал «без правил» — насколько сильно без правил? — спросил я.

— В общем, смотри, — сказал толстяк, отхлебнул пива и поставил бокал на стол. — «Бои без правил» так называются только для зрителей. На самом деле правила есть. Понимаешь, ты хочешь денег. Я хочу денег. И тот парень, который выйдет против тебя на арене — он тоже хочет денег. Все мы в этом бизнесе хотим денег, а не проблем. У нас шикарный сервис, хорошие доходы и все схвачено и куплено, что, конечно же, недешево. Проблемы — это лишние расходы, а они не нужны никому. У нас две лиги — «чемпионская» и «геройская». Это так для зрителей. Но проще назвать их «лигой людей» и «лигой зверья». В чемпионской лиге действует одно правило: ты отвечаешь за здоровье твоего противника. Сломанные носы, уши, рассечения — все это бывает и в боксе, и в борьбе. Это в пределах нормы. Открытые переломы, калечащие приемы и прочая херня — это уже не нормально. Чемпионская лига подчиняется духу спорта. Это и есть спорт, то есть мероприятие, куда бойцы приходят за деньгами и славой. Если ты любишь жестокость и насилие — тебе место в лиге «героев». Бойцы, которые перегибают палку и калечат своих противников, либо вообще изгоняются из этого бизнеса, либо переходят в «геройскую» лигу, где они будут встречаться с такими же моральными уродами, как они сами. Переход строго односторонний, из лиги для зверей возврата в лигу для людей нет. Хотя, скажем прямо, в геройской лиге заработки намного выше, и зрителей на такие бои собирается больше. Увы, людям нравится насилие и жестокость.

Я вздохнул.

— А по деньгам что?

— В нормальной лиге гонорар делится между победителем и проигравшим шестьдесят на сорок. У «героев» бывают иные пропорции, как они уже сами договорятся. Бывает, что

победитель забирает все, и такие бои особенно упорные и жестокие. Если ты пойдешь в спортивную лигу — даже при поражении получишь минимум пятьсот рублей. Популярные бойцы, которые дерутся в рейтинговые дни с такими же популярными бойцами, зарабатывают за бой часто более десяти тысяч. Но быть популярным бойцом нелегко, сам понимаешь.

Я задумался. Если я подерусь в таком месте — банально засвечусь, а дальше беда. То есть, у меня только один бой, потом надо залегать на дно. Так что нужно за один бой сорвать куш.

— А ты можешь устроить мне бой в рейтинговый день с сильным противником? — спросил я.

— Могу, но не сразу. Понимаешь, мы — порядочное заведение, устроить в самый рейтинговый день «мисматчевый» бой — это тяжелейший удар по репутации. Мы такого всеми силами избегаем, противники подбираются по силе, чтобы зрители получили хорошие бои за свои деньги.

— Если ты выставишь меня против новичка — это и будет мисматч. Он ляжет сразу, ты сам заметил, что я профи.

— Да, но в боях новичков на разогреве это нормально.

Я вздохнул.

— Понимаю. Слушай, что если я сразу пойду в лигу зверья на бой, где победитель забирает все или почти все? Это послужит тебе и твоим партнерам достаточной гарантией, что я собираюсь дать хороший бой?

Семен прищурился.

— А тебе вот прям сию секунду надо много денег и время не терпит?

— Типа того. У меня только один бой.

— Почему?

Я снова вздохнул.

— Потому, что я не хочу светить свое лицо на всю округу. Скрываюсь от жены, скажем так.

— Хренасе поворот… Ну, это дело можно обыграть иначе. Правил, запрещающих носить маску, нет, если она не является защитой. Можно напялить тебе соломенную японскую шляпу, придумать прозвище типа «Ронин», напустить загадочности… Ну как-то так. Можно грим наложить.

— Тоже дело. Но все-таки, что, если я сразу пойду в лигу героев?

Семен отхлебнул из кружки и задумчиво сказал:

— Знаешь, а мне поначалу показалось, что ты не фанат насилия. Ты там еще раздумывал, добавить или хватит с них…

Я пожал плечами:

— Так и есть. Мне не нравится идея бить человека, который

мне ничего плохого не сделал и который просто вышел на ринг ради денег, по нужде, как и я. Если наперед знать, что мой противник — жестокий садист, мне будет психологически легче с ним драться. Так что, есть какое-то правило, запрещающее бойцу из нормальной лиги выйти разок против «героя», не становясь при этом «героем» навечно?

Собеседник покачал головой.

— Правила такого, в принципе, нет, бойцы переводятся в лигу зверей только если демонстрируют чрезмерную жестокость. Так что встреча соперников из разных лиг по обоюдному согласию вполне возможна. Это будет даже интригующе. Другой вопрос, что желающих нет, бой будет неравный. «Чемпион» не освобождается от ответственности за здоровье противника, а у «героя» такого ограничения нет.

— Меня устраивает. Когда будет бой?

— Точно не скажу. Следующий день боев с участием «героев» будет в воскресенье, послезавтра. Не уверен, что получится организовать тебе бой уже послезавтра. Но завтра, а верней, уже сегодня, надо будет тебе заглянуть к нам на огонек, типа, собеседование.

— Там будут вопросы, кто я такой?

— Ну, есть и вопросы психологического характера, понять, кто и что ты есть. Но их как раз задаю я. Еще надо будет глянуть твою физическую форму и навыки, чтобы понять, с кем тебя выставлять. Ну то есть, это я тоже уже примерно понял. Главный вопрос — ты ударник?

Я чуть подумал и ответил:

— Я армейский рукопашник, преимущественно. Если вопрос был, не борец ли я — то нет, не борец.

— Ага, о том и речь. Борцы не зрелищные. То есть, у нас есть и борцы, но их мы ставим друг против друга. Есть небольшие категории зрителей, которым нравится силовое состязание, но не нравится жестокость. Женщины, в основном. Так что порой мы устраиваем «женские дни» с участием крупных, мускулистых борцов, специально для них. А вот борец против ударника — это просто пропащий бой, ни вашим, ни нашим. Зрители такого не любят.

Мы расстались на том, что я дал Семену свой номер. Завтра, а вернее, уже сегодня, он позвонит мне и я приеду на осмотр.

Что ж, кажется, я решил свою проблему, хоть и не совсем так, как планировал. Тут есть и плюсы, и минусы: из плюсов то, что мне не понадобится совершать преступление. Тут бои хоть и подпольные, но полиции регулярно заносится «гостинец», чтобы глаза закрывали, то есть почти легально, а с меня и вовсе взятки

гладки, лично я не совершаю никакого криминала, добровольно выходя на ринг с другим таким же.

Второй плюс — у толкача при себе может не оказаться нескольких тысяч, зато может иметься оружие. То есть, и рискую я меньше.

Минусы… Ну, если бы я успешно грабанул толкача — шито-крыто, он никуда не заявит и фоторобот мой не составит. Тут меня увидит куча народа, и среди богатых зрителей всегда найдется пара корпоративных шишек. В теории, тут даже может оказаться тот самый «богато одетый человек на кресле-коляске», который меня разыскивает.

Правда, есть свой плюс даже тут: по словам Семена, съемка у них запрещена полностью, клиент, пойманный с камерой, больше допущен не будет, и средства обнаружения скрытых камер у них имеются. Есть шанс, что я вообще не попаду на видео.

На радостях я взял такси и поехал домой, а возле дома заскочил в довольно приличный ресторанчик и отпраздновал свою удачу хорошим сочным шницелем с маринованными перцами и окрошкой. Трапеза обошлась мне всего в пятнадцать рублей, считая вместе с двумя рублями на чай официантке.

***

Всю оставшуюся ночь и утро я был занят тем, что бегал по заснеженному, болотистому полю, хрен знает какой раз пытаясь убежать от рокового выстрела. Впрочем, в самом конце мне это удалось: когда я уже оборачивался, меня внезапно выдернула из этого чертова болота трель телефонного звонка. Звонил Семен.

«Медицинский осмотр» прошел успешно. Семен и один из его партнеров, довольно своеобразный и артистичный карлик ростом в метр, но с кучей золота на пальцах, констатировали, что я в замечательной форме, сильно лучше многих популярных бойцов, и при этом гораздо сильнее, чем выгляжу.

— Хорошая подготовка, — подытожил карлик, — вопрос теперь только в мастерстве.

Само собой, что я на полную не выкладывался: мне нужны деньги, а не слава и признание, и меня устроит, если мой противник будет слабее меня.

Заодно я ознакомился с регламентом и прочими порядками, ну и вообще с предприятием. Там прямо есть и ресторан, и своя служба охраны, и гардероб, где можно сдать не только пальто, но и пистолет, если есть. Ничего так все организовано, ну и роскошь будь здоров.

Было и еще кое-что, для меня очень важное: ни Семен, будучи врачом, ни тем более карлик не заподозрили во мне ничего странного. Там я даже прошел через рамку металлодетектора —

потому что люди с имплантами не допускаются — и детектор промолчал.

Итак, два вывода. Во-первых, во мне нет ничего кибернетического. Во-вторых, распознать мою природу без анализа крови и прочих аналогичных процедур не представляется возможным. Кровяное давление и пульс в норме, вес в норме — внешне все нормально. Я ем, дышу, потею, как все нормальные люди, тень на плетень наводят только высокая физическая сила, отличное зрение в сумерках и фотографическая память.

Второй вывод — что тот боевой протез руки еще не предел совершенства. Оказывается, есть импланты, которые повышают боевые способности человека, но при этом внешне незаметны. Учту.

Поздно вечером Семен позвонил мне еще раз и сообщил, что бой в воскресный вечер у меня все-таки будет, потому что объявился еще один боец из «героев» и захотел поучаствовать. Ему в пару поставили бойца, который был в другой паре, ради большего соответствия противников, а к освободившемуся бойцу поставили меня.

— Твой противник в меру хорош и в меру агрессивен, — сказал мне Семен. — Он не то чтоб любитель насилия, просто иногда во время боя закусывает удила и впадает в ярость. В общем, не то чтоб зверье, но в нормальном спорте его дисквалифицировали из-за состояния психики. У него была неплохая карьера, сломавшаяся из-за таких вот вспышек бешенства.

— Понял, а что по деньгам?

— Бой разогревочный, но «геройский». Так что призовой фонд боя три тысячи минимум, и концу вашего боя он может составлять еще большую сумму. Пропорции два к одному, потому как противник твой жадноват, скажем так, но не очень уверен в себе.

— Вопросов нет, — ответил я. — Когда бой?

***

Тяжелые металлические ворота «а ля Колизей» поползли в сторону, открывая передо мною выход на арену.

— Встречайте — новая загадка перед вами! Ронин!!! Сейчас мы посмотрим, какие сюрпризы он приготовил своему противнику и всем нам!!!

[1] Рантье — человек, живущий на ренту, то есть доход от сдаваемой в аренду недвижимости

[2] Дж.Х.Чейз, «Дневники Прокейна»

[3] «Журнал для мужчин» это с голыми девочками, а для джентльменов — это про тачки, охоту, яхты, здоровье и прочее.

Ставки повышаются

Тяжелые металлические ворота «а ля Колизей» поползли в сторону, открывая передо мною выход на арену.

— Встречайте — новая загадка перед вами! Ронин!!! Сейчас мы посмотрим, какие сюрпризы он приготовил своему противнику и всем нам!!!

Этот мощный, хорошо поставленный голос принадлежит тому самому карлику. Даже не верится, что плюгавое уродливое тельце способно выдавать настолько сильный звук.

Медленно, не торопясь и не делая лишних движений, выхожу на арену. Под ногами — не песок, а обычное покрытие, как на нормальном ринге, но под цвет песка. И сама арена небольшая, чуть побольше ринга: в этом «новом Колизее» нет боев «команда на команду», только поединки.

Навстречу мне выходит мой противник: крепкий парень моего роста и сложения. На нем только спортивные трусы и эластичные бинты на кулаках. На мне, впрочем, все то же самое, плюс широкополая коническая соломенная шляпа-амигаса, классическая такая, японская. Даже не представляю, где Семен ее раздобыл, но она хорошо скрывает мое лицо от зрителей, поскольку арена находится как бы на дне воронки, а зрительские места — на склонах оной. Ну, все как в Колизее.

И забавно, но я даже не чувствую биения своего сердца. Ноль волнения. Как тут не заподозрить, что я все-таки машина?

Приветствия тут не положены, но я все равно складываю руки на груди и кланяюсь своему противнику. Играть роль так играть. Это мне Семен подсказал: у японцев принято быть вежливыми всегда и со всеми. Якудза, вонзая меч во врага, говорят не «сдохни, падла позорная», а «прошу вас умереть». Все дело в кодексе «бусидо», где сказано, что нужно быть вежливым даже с врагом. Кто не проявляет вежливости — тот ничем не лучше животного.

Ну а я хоть и не японец, но в принципе такую философию одобряю. И вообще, назвался груздем — полезай в лукошко. А если назвался ронином — веди себя соответствующе.

Сближаемся в боевой стойке. И я все еще спокоен, биения сердца не слышу, хотя уже пора бы. Адреналин природа не просто так придумала. А когда я пропущу удар — вырабатывать его будет поздновато.

Противник уже близко. Вот он выбрасывает в мою сторону джеб, я отвожу его кулак в сторону — спокойно и четко. То ли противник мой медленно бьет, то ли я как-то ускорился?

В следующий момент оппонент взрывается серией ударов, но я один за другим блокирую первые четыре, а на пятом контратакую, попадая четко в челюсть сбоку. То есть, я мог и раньше перехватить инициативу, но...

Семен разъяснил мне, что призовой фонд растет сильнее всего как раз во время боя: любой зритель может от себя добавить денег в приз, чтобы подстегнуть бойцов. Обычно дают денег с условием «победителю», так что побежденный в дележе зрительских премий не участвует.

Так что если я уложу оппонента в первую же секунду боя — денег не будет, потому как никто не успеет «докинуть в котел». Ну и организаторам свинью подложу.

От удара мой противник поплыл, пошатнулся и упал. Нокдаун еще не считается концом боя, и рефери на арене тоже нет. Бой продолжается, пока победитель не становится очевиден, то есть, пока один из бойцов не теряет способность сопротивляться или не сдастся. Собственно, вот и все правила. Упавшего можно добивать, что обычно и делают все бойцы.

Но я не стал так поступать, а отошел на три шага назад, давая понять, что подожду, пока противник поднимется. Этот поступок вызвал умеренные аплодисменты.

— Надо же, какое великодушие, — прокомментировал карлик-конферансье, — но оно может дорого стоить... О, призовой фонд увеличился на тысячу! О, еще тысяча победителю!

Оппонент поднялся и снова пошел в наступление, но теперь гораздо осторожнее. Я дождался от него пары пробных ударов и контратаковал, однако он сразу же ушел в защиту. Ну да, обжегся.

Мой пульс стал слышен мне самому — только и всего. Вырос немного, ударов сто, но никак не двести, что нормально для боя. Значит ли это, что я далек от своих пиковых возможностей?

Удар, удар, еще удар — разрыв дистанции. Противник теперь всячески «ловит возможности» и разрывает дистанцию, как только подозревает, что я готовлю контратаку. Ну а я ловлю его на какой-нибудь хорошей атаке, чтобы провести контратаку и врезать в челюсть посильнее.

И когда я окончательно составил себе такой план, оппонент его перечеркнул и просто налетел на меня плечом, спрятав нижнюю часть лица за предплечьем. Я сумел уклониться от столкновения и борьбы, добавив ему ногой вдогонку, но он снова развернулся и пошел напролом. Пришлось контрить жесткими точными ударами: борьба чревата потерей шляпы, а меня это не устраивает. Последовал ураганный обмен ударами, по итогу которого я дважды дал противнику в челюсть «на автомате» и на этом бой закончился. Черт, я надеялся, что будет как-то

подольше...

Однако еще кто-то успел докинуть в котел пять сотен победителю, так что мой приз составил четыре тысячи с мелочью. Ну, живем.

— Знаешь, хороший бой получился, хоть и полнейший мисматч, — сказал мне в раздевалке Семен. — В смысле, было заметно, что ты старался сделать бой долгим, а противник оказался совсем беспомощным. Ты даже шляпу с головы не уронил.

— Я же говорил — я профи. Надо было ставить меня против кого посильнее. Ну ничего, раз я не засветил лица — давай еще один бой. Только теперь-то подбери мне хорошего противника, чтобы не жалкие четыре куска, а сразу хороший гонорар! Я не то чтоб очень жаден, но живу сейчас в такой квартире, что у некоторых псов будка побольше будет...

То есть, на самом деле, мне нужны деньги на документы, на них, наверное, надо денег больше, чем четыре тысячи. Нужен еще один бой с сильным соперником за хороший приз, и я уверен, что смогу победить, ведь сейчас я практически не вспотел. Вот сохранить на голове шляпу будет сложно. Так-то шляпа держится ремешком за подбородок, но она соломенная, если дойдет до плотной драки, да еще и борьбы — сломается как пить дать.

Так что второй бой, видимо, будет крайним. А потом мне придется как-то искать выходы на людей, делающих документы. Та еще задачка, если я даже простых грабителей так долго искал.

Остаток вечера я провел в комнате для персонала, наблюдая за боями вместе с Семеном. Следующие бои оказались несколько более травматическими, так что Семен то и дело бегал не столько оказывать помощь — для того там есть специальные люди — сколько оценивать повреждения. Не все бои были «геройскими», так что именно на Семене лежит обязанность оценивать действия бойцов и присматривать, не переходит ли кто-то из «чемпионов» запретную черту, отделяющую его от «геройской» лиги.

Я для себя сделал определенные выводы: да, тут есть сильные бойцы, но парадокс в том, что самые сильные сидят в лиге «чемпионов». Они все профессиональные спортсмены того или иного разряда, они все придерживаются спортивных норм морали, в частности, «чемпионы» между собой выполняют приветствие, чего нет в «геройской» лиге, и часто без команды прекращают бой, если видят, что противник уже небоеспособен.

А в лиге «героев» полно людей, которых можно описать как «неблагородную» версию Конана-варвара. Крупные, мускулистые, мастерства у них не так чтоб много, они больше уповают на жестокость приемов, граничащую с дикостью. Строго говоря,

правил, запрещающих откусить ухо, нет, и такого даже будут приветствовать как законного победителя, но больше сюда вообще не пустят. Что до пострадавшего, то как раз для того тут и сидит Семен. Он при случае пришьет и ухо, и пальцы, хирургический кабинет у него есть. Потом пострадавшему дадут компенсацию за ущерб в обмен на молчание: проблемы с полицией не нужны никому. Как и бойцы, их доставляющие.

Так что, в теории, если б я не был в розыске у очень опасных людей — мог бы хорошо заработать в этом Колизее просто за счет превосходства в личных качествах над так называемыми «героями». Типичные драчуны из портовых кабаков, только большие и сильные. Некоторые даже не без мастерства, но вообще оно им не то чтоб необходимо: зрители платят, чтобы посмотреть на жестокую первобытную драку, для интересных боев есть «чемпионская» лига.

Гвоздем программы оказался как раз «чемпионский» бой двух очень популярных бойцов — Блекджека[1] и Пересвета. Об их популярности я судил по громкости аплодисментов при их появлении, и бой они провели действительно напряженный. Оба супертяжи, оба очень быстрые для своих размеров, оба весьма техничные, и я поймал себя на мысли, что любой из них доставил бы мне огромные проблемы. Там я запросто мог бы и проиграть, скорей всего, так бы и случилось. Победил в итоге Блекджек, но я проиграл бы и Пересвету. Да, я сильный и быстрый, но у них великолепные навыки, а еще они, вероятно, не уступают мне ни в силе, ни в скорости.

А вот в «геройской» лиге такого нет, хотя и лучших боев «героев» я пока еще не видел. «Герои», по сути, не сильнее «чемпионов», они страшнее. Никто не хочет связываться с противником, который выходит на ринг, чтобы дать выход своему внутреннему зверю, зачем это надо профессиональному спортсмену?

Ночь боев закончилась сильно за полночь, так что Семен предложил подвезти меня, я согласился.

Что ж, итоги вполне себе ничего. Я поднял денег — четыре тысячи — почти на ровном месте, потому как бой не показался мне ни сложным, ни опасным. Ну, я вышел против крепкого середнячка по здешним меркам, показал неплохой бой, даже выпендрился до такой степени, что позволил упавшему встать, давая второй шанс. Если уж на то пошло, то есть «правило третьего удара»: если серия ударов только блокируется, без контратаки, то третий удар зачастую достигает цели, то есть, заблокировать можно только первых два, если не перешел в контратаку — поймаешь по хлебалу. А я на это правило просто

положил, заблокировав где-то минимум пять ударов подряд...

В общем, факт: бой был натуральным мисматчем, я оказался сильно лучше оппонента. Это значит, что я могу провести гораздо более «дорогой» бой и снова победить, заработав еще больше денег. И тогда мне, может быть, хватит на документы.

И даже еще сверх того: этот подпольный «Колизей» — подпольный. В этом-то и дело. Владельцы наверняка имеют выходы не только на высокопоставленных ментов. Вот Семен — судя по его поведению при ограблении, видал он и не такое. Бывалый человек. И я даже не удивлюсь, если именно он окажется в состоянии помочь мне выйти на нужных людей.

В общем, дела идут на лад. То есть, на самом деле, я все еще в жопе по самые уши, но теперь мои перспективы несколько улучшились, а ситуация наконец-то пошла по плану.

И этот план внезапно смотрится много лучше первоначального.

***

Прошло еще два дня. Я успел очень хорошо выспаться за это время, даже несмотря на постоянные забеги по болотистому полю от летящего вдогонку фугаса, и полностью сменил гардероб. Если меня ищут по таким приметам, как одежда, в которой я сбежал из «своего» дома — теперь и эта ниточка обрезана. Брюки я сменил на некое подобие джинсов, туфли — на ботинки с высокими голенищами по типу армейских, но модные, куртку — на черный кожаный плащ с высоким стоячим воротником. Ну то есть, не натуральная кожа, но выглядит стильно, а стоит всего-то сто десять рублей. То есть, если держишь в руках — сразу ясно, что дешевка, особенно по внутренней части, но вот внешний вид гораздо роскошнее стоимости. Кожаный аналог — за пять сотен зашкаливает, я не настолько богат, чтобы выкинуть такие деньги за шмотку.

Время прошло совершенно спокойно: меня никто не искал, не тревожил, поблизости не ошивались подозрительные личности и так далее. Попутно я случайно пересекся в суперузком коридоре с соседкой-студенткой, живущей в соседней квартирке, той, что с окном с видом на парк. Девица в принципе ничего так, хоть по сравнению с Мариной бледновато, бюста нет... Но я бы точно был не против оказаться на ней. По правде говоря, после всех этих событий я бы не отказался вообще почти ни от какой девахи, даже сильно попроще этой. Мы с ней поздоровались, следуя элементарному добрососедскому этикету, она поинтересовалась, давно ли я тут квартирую, я ответил, что недавно, ну и разошлись, она к себе, а я наружу. Искорку интереса в ее глазах я заметил: небось, она присматривалась, пытаясь понять, хочется

ли ей оказаться подо мной... Но прыгнуть ко мне в постель не спешит, а мне сейчас как-то не до ухаживаний, если я и решу за кем-то приударить — наверное, подыщу объект для ухаживаний пофигуристее, потому как приятное лицо — это хорошо, но «доска — два соска» так себе преимущество.

Но вообще учту, что в непосредственной близости от меня живет более-менее привлекательная студентка. Мало ли что.

***

Вечером второго дня зазвонил телефон: Семен. Ежу понятно, ведь я же больше никому не давал свой номер.

Но оказалось — черта с два Семен.

— Привет, солнышко, все еще дуешься? — спросил незнакомый баритон.

— Вы ошиблись номером, — ответил я.

— Да ладно? А ты еще кто такой? — в голосе собеседника появились нотки агрессии.

— Во-первых, не «ты», а «вы», я с тобой свиней не пас. Во-вторых, для тупых повторяю, что ты номером ошибся.

— Да ты меня за идиота держишь, видать?! Как я могу ошибиться номером, если это номер моей девушки из моего списка контактов?!!

— Я не держу тебя за идиота, ты и есть идиот. Здесь нет никаких солнышек, я купил этот телефон у барахольщика за двадцать рублей.

— Сколько-сколько?!! Не заливай мне тут, он стоил четыреста три месяца назад! Я это знаю, потому что сам его и покупал!

— Три месяца назад у него не был треснут экран, наверное? В общем, у меня для тебя хреновые новости, недоумок. Что-то подсказывает мне, что экран треснул оттого, что твое бывшее солнышко швырнуло телефон об стенку или в окно. Судя по тому, что телефон оказался у барахольщика вместе с симкой — с тобой решили порвать навсегда, так что сделай одолжение, удали из контактов мой номер.

Отключаюсь, но не успел сунуть телефон в карман, как он снова зазвонил. Вот идиот, а? Спросить адрес, приехать и выбить из него дурь, что ли? Да нет, глупость.

Но на этот раз это оказался Семен.

— Такое дело, Кир, — сказал он после приветствия, — тут с тобой хотят драться сразу двое. Оба так себе, даже похуже того, которого ты сделал. Так, участники «тысячерублевых» боев, ничего особенного. Просто уже теперь ты вышел «в рейтинг» и с тобой хотят драться менее популярные бойцы. Но буквально полчаса назад нашелся третий, своего рода звезда «геройской»

лиги. Он не дрался уже месяца два, потому как с ним отказываются драться даже другие «герои».

— Хм… А этот бой будет рейтинговым? С большим призом?

— Да, участие этого типа предвещает большие сборы. Мы просто не можем найти ему противника, потому что… ну потому что он диковат даже для «героя». Буквально балансирует на той грани, за которой мы сообщаем бойцу, что больше он в нашем заведении выступать не будет.

— А можешь поконкретнее насчет денег?

— Тысяч десять в призовом котле будет изначально, и я точно знаю, что по такому случаю соберется неплохая куча зрителей вип-класса. Это будет «гвоздем вечера». Только, понимаешь, он покрупнее тебя. Килограммов на двадцать. Здоровый тип и, как я говорил, дикий. Ну, про таких говорят, что они опоздали с рождением, потому как мамонты уже вымерли. Он такой во всех аспектах, от умственного до методов ведения боя.

— Ну, звучит рисково… Я рискну.

— Это еще не все… Мне кажется, ему кто-то заплатил, чтобы он вышел с тобой на бой.

— Ты думаешь? — нахмурился я.

— Угу. Этот человек — тип самоуверенный, обычно он настаивает на схеме, когда победитель забирает почти все. И это еще одна причина, почему никто не хочет с ним драться. А тут он заявил, что согласен на любые условия, которые поставишь ты, хоть бы и пополам безотносительно победы. Говорит, что видит в тебе достойного противника и хочет испытать тебя на прочность. Короче, звиздит как дышит, потому что таких высокопарных речей от него отродясь никто не слыхивал. Есть у меня подозрение, что твой первый бой кому-то по какой-то причине не понравился и он решил тебе отомстить. Но я не представляю, кому. На твоего противника не было крупных ставок.

— Понятно. Когда бой?

— Еще не решено. Ты точно все взвесил?

— Ага, — кивнул я.

— Он куда опаснее и тех двоих дрыщей в подворотне, и твоего первого оппонента.

— Я понял, спасибо. Позвони, когда организуешь бой, ладно?

— Хе-хе… Чем дальше, тем интересней. Заметано. И надеюсь, ты нас не подведешь.

— Спасибо, Семен. Я тоже на это надеюсь.

***

По такому случаю я даже немного подготовился. Купил спортивную форму и кроссовки и побегал в парке, проверяя выносливость и сердце. Заодно нашел там же павильон с очень

простыми силовыми тренажерами и немного подкачался, чтобы в тонус хороший войти.

Правда, если я машина, то проку все равно будет ноль, хы-хы.

За пару дней я убедился, что хорошо держу длительные нагрузки, с выносливостью все замечательно, и к назначенному вечеру отлично отдохнул, выспался, а перед поездкой в «Колизей» еще и разогрелся слегка.

В общем, я готов к бою.

И спокоен настолько, что это даже пугает.

***

Первый бой был разогревочный, дрались два новичка по спортивным правилам. Несмотря на это, драка оказалась довольно жесткой, и победитель уходил с арены практически таким же окровавленным, как и побежденный, досталось обоим.

Я наблюдал за боем на большом экране в кабинете Семена.

— Жестковато для спортивной лиги.

— Есть немного, — кивнул Семен. — У нас все-таки подпольные гладиаторские бои, хоть и нелетальные. Если все будет так же, как в боксе — перчатки, перерывы, рефери — зачем тогда люди будут ездить к нам? Кстати, это двое только что заработали тысячи по три, плюс-минус, и хороший рейтинг. Еще пара таких же хороших, упорных боев — и они выйдут на именной ранг.

— Именной ранг?

— Этот бой был «безымянным», дрались два никому не известных чувака. Когда неизвестный боец набирает авторитета — он берет себе прозвище и становится именованным бойцом, то есть зрители заранее знают, что вот сегодня Фатал будет драться с Ронином. Ну ты-то сразу попал на именной уровень, потому что показал, что чего-то стоишь, еще при нашей встрече. А остальные начинают вот так. Кстати... Если ты побьешь Фатала — сам станешь звездой его величины. Потому что у Фатала репутация жестокого могучего дикаря.

— Звучит заманчиво.

Семен ухмыльнулся.

— У тебя совсем нет нервов?

— Забыл их в кармане смокинга.

Второй бой был уже именным, дрались два «легкача». Весь бой протекал в «рваном» темпе: оба бойца маневрировали вокруг друг друга, выжидая момента для атаки, а затем в какой-то миг бросались друг на друга, взрываясь ураганами ударов, после чего уходили в защиту до следующего такого момента. В целом, соперники показали хорошую технику и интересную, осторожную манеру боя. Закончился поединок только на двенадцатой минуте,

когда оба уже сильно устали и один случайно попал другому в челюсть, а второй не успел защититься.

Затем на арену вышла пара полуголых танцоров, парень и девушка, и Семен повернулся ко мне:

— Следующий бой твой. Раздевалка номер три уже свободна.

Я переоделся, поправил на голове шляпу-амигасу, сунул в рот капу и дождался сигнала лампочки над дверью.

Ворота отползают в сторону, выпуская меня на арену. Я шагаю по прохладному полу к центру.

— Встречайте — Ронин! — декламирует поставленный голос карлика. — Вызов Фатала принят — а вот и сам Фатал!

Из ворот напротив появляется мой оппонент, массивный и слегка подкачанный тип с волосатой грудью, массивным подбородком и не самым высоким лбом. Ну да, опоздал с рождением, факт. Говорят, в каждом из нас примерно пять процентов ДНК неандертальцев, но в моем противнике этих генов собралось как-то побольше пяти процентов.

— Приветствуйте наших героев! — вещает карлик, и я в который раз удивляюсь, как такое никчемное тельце производит такой мощный баритон.

Зал аплодирует, женский голос выкрикнул имя Фатала.

Мы сближаемся. Он сверлит меня взглядом исподлобья, он не то чтоб агрессивный или зловещий, скорее оценивающий. Я спокоен, хотя бой будет сложнее, чем первый, ибо противник действительно внушительный.

Нас разделяют три метра, сейчас будет сигнал к бою.

— Эй, Ронин, — негромко окликнул меня Фатал, вынув изо рта капу.

— Я слушаю.

— Мне заплатили за то, чтобы я отправил тебя в больницу, и приплатят еще много больше, если ты окажешься в реанимации.

— Интересно, кто это так на меня зол?

— Понятия не имею. Просто пришел курьер и принес конверт с деньгами и запиской.

— Ладно, спасибо, что предупредил.

— Мне заплатили за это. Ты должен знать, что тебя ждет. Впрочем, ты еще можешь просто убежать обратно в раздевалку.

Я усмехнулся:

— Но тогда ты не получишь тот самый бонус за реанимацию.

Он тоже усмехается и кладет капу в рот. Звучит гонг.

[1] Блекджек — не только игра в карты, но и разновидность дубинки. Кожаная, наполненная свинцом, но короткая и «плоская», а не круглая в сечении. Удары наносятся «плашмя», она причиняет меньше серьезных повреждений, но весьма

ошеломляюще действует.

Шерше ля фам

— Эй, Ронин, — негромко окликнул меня Фатал, вынув изо рта капу.

— Я слушаю.

— Мне заплатили за то, чтобы я отправил тебя в больницу, и приплатят еще много больше, если ты окажешься в реанимации.

— Интересно, кто это так на меня зол?

— Понятия не имею. Просто пришел курьер и принес конверт с деньгами и запиской.

— Ладно, спасибо, что предупредил.

— Мне заплатили за это. Ты должен знать, что тебя ждет. Впрочем, ты еще можешь просто убежать обратно в раздевалку.

Я усмехнулся:

— Но тогда ты не получишь тот самый бонус за реанимацию.

Он тоже усмехается и кладет капу в рот. Звучит гонг.

Фатал перешел в атаку в ту же секунду, двигаясь чертовски быстро для своего телосложения и веса. Большой, тяжелый кулак полетел в мое лицо, словно пушечное ядро.

Быстрый, да. Но все же недостаточно быстрый. Шаг в сторону с разворотом на сто восемьдесят, моя рука смыкается на его запястье, я подсаживаюсь — и он легко перелетает через меня, настолько непринужденно, словно он сам перебросил себя через меня, а не я его швырнул через плечо.

Фатал кувыркнулся по песку и с завидной прытью снова оказался на ногах, а я поправил на голове амигасу и двинулся вперед.

— Плюс две тысячи в призовом фонде! — кричит карлик.

Удар — и я снова подсаживаюсь и впечатываю свой кулак в живот противника. Кубики пресса не спасли, Фатал сгибается, воздух с шумом вылетает из его легких, а я, выпрямляясь, кладу руку ему на затылок и одновременно выбрасываю колено с подскоком. Колено попадает в голову, голова от удара идет вверх и назад, подбородок раскрыт и выставлен в мою сторону — так что мне осталось только врезать по нему боковой крюк.

Черная капа Фатала мелькнула в воздухе и упала у ограждения, он сам завалился набок — но, вопреки ожиданию, такой связки ему оказалось недостаточно.

Фатал почти сразу отжался на руке и поставил одну ногу на пол, развернувшись ко мне вполоборота и закрыв голову левой рукой. Стоя на одном колене, он занял устойчивую позицию, собираясь так принимать мою следующую атаку. А мне не совсем понятно, какие могут быть варианты развития событий, но атака

на противника, чей центр тяжести ниже моего, чревата непредсказуемыми поворотами. К тому же я быстрее него, а он тяжелее, ему переход из стойки в партер выгоден, а вот мне не очень.

— Капу подними, реаниматолог, — достаточно громко сказал я.

Первые несколько рядов вип-зрителей буквально взорвались от хохота. Тут с балкончика ведущего Фаталу сбросили новую капу в целлофановой упаковке.

— Плюс пять тысяч победителю от восторженных зрителей!!! — вопит карлик. — И мне кажется, что я уже знаю, на кого бы поставил, если б был зрителем! Хорошо, что ставки закрыты, иначе так можно было бы и по миру пойти!

Фатал лихорадочно разрывает обертку капы, у него не сразу получилось, и, кажется, это умысел: он просчитал меня, понимает, что я не брошусь на него в этот момент, потому что со стороны выглядеть будет низко, вот и использует пару лишних секунд, чтобы отдышаться.

Противник, наконец, вставляет капу и поднимается, но теперь он куда осторожнее: встал в типично боксерскую стойку, в наиболее защитный ее вариант, плотно прикрыв голову руками, довернув корпус и слегка подсев, чтобы максимально защитить пах: мне из правосторонней стойки теперь туда не ударить. То есть, строго говоря, удары в пах, горло и глаза, а также заведомо калечащие приемы, укусы и так далее запрещены даже для «героев», после такого бойцу входа больше не будет. Однако по этому маневру я тоже читаю своего противника: он собирается драться и победить, даже зная, что это будет его последний бой, и подсознательно считает, что я настроен симметрично. Оно и понятно, отправка соперника в реанимацию — тоже исключение из рядов бойцов. Ему хочется сорвать большой куш, вероятно, ему пообещали действительно крупную сумму, если ради нее можно окончательно распрощаться с этим заведением.

Фатал просто стоит и следит за мной, всем своим видом показывая, что теперь играет от обороны, а по сути — продолжает тянуть время и восстановиться после пары крепких подач в голову. Так что мне придется переходить в атаку самому, если я хочу хоть как-то использовать свой предыдущий успех.

Я приближаюсь, выбрасываю пробный джеб, Фатал его просто принимает на согнутую в локте левую руку, закрывающую голову, и делает фальшивый замах, но не более. Все понятно — пытается поймать меня на контратаку. Я покидал еще пару джебов — нет, глухая оборона. Ладно, придется пробивать медленно и планомерно.

И в тот момент, когда я попытался выбросить по противнику лоукик, намереваясь обработать его ноги и лишить подвижности, ко мне пришло осознание того, что Фатал просчитал меня сильнее, чем я думал.

В тот момент, когда моя нога полетела понизу в его голень, а я стоял только на одной опорной ноге, он просто рванулся вперед. На этот раз уже без удара: его руки продолжают защищать голову от встречного удара. И только в самый последний момент Фатал раскрыл объятия, чтобы исключить для меня всякую возможность ускользнуть.

Он врезался в меня плечом, словно таран, закрывшись от моего удара. Ну да, понимает, что я не хочу с ним бороться и что в этом его шанс, и пытается перевести бой из стойки на песок.

Удар был крепкий, прям дыхание сперло, но в этот момент я все равно действую трезво и расчетливо. Самый удобный момент освободиться от захвата — это прямо сейчас, пока противник находится под действием собственной инерции. Просто падаю на спину и руками перебрасываю его через себя. Масса и разгон Фатала сыграли против него, он тоже полетел кувырком.

Мы вскакиваем на ноги почти одновременно, но я — чуть раньше. Теперь мой черед его удивлять.

И я рванулся вперед точно так же, как только что он сам. Перелетев через меня, Фатал оказался довольно близко к краю арены, так что теперь я налетел на него плечом в низкой стойке, обхватил руками за поясницу и рванулся вперед изо всех сил.

Ноги Фатала оторвались от земли, четыре моих шага — и я впечатываю его стокилограммовую тушу в ограждение.

Мои удары полетели в него со всех сторон, посыпались градом. Все вслепую, потому что шляпа моя сломалась, когда я врезался в противника, и теперь свисает на глаза. Ответный удар задевает скулу по касательной, но затем я все-таки попадаю, его сопротивление становится хаотичным. Фаталу удается схватиться за шляпу и содрать с меня — но только на свою же беду, потому что теперь я вижу цель.

Секунд двадцать мы просто махались у ограждения, после черт знает какого удара Фатал сполз и сел на пол, все еще беспорядочно пытаясь схватить меня за руку и перевести избиение в борьбу.

Я еще дважды прицельно съездил ему по мордасам, придавил к полу коленом и занес кулак для очередного удара.

— Так что там насчет реанимации, Фатал?

— Сдаюсь, — прохрипел он, закрывая голову руками.

— Не так быстро. Где записка?

— Ка-какая?

— Та, которая была в конверте.

— Не знаю, валяется где-то дома...

— Ты отдашь мне ее.

— Отдам...

— И лучше бы тебе ее найти, не найдешь — попадешь в реанимацию сам. Это если доживешь до приезда «скорой», разумеется. Понял?

— Понял, — прохрипел Фатал.

Я оставил его на земле у ограждения, выпрямился и обвел взглядом трибуны. Ну, суки, кто там заплатил Фаталу за мое попадание в больницу? Скоро у меня будет записка, и если она написана от руки — это уже зацепка. Может быть, мне удастся узнать, кто этот недоброжелатель...

И, может быть, это и будет тот самый дорого одетый господин в кресле-каталке.

***

Мой приз составил целых шестнадцать с лишком тысяч: хотя схема была «шестьдесят на сорок», зрители накинули сверху еще больше десяти тысяч, и большую часть не в общий котел, а победителю.

— А что, он грозился отправить тебя в реанимацию? — спросил карлик, вручая мне конверт с хрустящими новенькими купюрами.

— Типа того, — ответил я.

— Я же говорил, что ему кто-то заплатил, — сказал Семен.

— И оказался прав. Семен, ты знаешь, где живет Фатал?

— Нет, а зачем тебе?

— Надо зайти к нему в гости за запиской, в которой ему пообещали кучу денег за отправку меня в реанимацию. Надеюсь, она написана от руки.

Карлик скрестил руки на груди:

— А вот это уже совсем... перебор. Надо бы подумать над тем, чтобы попрощаться с Фаталом.

— Только давайте после того, как он отдаст мне записку?

— Хм... Ладно, — согласился карлик.

Тут заговорил третий из «организаторов», мне незнакомый:

— А мне уже и самому интересно, кто и почему платит одному бойцу за чрезмерную жестокость против второго. Мне кажется, тут уже стоит подумать, чтобы попрощаться с таким зрителем, хоть бы он был випом из випов.

— Резонно. Слушай, Серый, тогда давай ты сам прижми Фатала — пусть расколется в обмен на имя, если он его знает, — предложил карлик.

— Он не знает, — сказал я. — Ему просто курьер принес

конверт с деньгами и запиской.

— Тогда я заставлю его отдать записку, — кивнул Серый.

— И мы сравним почерк с теми чеками, которые проходили через наши руки, — потер ладони карлик.

Я пошел в раздевалку, принял душ, начал одеваться — и тут в кармане зазвонил телефон.

— Кир, тут к тебе в раздевалку просится какой-то япончик, — сказал Семен. — Впустить?

— Что еще за япончик и какого хрена он забыл в моей раздевалке?

— А, ты же не в курсах... У нас тут нормальное явление, если боец уезжает отсюда вместе с какой-нибудь зрительницей... на ее кабриолете или лимузине. С победителями это случается регулярно, часто и с проигравшими, если те дрались хорошо. Ну ты понял.

— Так я как бы не голубой, япончик пусть идет лесом.

— Хы-хы... Понимаешь, состоятельные леди не бегают в раздевалку сами, они посылают договариваться слугу, водителя или охранника.

— Я не жиголо.

Семен хмыкнул:

— А тебе не обязательно брать с нее деньги. Вникни, все наши зрительницы богаты, им по карману пластическая хирургия, если кому-то она нужна, и в среднем им около тридцати. В любом случае, ты можешь вначале посмотреть на даму и тогда уже решать, нужно ли тебе такое развлечение. Да, к слову... Этот япончик может иметь какое-то отношение к тому, кто заплатил Фаталу.

Я нащупал в кармане револьвер и взвел курок.

— Ладно, пусть войдет.

Секунд через тридцать в дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился японец: черный костюм, галстук, туфли... Чем-то неуловимо смахивает на виденных ранее «чернопиджачников», только без очков. Хотя все люди в строгих деловых костюмах похожи друг на друга, это факт.

— Чем могу быть полезен? — сухо спрашиваю я.

Японец почтительно поклонился:

— Мой работодатель шлет вам поздравления в связи с вашей великолепной победой и желает с вами побеседовать.

— Работодатель или работодательница? — уточнил я.

— Работодательница.

Я решил вокруг да около не ходить.

— У вас есть ее фото?

Он растерялся.

— Э-э-э... Знаете, было бы странно, если бы подчиненный держал при себе фотографию босса.

Я усмехнулся.

— Ваша работодательница — явно известное лицо. В Сети просто не может не быть ее фотографии, не правда ли?

— Вы правы. Но я уполномочен только лишь пригласить вас на беседу.

— Ясно. Значит, страшная, — разочарованно вздохнул я.

Облом с развлечениями. Печаль.

— Вы очень сильно ошибаетесь! — встрепенулся японец.

— Бывает такое. Мне неинтересно, всего доброго.

Он на секунду растерялся, а затем пробормотал извинение и ушел.

Но на этом все не кончилось, потому что когда я вышел через черный ход — входы для бойцов и персонала и для зрителей разные — меня уже ждал еще один японец, почти неотличимый от первого. Идентичный костюм, идентичный галстук — только лицо другое. Этот старше первого и с едва заметным шрамом сбоку на щеке.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался он. — Я прошу прощения за бестолковость моего подчиненного, он, вероятно, неточно донес до вас суть дела. У моей хозяйки есть к вам деловое предложение. Не то, о чем вы, вероятно, подумали вначале.

Не то? То есть, это не зрительница, которая просто хочет переспать с победителем? Получается, она имеет какое-то отношение к Фаталу. Ладно, если это так, то будет глупо бегать от того, кого я собираюсь искать сложными путями, через почерк.

— Ладно, показывайте дорогу, — сделал я жест японцу идти вперед.

Он пошел, я за ним, так что он не видит, как я сунул руку в карман с револьвером.

Мы вышли на парковку для гостей и подошли к самому настоящему лимузину. То есть, не бог весть какая невидаль, рядом стоят похожие, но этот какой-то побольше да потяжелее. Возможно, даже пуленепробиваемый. Окна тонированы, но в тот момент, когда японец отрыл передо мною дверцу, я увидел, что в салоне сидит только одна пассажирка. Вроде бы, все выглядит безопасно.

Я плюхнулся на кожаное сидение, японец захлопнул за мной дверцу.

Передо мною — молодая женщина восточной внешности, видимо, японка, раз двое ее подчиненных — японцы. Лет

тридцать от силы, и к тому же более чем красива. Внешние данные тянут лет на двадцать пять, но если сделать скидку на пластику — ведь такой красивой родиться трудно — все равно больше тридцати дать нельзя. Ну и фигура под стать лицу.

Она смотрит на меня с улыбкой, я смотрю на нее — и решаю брать быка за рога.

— Итак, это вы заплатили Фаталу, не правда ли?

Японка растерянно хлопает глазами, а затем выдает:

— Эм-м-м... Простите, но как вы догадались?!!

Я снисходительно хмыкаю:

— Методом исключения. Раз вам от меня нужно не то, что обычно нужно зрительницам от бойцов, то как бы больше тем для бесед у нас нет, остается лишь та причина, по которой вы захотели отправить меня в реанимацию.

Она снова улыбается:

— Ах, вот оно что... Вы случайно сделали правильный вывод из неправильной предпосылки. Я, на самом деле, не хотела, чтобы вы угодили в больницу, и очень рада, что это тупое животное оказалось против вас совершенно бессильным.

— Тогда в чем был смысл? — мрачно нахмурился я.

— В проверке же. В бою на ринге бойцы проходят проверку на силу и мастерство — чего мне недостаточно. Я захотела проверить вас на гораздо более важные качества. Как вы сопротивляетесь давлению и как смотрите в глаза настоящей опасности.

— И зачем это вам понадобилось? — спросил я, уже догадываясь, какой будет ответ.

— Затем, что меня не интересуют так называемые «чемпионы» и убогие «герои», — с ноткой собственного превосходства над окружающим миром произнесла японка. — Мне нужен только самый-самый лучший.

Если это был комплимент, то на меня он не подействовал.

— Ага, так все-таки у вас то же самое дело, о котором я изначально и подумал, — обронил я.

— На самом деле, все-таки не то же самое, — ответила японка. — Дело не в обычном сексе. Я решила родить ребенка — вот и приложила максимум усилий к тому, чтобы его отец обладал наилучшим набором важных качеств.

Меня уже захлестывает потихоньку злость. Да она вообще что о себе вообразила?! Она может втихаря затевать посторонним людям проверки, чреватые реанимацией, просто чтобы устроить таким образом смотр потенциальных отцов своему ребенку? И ей даже не пришло в голову, что кто-то может не захотеть становиться отцом ребенка от такой вот матери?!

Эх, была бы она мужчиной — можно было бы вмазать от души, но мне мои принципы не позволяют бить женщину. Впрочем, я ее все равно прямо сейчас проучу как следует: она явно из богатой семьи, привыкла смотреть на мир сверху вниз и наверняка не знает, что такое отказ. Вот прямо сейчас она смотрит на меня торжествующе, даже не как победитель на побежденного, а как охотник — на добычу. И, наверное, ей будет очень обидно и досадно, если я скажу «нет».

— Так ты не просто преуспела в этой затее, ты нашла такого кандидата, у которого этот самый набор качеств много лучше того, какой ты хотела, — сказал я.

У японки медленно сходит с лица улыбка: обычно такие слова произносят самодовольно, но мой голос мрачен, и она уже начинает понимать, что что-то пошло не по плану.

А я добиваю:

— У меня к отваге и силе еще полно довесков, таких, как гордость, собственное достоинство и принципы. Мне не нравится твоя высокомерная улыбочка, мне не нравится, как ты на меня смотришь, но больше всего мне не нравятся твои методы и то, что ты считаешь себя выше элементарной человечности. Богиней себя возомнила, да? Спустись обратно на землю.

Я взялся за дверную ручку, но тут дверь щелкнула.

— От меня не так-то просто сбежать, — вкрадчиво улыбнулась японка.

Блджад, да ты вообще берега потеряла? Ладно же.

Я растянулся на сидении, но только затем, чтобы упереться плечами в левую дверцу. Резко поджимаю ноги и выпрямляю, нанеся мощный удар в область запирающего устройства правой дверцы.

Бронированная дверь, предназначенная для того, чтобы защитить пассажиров от атаки снаружи, оказалась не приспособлена к удержанию пассажиров внутри. То есть, сама бронедверь и бронестекло выдержали — но замок не выдержал удара изнутри. Ну или, может быть, я оказался слишком силен. От удара дверца распахнулась настежь с противным скрежетом металла.

— Меня не так-то просто удержать, — хмыкнул я, собираясь выбраться из машины.

Снаружи моментально нарисовались оба японца, шокированных таким поворотом, но хозяйка внезапно зашипела на них на своем языке и оба исчезли так же быстро, как и появились.

— Подождите! — сказала японка, и от ее горделивого чувства собственного превосходства не осталось и следа. — Не уходите,

прошу вас!

Я на миг застыл с выставленной наружу ногой, но только на миг. Она, видя, что я собираюсь выбраться из машины, пошла на крайние меры, которых я от нее точно не ждал: опустилась на пол салона на колени.

— Не уходите, пожалуйста, — произнесла японка, и в ее глазах я увидел самую настоящую мольбу.

Наверное, преподанного ей урока уже было достаточно, но я не удержался от еще одного укола:

— Неужели в вашем окружении все так плохо с мужчинами?

— Достойных мужчин много. Но таких, как вы, нет.

В конце концов, если бы я ушел от красивой женщины, стоящей передо мною на коленях и делающей мне такие комплименты — был бы идиотом.

Так что я плюхнулся обратно на сиденье напротив нее. Все-таки, за ее попытку отправить меня в больницу я с нее получу сполна. Просто не так, как получил бы с мужчины.

Ну и потом... я сам хожу по краю, и охотники, может быть, рядом. Вряд ли можно упрекнуть меня в том, что я возьму от жизни, что смогу.

— Ладно, — сказал я вслух. — Так и быть. Меня зовут Кир.

Небоскреб

Японка, представившаяся красивым именем Нэдзуко, быстро решила вопрос с транспортом, просто послав водителя взять в аренду «колизейный» лимузин. Оказывается, тут есть и такая услуга. Свой, с выломанной дверцей, оставила на парковке, поручив кому-то куда-то позвонить, заменить дверцу и прислать ей счет.

Ехать пришлось добрых двадцать минут, и по пути Нэдзуко извиняющимся тоном объяснила свои мотивы и причины: она не вчера начала искать биологического отца своему будущему ребенку, но, привыкнув только ко всему самому лучшему, столкнулась с тем фактом, что идеальных людей нет, в каждом кандидате постоянно находились критические недостатки.

Я поинтересовался, не лучше ли рожать от постоянного партнера, если такой есть, но Нэдзуко в ответ только пренебрежительно хмыкнула.

— Кир, ну ты же понимаешь, что вокруг всякой богатой и красивой женщины всегда собирается толпа элитных альфонсов? Альфонс — идеальный партнер для постельных развлечений, это его профессия, но... рожать от альфонса? Серьезно?

Я пожал плечами.

— Полностью согласен. Но мне казалось, что обычно богатые и красивые женщины тянутся к своему кругу, к богатым и приличным парням.

Она вздохнула.

— А тут все совсем уж сложно. Начнем с того, что парни из богатых приличных семей, как правило, капризные, высокомерные и с кучей прочих недостатков, проистекающих из их происхождения. Ну, то есть, такие же, как я, скажем прямо. Я терпима к своим недостаткам, поскольку они мои. Выносить их у другого человека было бы сложно. И у приличных богатых парней на меня такой же взгляд, как у меня на них. Им не нужна сильная, независимая подруга, они предпочитают девушек беднее себя. Зависимых от них. А еще, понимаешь, технический прогресс сломал все на свете. Теперь альфа-самцу позволительно иметь пузо, лысину и метр роста, если кошелек толстый. Девушки предпочитают мужчин с деньгами. Но у меня денег полно, и потому мой взгляд на мужчин более... первобытный. Я предпочитаю сильных и смелых, обладающих волей к борьбе. А как проверить на смелость парня из богатой семьи? Никак.

Мы подкатили — и кто бы сомневался? — к натуральному небоскребу. Не пятьсот метров, а всего триста, надо думать.

Простой функциональный дизайн, не очень большие окна. И сверху донизу — огромные светящиеся буквы.

— Э-э-э... «Кетгам Ноппин»? Это на каком языке?

Нэдзуко захихикала.

— В японском языке вертикальные надписи читаются снизу вверх. «Ниппон Магтек».

— Но мы вроде ж не в Японии? Обычно названия пишут сверху вниз?

— Кто сказал, что сверху вниз, и почему я должна этого кого-то слушать? Небоскреб ведь мой. Хотя по правде — надпись эта была еще до моего рождения. Это мой отец так решил.

Я сразу же отметил про себя, что, оказывается, в России небоскребы еще двадцать пять лет назад были нормой. Странно. И...

И тут в голове мелькнула еще более дикая мысль. Первый японец, второй японец, Нэдзуко — они все говорят по-русски совершенно без акцента. Вообще.

— А ты сама где родилась? В Японии?

— Нет, здесь. В этом же небоскребе.

— Я просто обратил внимание, что ты и твои подчиненные говорите по-русски без акцента.

— Так это ежу понятно, мы же все тут родились. Это по-японски мы с акцентом говорим, что вполне естественно. Если быть совсем уж точной, то мы говорим не совсем по-японски, наш диалект называется «росиго нихонго», то есть «русский японский язык».

Фигасе. То есть, тут еще и японская диаспора есть... Интересно, а кто выиграл русско-японскую войну? Но вслух я этого не спросил, загляну в Сеть на досуге.

Мы заехали в гараж у парковки, прямо в стене, и вышли. Затем водители разделились: старший сопроводил нас к лифту, а сам ушел в дверь сбоку, а младший поехал возвращать лимузин.

Кабинка лифта — маленькая, но с диванчиком, зеркалом и тумбочкой с косметикой. Все понятно: личный лифт Нэдзуко. Как только мы в нее вошли, раздался негромкий мужской голос, говорящий по-японски. Девушка отозвалась, затем пояснила: это ее приветствует служба безопасности.

— Так ты единолично владеешь этим небоскребом, да?

— Ага. И всем «Ниппон Магтек» заодно.

— Впечатляет.

Кабинка ехала вверх секунд тридцать — неслабый лифт.

— Мы на самый верх?

— Нет, только на восемьдесят восьмой. На крыше у меня нет пентхауза, там вертолетная площадка.

Дверь открылась, мы вошли в холл — и тут я столкнулся еще с одним японцем.

То, что он явно выше по рангу двух предыдущих, я понял по множеству признаков. Перво-наперво, он отличается от двух других, как отличается бойцовский питбуль от пары комнатных собачек. Сюда добавляем бронежилет, надетый поверх рубашки, отсутствие пиджака и галстука, а также кобуру с не то громадным пистолетом, не то миниатюрным пистолетом-пулеметом. Ну и рукава рубашки закатаны, наверное, чтобы обнажить крепкие мускулистые руки с отчетливо различимыми шрамами.

Он отлип от стены, которую подпирал, и вежливо поздоровался с Нэдзуко, одарив при этом меня крайне недружелюбным взглядом.

— Кажется, я не понравился твоему охраннику, — сказал я негромко.

— Ничего личного, — донеслось мне в спину, — мне не нравится, когда на вверенной мне территории появляется неизвестное лицо, да еще и с неподконтрольным мне стволом в кармане.

— Кир, ты ходишь с пистолетом? — удивилась Нэдзуко.

— Ты сама ездишь туда на бронированном лимузине с парой охранников, — ответил я и обернулся: — а вы мои карманы насквозь видите?

— Карманы — нет. Вас — да. Но вообще у вашей куртки одна пола оттянута сильнее, чем другая, и в кармане лежит предмет весом примерно один килограмм. Если учесть, что госпожа Итагаки привезла вас оттуда, куда сама ездит на бронированной машине, как вы верно подметили — то это, скорей всего, пистолет. Дедукция, никакой магии.

Нэдзуко закатила глаза.

— Кир, не бери в голову. Юдзи всегда такой. Он всех и всегда так встречает. Если бы у тебя не было пистолета — ничего не изменилось бы. — Она впустила меня в дверь, закрыла ее и вздохнула: — черт, Юдзи нам весь интим поломал. Опять.

— Интересный у тебя выбор охранников. Но меня, признаться, больше волнует, что он может сообщить в полицию.

— Не беспокойся на этот счет. Без моего ведома и разрешения такое тут произойти не может.

— Угу, — сказал я, снимая кроссовки, — если учесть, что тут себе позволяют охранники, есть некоторые сомнения в их дисциплинированности. Он там так и будет торчать?

Она вздохнула.

— Увы. Проторчит до середины ночи, потом поставит пару сменщиков. Меня и саму он немного выбешивает, если честно.

— Хых. И ты не можешь его призвать к порядку?

— Не-а. Он мне не подчиняется, если не считает нужным.

— Хренасе откровения. Он что, не твой подчиненный?

— Мой. Только, понимаешь, Юдзи всегда все делает по-своему. На любые мои приказы следует ответ, что решать вопросы безопасности — его прерогатива, и так будет до тех пор, пока тут не появится новый глава службы безопасности. То есть, я могу его только понизить в должности или уволить.

Я хмыкнул.

— Похоже, он очень ценный специалист, если не боится увольнения.

Нэдзуко развела руками.

— Уволить его — себе во вред. Юдзи служил еще моему отцу, так что да, он может позволить себе больше других... Эх, я бы предложила тебе сакэ двадцатилетней выдержки, но... сам понимаешь. Мне совсем нельзя, а тебе только потом, утром.

— Ничего страшного, — улыбнулся я, расстегивая рубашку, — все равно я не пью.

***

Ночь, проведенная с Нэдзуко, была лучшим, что со мной случилось с момента потери памяти. Ничего удивительного в этом нет, поскольку с того момента ничего хорошего просто не происходило.

Впрочем, Нэдзуко легко составила бы конкуренцию любому приятному событию: ее тело оказалось даже лучше, чем я мог предполагать, пока она была одета, а страсть — искренней и горячей.

Я с ней особо нежничать не стал, повалил на кровать и вонзился в нее на всю длину, после чего принялся удовлетворять свою страсть резкими, энергичными движениями. С учетом ее изначально недружественного поведения меня не должны волновать ее ощущения. Хотела первобытного мужчину? Получи и распишись.

Однако Нэдзуко, по всей видимости, как раз чего-то такого и хотела, потому что когда я с нее скатился, тяжело дыша, она принялась покрывать мое тело поцелуями, пока я снова не возбудился, а затем уселась на меня сверху и принялась подпрыгивать так, как не всякий ковбой на строптивом коне подпрыгивает.

В конце концов утомилась и она. После небольшой передышки мы пошли в душ, и здесь после короткой прелюдии я снова овладел ею, прижав к гладкой стене и оказавшись в ней, а Нэдзуко обхватила меня ногами и руками и закрыла глаза.

Окончательно удовлетворенные, мы вытерлись насухо, при

этом я отметил, что она явно заранее готовилась к моему визиту: среди полотенец нашлась пара новых мужских, в запечатанных пакетах.

— Да, сакэ ты определенно заслужил, — сказала она. — Но ты не пьешь, а мне теперь нельзя. Ладно, сейчас позвоню прислуге насчет ужина, а то у нас как-то очень быстро и спонтанно все вышло.

Я подумал, что уже неважна предыстория с Фаталом, Нэдзуко однозначно заслужила прощение и пару комплиментов.

— Ужин вполне мог подождать, потому что хорошо поужинать я мог и без тебя, а вот такой секс за деньги купить невозможно.

Она не то чтоб аж расцвела от этого бесхитростного комплимента, но улыбнулась с явным осознанием своего великолепия.

Ужин, конечно же, был великолепен: куча всякой всячины, из которой я узнал только суши — их была горка, и все роллы до единого уникальные, двух одинаковых не нашлось — и сашими, тоже куча разновидностей мяса и рыбы.

— Я бы еще попыталась удивить тебя царским басаси — но как назло последнее мясо ушло месяц назад, поставка из Японии задерживается, а тут конину просто не найти.

Я почесал затылок.

— Интересное у вас, японцев, представление о царских яствах. Но ничего страшного, без конины я точно как-нибудь обойдусь.

Нэдзуко хихикнула:

— Вообще-то, конина — очень вкусное и пикантное мясо. С ним только та проблема, что кони на мясо должны разводиться пастбищным методом, а не стойловым. Потому в Японии, где кони чрезвычайно дороги, а конина тем более, басаси — издавна самое пикантное блюдо, которое даже дайме могли позволить себе и гостям только по праздникам из-за его астрономической стоимости. Ну а на Руси с давних времен к коням совсем иное отношение, они тут были и кормильцы, и боевые други, как говорится, потому у вас мясного коневодства просто по традиционным причинам нет как такового.

Этот замечательный вечер был замечательным во всем, и закончился он так же замечательно: этой ночью мне впервые не снилось болотистое поле и черное дуло танкового орудия.

***

Утро выдалось замечательным, поскольку проснулся я от горячих поцелуев и ласк: Нэдзуко захотела еще одну бешеную скачку. Я, само собой, не возражал.

Потом был завтрак ничуть не хуже ужина, но аккурат на середине его у Нэдзуко зазвонил телефон.

— А, чтоб им, — отозвалась она, выслушав собеседника. — Кир, мне тут надо отлучиться на часок, не могут, понимаешь, без меня важное совещание провести.

— Да, понимаю, большая корпорация — большие хлопоты. Да и мне пора, все хорошее когда-нибудь заканчивается.

— Куда ты так спешишь? Я тебе уже надоела?

— Нет, ни в коем случае.

— У тебя дома голодные дети или кот? Или жена? Я могу просто отправить людей, которые свозят детей, жену и кота в ресторан, если что.

— У меня дома нет ничего живого, даже тараканов: если и были, то померли давно. Ну просто потому что у меня и кухни-то дома нету, я вне дома питаюсь.

— Вот и славно. Не скучай, телевизор там посмотри или что. В соседнем зале есть бассейн и тренажеры — развлекайся, а я попытаюсь разобраться с делами так быстро, как смогу, и вернусь.

— Ладно.

Она надела классическое японское кимоно и вполне себе европейские туфельки и ушла, а я остался один. Надел халат, тапочки — все это у Нэдзуко было приготовлено для меня заранее — подошел к окну и некоторое время наблюдал за утренним городом и соседними небоскребами. Город с высоты в двести с лишком метров был виден хорошо — и, твою ж мать, он огромен. Просто до горизонта — кварталы, парки и небоскребы. Точняк Москва, какой еще город может быть таким большим?

Немного поразмышляв, я придумал интересный ход. Раз мне выпала возможность — я ею воспользуюсь по максимуму, выжму, что можно.

И я открыл дверь из личных апартаментов Нэдзуко в холл. К моей радости, у дверей обнаружился тот же самый Юдзи. О том, что он сменялся, мне сказала его рубашка, теперь она не белая, а голубая.

— С самого утра на дежурстве? — добродушно поинтересовался я.

— Именно так, — последовал сухой ответ.

— Да уж, нелегкая это работа — служить капризной особе, которая клала на соображения безопасности и таскает к себе домой всяких злыдней с самого дна социума, да?

— Гляжу, вы неожиданно хорошо меня понимаете, — отозвался эсбэшник. — Был похожий опыт в жизни?

— Нет, я просто попытался представить себя на вашем месте, а с воображением у меня все хорошо. А у вас тут прямо маленькая

личная армия, да?

— У всякой большой корпорации много больших врагов, так что без сильной службы безопасности не обойтись.

— Хм... Я тут подумал — а не могу ли я вас попросить о небольшой деликатной услуге частного характера?

— О какой именно?

— Судя по всему, в вашем распоряжении полно военного снаряжения и боеприпасов. Прозвучит контринтуитивно и странно, но не могу ли я разжиться с вашей помощью пригоршней патронов?

— И что вы собираетесь с ними делать? — без малейшей усмешки спросил он.

— Слушайте, вы не поверите... Я собираюсь зарядить их в револьвер. У меня в барабане всего два патрона, а хотелось бы полный.

— И как вы израсходовали недостающий боекомплект, если не секрет?

— А это не я. Из этого револьвера стрелял не я, а в меня.

Юдзи приподнял бровь.

— Нескучная же у вас жизнь.

— И не говорите. Меня пытались за последние дни и застрелить, и зарезать. Я же говорил, Нэдзуко не зря ездит туда, где мы встретились, на бронированной машине. А у меня — ни броневика, ни телохранителей.

— Какой калибр?

— Э-э-э... Без понятия. Сейчас принесу и покажу.

Эсбэшник, увидев револьвер и патроны, приподнял уже обе брови.

— Интересный выбор, прямо скажем. Видимо, человек, у которого вы его отобрали, очень боялся то ли роботов, то ли группы захвата.

— Ну почему боялся, может быть, и сейчас боится, если не склеил ласты, у него нездоровый образ жизни, знаете ли. А почему вы так говорите?

— Потому что это «Прометей», специальная модель «Грома», который и сам является специальным револьвером. Это патрон с кумулятивной пулей, и он предназначен против роботов и тяжелобронированных противников. Против обычного грабителя как средство самозащиты он не очень.

— Роботов? — удивился я.

— Да, я это и сказал, а что?

— Э-э-э... А что, бывают боевые роботы?

Он посмотрел на меня как-то странно.

— Вы никогда не видели и не слышали?

— Э-э-э... Ну может и слышал краем уха...

Юдзи хмыкнул.

— Ладно, освежу вашу память.

Он произнес короткую команду, и прямо напротив нас отошла фальшпанель стены, и за ней я увидел приземистую тумбу на гусеницах, с кучей объективов и с торчащим вперед стволом пулемета.

— Вау, — протянул я. — Круто. Хотя, наверное, не стоило вам выдавать свои секреты чужаку...

Он ухмыльнулся.

— А это ни для кого не секрет. Сделано «Ниппон Магтек». Было бы странно думать, что лидирующий производитель автоматизированных оборонительных систем не оснастил собственной продукцией свою штаб-квартиру.

— Хм... Действительно. Так это патроны против вот таких роботов?

— Ага. Пуля взрывается при касании и создает тоненькую кумулятивную струю. Да, она прожигает несколько миллиметров противопульной брони и выводит из строя сложные системы, но на человека воздействие сравнимо с раскаленной иглой. Останавливающее действие небольшое, бывали случаи, когда человек, пораженный в голову или сердце, продолжал бой и убивал стрелка до того, как выходил из строя сам.

— Да, и правда, странный выбор оружия для грабителя, — пробормотал я.

— Тут гораздо более интересный вопрос — где он его взял. Такие патроны простому гражданину не получить законно никак, как и револьвер.

— Ну да, резонно. Беда в том, что другого у меня нет, а живу я ну вы сами знаете где и какая там обстановка. Я не шутил, когда говорил, что меня буквально на днях пытались и зарезать, и застрелить. Что характерно — из-за совсем смешной суммы денег.

— Там, где находится «Колизей», несколько тысяч — это много.

— Так дело было до моего вчерашнего боя.

— Понимаю. В общем, человек с патронами встретит вас у выхода, когда будете уходить.

— Премного благодарен, — сказал я. — И это... ведь вы же вчера ночью точно проверяли мое лицо по ориентировкам полиции, каким-то своим базам данных, правда?

— Правда.

— Нашли что-нибудь?

— Нет, в уголовном розыске вас нет. А вы сами не знаете, попали в розыск или нет? — иронично усмехнулся он.

Я развел руками и продолжил вдохновенно сочинять:

— В том и дело, что нет. По логике здравого смысла, те люди, которые пытались меня застрелить и зарезать, не должны были заявить на меня в полицию. Но у меня есть некоторые сомнения в их здравомыслии, нормальный разумный человек не пойдет на убийство ради тощего кошелька такого же нищеброда, как он сам, вы согласны?

— Согласен, — кивнул он.

Фух. А я, оказывается, в сочинительстве вполне себе хорош.

И ничто не предвещало…

Я провел с Нэдзуко почти весь день: мы занимались любовью, кушали всякие деликатесы, плавали в бассейне, снова занимались любовью, слушали классическую музыку, попивая коктейли на балконе и так далее по кругу. Под вечер ей снова понадобилось где-то там присутствовать, и на этот раз она уже не настаивала, чтобы я остался ее ждать. В конце концов, она получила от меня все, что хотела, так что потеря интереса к моей персоне была закономерной, признаться, я ожидал этого еще утром.

Но мой номер телефона Нэдзуко все же взяла.

— Ну ты же понимаешь, не всегда зачатие удается с первого раза. Если я не забеременею — позвоню тебе. А ты-то уж точно не откажешься повторить, не правда ли?

О да, тут она права: я точно не откажусь провести с ней еще одну ночь. Но и тут есть проблемка: я, по всей видимости, все-таки не человек. Копия, вероятно, улучшенная. Иначе сложно объяснить, для чего Марине понадобился пистолет против брони и роботов.

Так что можно держать пари: Нэдзуко на самом деле не получила желаемого. Невозможно зачать ребенка от машины. Копия не может породить оригинал, даже если это очень точная копия, имитирующая все аспекты жизнедеятельности. И да, некоторое время спустя Нэдзуко позвонит, чтобы сделать еще одну попытку, и если и вторая окажется неудачной — тогда она начнет искать причину неудачи. И, не найдя ее в себе, может захотеть притащить к врачам меня, использовать искусственное оплодотворение и так далее. Само собой, что для меня это чревато неизбежным разоблачением.

Увы и ах, больше не будет жаркой ночи с великолепной страстной японочкой, и она сама, увы, меня больше не встретит: все ее звонки наткнутся на сообщение, что абонент не в сети, потому что я сменю номер, а эту сим-карту сожгу.

Домой я уехал на ее лимузине — у нее он не один — правда, назвал адрес в «Шике», а оттуда домой поехал на такси. Юдзи не обманул, перед посадкой в лимузин один из служащих службы безопасности вручил мне непрозрачный пакетик, позвякивающий металлом.

Внутри я нашел две упаковки по пять патронов, одна — с такими же патронами, как у меня, еще одна — с патронами того же калибра, но пули обычные, свинцовые, а сама упаковка промаркирована на русском и английском языках. Насколько я понял из текста на упаковке — патроны повышенной мощности и

сниженной шумности для револьвера «Гром», но и к моему «Прометею» они вполне подошли. Ну да, Юдзи снабдил меня более подходящими для самообороны боеприпасами, и спасибо ему за это.

Итак, у меня есть деньги — почти двадцать тысяч — и полностью заряженный револьвер. Можно считать, что первый этап плана выполнен, теперь нужно выйти на человека, который сделает мне адекватные документы. После этого я смогу подумать, что делать дальше.

По пути я заскочил в супермаркет и разжился куском торта: отпраздную. Всякие закусочки мне теперь долго не полезут в горло, пока не забудется вкус божественной готовки повара Нэдзуко, но все, чем там угощали, было с уклоном в здоровую пищу, сладостей был самый минимум, тортов и пирожных не было совсем. Так что торт я съем спокойно, мне не с чем его сравнивать.

***

Каждый шаг дается все тяжелее, проклятый снег налипает на ноги, и я будто попал в кошмарный сон, когда пытаешься убежать, а толку нет. Но главная беда — в том, что я не сплю.

Если бы не снег вперемешку с болотом — я бы успел. Я уже давно пробежал бы полоску поля, перевалил за небольшой холмик, поросший деревьями — и пока, уроды. Но нет, я только добегаю до чертова холмика — самого опасного места маршрута. Или я лягу тут — или спасусь, пусть всего лишь на пять минут.

Я не вижу, но прямо затылком чувствую, как медленно разворачивается в мою сторону башня танка. Медленно — потому что танк не успел прогреться, гидравлика еще не работает, наведение вручную. Успею я добежать до гребня холма и скатиться или нет? Если нет — ну, даже тут есть один плюс: я ничего не почувствую. Кумулятивно-осколочный летит быстрее звука, так что и выстрела я не услышу.

Чертов холм — место, где в меня невозможно промахнуться. Пока я бегу по ровному полю — промах на полметра значит для меня жизнь, потому что снаряд улетит далеко вперед. Начну подниматься по склону… попадание где угодно поблизости — моя смерть.

Карабкаюсь по склону наверх, вершина уже рядом. Я взбираюсь на нее и вижу, как впереди, в изгибе спасительного оврага, мелькнула светлая растрепанная фигурка. Все, ее уже никак не достать и не догнать…

Перед тем, как перевалить через холм и скатиться в спасительный овраг, я на бегу оглядываюсь…

***

...Выстрелить танк не успел: спасительный телефонный звонок выдернул меня из холодного, грязного ада.

Но оказалось, что это всего лишь эсэмэска от оператора с предложением перейти на более выгодный тариф. Прочь, демон, прочь. Все равно я собираюсь менять этот номер.

Ну ладно, действовать все равно надо, оно и к лучшему, что пораньше встал. Семену пока звонить не буду, он же работает практически в ночную смену и отсыпается до обеда.

Я потыкался в мобильник насчет сети — неудобно, аж жуть. Ну ладно, пойду в «сетевое кафе».

Такое нашлось только в четырех кварталах, и явно не такое респектабельное, как то, что ближе к центру. Но в целом тоже все прилично: кресла подешевле, но в хорошем состоянии, клавиатуры дешевые, но новые, экраны большие, места оборудованы хорошо. Ну и у админа стоят автоматы с печеньками и напитками. Час — три рубля, печеньки и сок обошлись еще в два.

Первым делом я полез на карту города, чтобы «разведать» местность вокруг своего убежища. По-хорошему, это стоило бы сделать в первый-второй день, но лучше позже, чем никогда.

Вскоре я начал понимать, что Москва ну какая-то уж очень большая. Мегаполис такой, что Манхеттен тихо курит в сторонке. Главная разница в том, что на Манхеттене, каким я его помню, небоскребы стоят близко друг к другу. Тут все наоборот: все порознь. Если где-то стоит небоскреб — на несколько кварталов вокруг другого нет.

Да уж. Все, что я помню, оказывается не соответствующим действительности, все не совсем такое.То есть, на глобальном уровне все то же самое, плюс-минус, но в деталях начинаются нестыковки. Пирожки стоят не полсотни, а рубль примерно, хорошие — два. Рубли есть, и на гербе птица, но не двуглавый орел, а пикирующий сокол. Небоскребы есть, но их как-то дохрена. Москва — мегаполис, но много больше, чем помню я. Город кажется знакомым — но вместе с тем иной. Улицы чище, воздух чище, весь транспорт электрический. Ну и корпорации, хрен знает как тут оказавшиеся.

И в принципе, я-то не против. Меня преследует мысль о том, что город вокруг меня почему-то вызывает ассоциации со светлым будущим, как его представляли себе Кир Булычев и Ефремов. Это хорошо. А что лично мне все кажется странным — так проблема-то в моей голове, а не в реалиях.

Так, кстати... Ну-ка, «Русско-японская война». Ввод.

«Ничего не найдено. Может быть, вы искали „русско-японский военный союз“?»

Вот оно как. Так Россия с Японией вообще не воевала? А как же Цусима и Порт-Артур?

Я поискал «Цусимское сражение» — и ничего не нашел. Не было такого сражения.

Да уж, у меня в голове просто какая-то своя реальность, слабо совпадающая с этой. Эх, вот бы взять за яйца программиста, который меня программировал, и расспросить...

Я вернулся к карте: мое внимание привлекло синее пятно не так далеко от убежища.

Оказалось — небольшое озеро. В восьми кварталах от моего жилья начинается обширный лесопарк, а за ним есть озеро и песчаный пляж. Там имеются лодочная станция, катер, рестораны и все такое... Хм. Искупаться было бы славно.

И я пошел. Будет и небольшая разминка заодно. Час туда, час назад, искупаюсь — а там и обед.

Сказано — сделано. Я дошел туда даже быстрее, чем за час. На месте купил в магазинчике плавки, искупался, высох, перекусил в кафешке и пошел назад. Там, на пляже, «наловил» немало заинтересованных женских взглядов, но как-то не стал заморачиваться: не далее как вчера с утра и почти до вечера я занимался любовью с такой шикарной женщиной, что сегодня меня мало интересуют обычные девушки, пусть даже они и ничего так.

Увы, но лучшее — враг хорошего.

Когда время перевалило за полдень, я позвонил Семену. Он уже как раз успел выпить кофе и позавтракать.

— Такое дело, когда к тебе можно заглянуть в «Колизей»? — спросил я. — Есть разговор, но не телефонный.

— Часиков с шести я там буду, заглядывай, — сказал Семен.

Я так и сделал.

Собственно бои там еще не начались, так что Семен был ничем не занят.

— В общем, не знаю, как к этому подойти, потому скажу как есть. Мне бы как-то выйти на людей, которые могут снабдить меня документами.

— Какими?

— Паспортом.

Он скрестил руки на груди.

— Даже не знаю, стоит ли спрашивать, зачем тебе...

— А ответ прост: затем же, зачем людям вообще нужны паспорта.

— Так ты скрываешься от жены настолько всерьез?

— Я шутил. У меня нет жены. И паспорта нет.

— Ты что, нелегал?

— Не исключено. Понимаешь, памяти у меня тоже нет. Я не помню даже своей фамилии.

Семен аж присвистнул.

— Интересно девки пляшут... А ты не думал обратиться к врачам?

Я покачал головой:

— А зачем? Амнезия не лечится, насколько я знаю.

— Ну, сама по себе — нет, хотя есть нюансы, связанные с причинами. Как минимум, они бы установили, кто ты.

Я усмехнулся.

— Вот тут-то и начинаются риски. Понимаешь, я не помню просто ничегошеньки. Это значит, что я могу оказаться кем угодно, в том числе серийным убийцей, террористом — да кем угодно. Поскольку я хорошо дерусь — я могу оказаться киллером или военным, у которого руки по локоть в крови. Я не хочу таких новостей. Меня устраивает то, кто я сейчас. Моя голова соображает четко и ясно, я не при памяти, но в ясном сознании. Если я какой-то плохой человек — пусть лучше я об этом никогда не вспомню, так будет лучше для всех, не только для меня.

— Ты можешь вспомнить семью, детей, которые вполне могут у тебя быть.

— Я думал об этом. Вот прямо сейчас я не чувствую, что мне кого-то не хватает. Если у меня была жена — я ее не помню, а значит, не люблю. Если у меня были дети — я их не помню. Я ничего не чувствую к ним, они мне все равно что чужие. Судя по моему собственному возрасту, моим детям может быть год или два от силы. Пускай лучше их мать попытается как-то наладить свою жизнь с кем-то другим, потому что со мной уже не выйдет. Тот япончик работает, если ты еще не знаешь, на владелицу «Ниппон Магтек», и после того, как я эту кралю сутки имел как хотел и сколько хотел, мне сегодня на пляже обычные девушки показались совсем никакими. Кто трахал принцессу — на простую мужичку уже не посмотрит, такие дела. Наконец, если медики установят, что я преступник — хоть бы и просто нелегал — я окажусь где? За решеткой. Или меня депортируют. Зачем оно мне надо?

— Резонно, — кивнул Семен. — В общем, я с такими спецами дела никогда не имел, но кто-то из тех, кого я знаю, может знать нужных людей. Я поспрашиваю.

— Спасибо.

— Кстати, тут уже нашлась куча желающих бросить тебе вызов. Ну ты понял, ты сейчас на гребне волны, так сказать.

Я пожал плечами.

— Ну, если там будут такие, как Фатал, по популярности — в

принципе, я не против. Мне могут понадобиться деньги на документы, а потом... ну, я же ничего не умею, кроме как драться. Но прям щас я не то чтоб в форме. Ночь и день с японской бестией вымотали меня похлеще Фатала. Кстати, это она ему заплатила, сама призналась. Проверка, типа.

— Еще одна такая проверка — и ее сюда больше не пустят.

— Да она как бы не из злого умысла: захотела завести ребенка от самого-самого крутого, вот и устроила мне «краш-тест».

— Ну ладно тогда. В общем, я как увижу нужных людей — так тебе маякну. Пара дней, возможно дольше.

— Лады, спасибо, буду ждать.

***

Я провел следующий день в режиме максимального расслабона: дрых, сколько влезет, пошел купаться на пляж, там угостил себя хорошим обедом, вечером поужинал за тридцать рублей в хорошем ресторане.

Черт, мне нравится такая жизнь. Я, пожалуй, еще рискну пару раз выйти на ринг, ибо, во-первых, мне понадобятся деньги, во-вторых... К хорошему привыкаешь быстро, это касается и женских тел. После тех ужина, завтрака и обеда, которыми кормила меня Нэдзуко, мне уже сложно смотреть на дешевую еду, а после самой Нэдзуко то же самое случилось с моими стандартами красоты. Но вот беда, роскошное тело — очень дорогое удовольствие. И если такое тело купить еще можно, хоть ночь с шикарной «эскортницей» и стоит очень дорого, то такой секс, как с Нэдзуко, купить за деньги нельзя вовсе, мой комплимент был совершенно правдивым. Ну а другого способа оказаться в постели с божественной женщиной, кроме как снова выйти на ринг и победить, я не знаю.

Кстати, забавно выходит. Женщины, говорят, обижаются на так называемую «объективацию», но по факту сами в этом виноваты. Если качество женского тела, к которому имеет доступ некий гипотетический парень, ограничено финансовыми возможностями этого парня, то тут уже аналогий с товаром избежать нельзя. Всякая девушка, получившая от природы роскошное тело, непременно стремится найти парня обязательно с деньгами. Вот так странно вышло, что достойному мужчине может быть прощен любой недостаток, если он один. Мужчине позволительно быть глуповатым, иметь маленький рост, лишний вес, не иметь ноги или руки, быть некрасивым, физически слабым — любой из этих недостатков простителен, если во всем остальном все хорошо, и у такого мужчины может быть жена или подруга с обложки журнала. И есть лишь один недостаток,

который практически полностью лишает мужчину шанса на «девушку с обложки» — бедность.

В какой-то мере тут есть простое объяснение: женщины хотят самого лучшего парня и мужа. Наиболее приспособленного к выживанию и процветанию. А что есть мерило приспособленности в нынешнем мире? Деньги. Толку с силы, красоты и ума, если нет денег? Если ты сильный и умный — почему бедный?

Так что упрекать женщин глупо, это все равно что упрекать саму природу. Когда людей ели пещерные львы, а сами люди ели мамонтов — достойность мужчины определялась весом его каменного топора и дальностью броска копья. Теперь выживание и комфорт человека зависят от умения заработать деньги, и потому нет ничего удивительного, что мерилом мужественности выступает толщина кошелька.

Вот только природа денег такова, что все, к чему эти деньги прикасаются, превращается в товар. И если секс можно купить за деньги — то женщина, продавая или сдавая свое тело в оренду, становится не только субъектом торговли, но и объектом. В то время как женщина меряет достойность мужчины его кошельком, сами мужчины меряются тачками, часами и подругами. И девушка с обложки, выбрав себе парня на крутой машине, сама становится мерилом статуса этого парня, то есть, уподобляется дорогим часам или машине.

И опять же, в этом никто не виноват, такова природа денег и денежных взаимоотношений. Из-под действия этого правила выпадают богатые женщины, которые не интересуются деньгами мужчины. Их любовь нельзя купить, а значит, они не есть объект торговли. Однако любая женщина, встречающаяся с мужчиной не по любви — или по любви, к которой примешана любовь к богатству — автоматически становится товаром.

Как воспринимают люди мужчину, подобного Аполлону или Гераклу, в паре с женщиной, подобной Афродите? Идеальная пара идеальных людей. Но когда мы видим неказистого, рыхлого парня в компании «афродиты» — нам сразу становится ясно, что это богатый парень. Мы определяем его статус по подруге точно так же, как определили бы по «Феррари» или «Ролексу». Что автоматически превращает ее в глазах окружающих в вещь, принципиально от машины не отличающуюся. Се ля ви.

***

На следующий день я снова пошел купаться на пляж. Ну а что еще мне остается? Пока Семен не организует бой или не найдет поставщика документов — я как бы и не при делах.

Путь туда — по лесной дороге. Ну как лесная — асфальт, фонари, тротуар. Просто слева и справа — лес. Деревья, кусты,

птички поют и все такое. Километра три всего. Дорога эта упирается в пляж, там уже есть и магазины, и рестораны, и все, что угодно, ну и дальше снова лесопарк для любителей немного отдохнуть от цивилизации и пожарить шашлыки. Кстати, насчет шашлыков — это идея хорошая. Правда, я сам не буду заморачиваться, а просто зайду в шашлычную.

Пробежался туда — ну просто для разминки и чтоб в тонусе быть. День будний, потому за все время мимо проехала одна машина и один велосипедист. На пляже искупался, угостил себя шашлычком с ананасовым соком, пока ел — пообсох. Оделся и пошел обратно. Общественный транспорт тут не ходит, и сам пляж, по правде говоря, малолюдный: ну просто потому, что не сезон и будний день. Даже рестораны закрыты, кроме двух, а так-то их тут штук пять.

Вообще, мне нравится так жить. Если бы не мое прошлое и не корпорация, которая хочет до меня добраться — это был бы годный план. Дерешься на арене, зарабатываешь деньги, спишь с холеными, чудесными женщинами, остальное время бьешь баклуши. Так можно всю жизнь прожить, главное — отложить на старость достаточно «пенсионных накоплений». Ну чем не план? Жаль, зловещий силуэт корпорации маячит на периферии зрения, из-за них придется куда-то далеко ехать и там как-то тихо приспосабливаться. Как — непонятно, потому что я умею только драться.

И тут впереди за поворотом прозвучал удар и женский визг, затем снова удар, вроде бы по стеклу, и к женскому визгу присоединились пронзительные детские крики.

Я рванулся вперед.

Вендиго

И тут впереди за поворотом прозвучал удар и женский визг, затем снова удар, вроде бы по стеклу, и к женскому визгу присоединились пронзительные детские крики.

Я рванулся вперед.

Стоило мне достичь поворота, как моим глазам открылось дичайшее зрелище. На проезжей части стоит машина, внутри которой визжит женщина и голосят дети, а в эту машину через выбитое боковое стекло наполовину залез... голый мужик? И тут из окна машины пыхнуло пламенем, голый мужик прям аж зарычал.

Времени стоять и щелкать клювом у меня нет: пассажирка машины визжит не своим голосом, и тут ее легко понять, дети так просто заходятся в ужасе. Странный голый тип настроен решительно и очень агрессивно.

Подбегаю, хватаю типа за ноги — ну а за что еще его схватить? — и выволакиваю из машины. Он в ответ лягает меня ногами, и весьма сильно, и тут я обнаруживаю, что на пальцах ног у него не ногти, а...

Когти. Короткие, гнутые и прочные.

Я падаю и сразу же вскакиваю, он — тоже. Теперь я вижу его «лицо» и мне становится страшно: ни хрена это не лицо. То есть, оно чем-то похоже на человеческое — есть глаза, рот, нос — но это не лицо человека. То ли это монстр, то ли мутант, то ли упырь, то ли вурдалак какой-то. Глаза большие, с красными радужками и вертикальными зрачками, череп голый почти, обтянутый кожей, во рту полно зубов — но это не зубы человека, это зубы хищника. От этого существа воняет горелым, и сама рожа местами подпалена.

И ему, ясен хрен, совершенно не понравилось, что я вытащил его из машины за ноги.

Вурдалак стремительно — блджад, а он быстрый! — метнулся ко мне, разинув пасть и протянув вперед пальцы с кривыми когтями, и мне как-то сразу стало понятно, что встреча с этими когтями и пастью, раскрывшейся куда шире, чем рот у человека, не сулит ничего хорошего.

Я ушел с линии прыжка, увернувшись от атаки, и в тот момент, когда монстр попытался затормозить и развернуться, поймал его на этом самом развороте. Мои новые ботинки армейского типа оказались хороши для нанесения удара, я впечатал пятку в голову вурдалака так, что кто-то типа Фатала точно упал бы.

Но это существо не упало.

Оно снова бросилось на меня. Его движения потеряли четкость, но на этот раз я уже не сумел увернуться. Вурдалак свалил меня в прыжке, вцепившись в меня когтями, мы покатились по асфальту и оказались у самой машины. И он сверху, а я снизу.

Упырь попытался вцепиться зубами мне в лицо или горло, но я ухватил его руками за шею и сдавил. Несколько секунд мы боролись, а затем я сообразил, что бампер-то рядом, у его головы.

Пока он пытался растерзать меня когтями, я приложил его черепом о бампер, второй раз, третий, еще и еще. Хрясь, хрясь, хрясь, хрясь! Существо взвыло хриплым голосом и попыталось вырваться, но хрен там. Ко всему прочему, его правая рука застряла когтями в моем «кожаном» плаще: кожезаменитель оказался прочным, и я раз за разом бил его головой о бампер, а он не мог этому помешать.

В какой-то момент ему все-таки удалось вырваться и он откатился от меня, мотая головой и утробно завывая, но я вскочил на ноги раньше него и у тому времени, как вскочил и он, был уже рядом.

Мой кулак врезается в его висок: четкий акцентированный удар, в который я вложил всю массу и всю силу. Тварь опрокидывается, я наваливаюсь сверху, припечатывая ее коленом к земле, мои руки начинают молотить по голове.

Удар-удар-удар-удар-удар!

Монстр сопротивляется, но недостаточно энергично. Сильный, зараза, но его попытки пресекаются кулаками, обрабатывающими его голову. Сопротивление становится хаотичным, мне приходится защищаться от когтей, тянущихся к моему лицу, но я продолжаю наносить удар за ударом, удар за ударом.

Время то ли остановилось, то ли ускорилось. Сложно сказать, сколько все это продолжалось, я опомнился только после того, как совсем рядом завыли сирены.

Вурдалак лежит неподвижно, голова повернута набок, вывалившийся из размолотой глазницы глаз смотрит в небо. Подношу руки к глазами — они все красные. Влага на моем лице, красное на моей одежде.

Мой пульс колотит так, что в ушах словно молоты бьют, но сквозь этот шум до меня доносятся крики и топот. Полиция.

В самый последний момент я вспоминаю о револьвере. Он так и лежит в кармане, я забыл о нем. Вот идиот же я, а? Хотя...

Сую руку в карман, достаю револьвер и швыряю его в дальние кусты за секунду до того, как из-за поворота появляется группа

людей в тяжелых бронекостюмах наподобие омоновских. Хорошо, что не применил револьвер: теперь мне не придется объяснять, откуда он у меня взялся.

Люди бегут ближе, и я обращаю внимание, что в руках у них автоматические дробовики, а у одного даже... огнемет? Херрасе...

— Не очень-то вы и торопились, я так погляжу, — выдавливаю я из себя непослушным языком.

Следом за вооруженными людьми появились полицейские и «скорая помощь». Медики оказали мне первичную помощь, обработав ссадины на руках, груди и лице, и обклеили пластырем. Пострадал я не то чтоб сильно: лицо от когтей уберег, а плащ из искусственной кожи, имеющий подкладку и надетый поверх рубашки, защитил меня от серьезных ран. Просто потому, что когти кривые и прочные, но короткие, а распороть плащ твари не удалось. На груди ссадин хватает, рубашка и майка в крови, но глубоких ран нет.

— Охренеть, — сказал мне пожилой врач. — Я-то уже готовился к неотложной хирургии, а вы, можно сказать, почти целый.

— А что я? — ответил я. — Я, понимаете, не хотел этой самой неотложной хирургии, пришлось постараться...

Врач хохотнул, но как-то нервно.

Я оказался единственным пострадавшим в пределах видимости: пока я дрался с упырем, женщина из машины схватила детей и убежала. Поначалу я был несколько разочарован таким эгоизмом: могла бы монтировкой там по башке твари врезать или огнетушителем, плащ ему сзади на голову набросить... Хоть какая-то помощь была бы. Но она предпочла спасаться бегством, бросив своего защитника на произвол судьбы.

Но вскоре мне приоткрылись новые обстоятельства, показавшие события под совсем иным углом — и крайне неприятные лично для меня.

Рядом появился тип в пиджаке и с пистолетом под мышкой.

— Вы даете, — сказал он. — Я бы никогда не подумал, что ТАКОЕ возможно — голыми-то руками. Вы военный, видать?

К этому моменту я уже пришел в себя достаточно, чтобы осознать, что влип: инцидент с летальным исходом, как ни крути. Хрен знает, что за вурдалак, но труп-то в наличии.

— Я безработный, — ответил я.

— Хм... А раньше кем служили?

Вот же приколупался, а? И что теперь делать? Последуют вопросы — кто такой, как зовут? — а мне что отвечать? Ладно, пока буду вопросом на вопрос.

— Кто вам сказал, что я вообще служил?

Он обернулся и несколько секунд наблюдал, как труп огораживают лентой, затем снова повернулся ко мне.

— Обычно в таких случаях исход прямо противоположный тому, который получился у вас, знаете ли. Так что тут напрашиваются вполне закономерные вопросы.

— Вы уж меня извините, но мне сейчас охота надраться до посинения. Давайте в другой раз с вопросами?

— М-м-м... Извините, но в другой раз у вас будет выпивка.

И по тому, что вокруг уже стоят те парни в бронекостюмах, я понял, что дело обернулось совсем хреново.

***

Меня запихнули в полицейскую машину, на заднее сидение, огороженное решетками и без ручек на дверях. Верней, не совсем запихнули, а открыли дверцу и предложили садиться. В наручники заковывать не стали, по чему я сделал вывод, что пока еще все не очень плохо. Но скоро меня привезут в участок и начнут допрашивать — а что мне им ответить? Ведь я же «несуществующий человек», меня нет в базах данных!

С другой стороны, если только меня не обвинят в убийстве — да блджад, какое убийство, если эта тварь вообще не человек и близко?! — то больше мне предъявить нечего. Ну, это если не найдут в кустах револьвер, потому как на нем мои отпечатки, я их стереть не успел.

Пока ехали, я примерно составил костяк плана: в теории, меня могут задержать без причины, не предъявляя обвинений, на сутки или на сколько там. Если мне удастся как-то убедить их, что я ни в чем не виноват, я просто ходил купаться на пляж — им придется меня отпустить, даже если установить мою личность им не удастся. Хотя нет, тогда появится подозрение в том, что я нелегальный иммигрант, и меня снова задержат, наверное...

В общем, буду списывать на амнезию и требовать адвоката. Лучшей стратегии у меня пока нет, по крайней мере, пока я не пойму, что это за тварь и в чем конкретно меня подозревают.

«На месте» меня сопроводили в камеру. Без грубости, но четыре вооруженных «омоновца» с незнакомой мне аббревиатурой «ССО» на бронежилетах как бы исключают шутки с моей стороны. Обыскивать, как ни странно, не стали, но велели сдать все предметы из карманов и провели через металлодетектор. Из металла у меня только заклепки на ботинках, поскольку телефон я уже сдал, так что он и не пикнул.

Камера как камера. Комната три на три, передняя стена — сплошная решетка, за ней у потолка две камеры мигают мне красными глазками. Вся обстановка — кушетка, стол и стул, на столе переговорное устройство с одной кнопкой.

Я сразу обратил внимание, что тюрьма полностью автоматизирована. Мне указали камеру, я вошел — дверь закрылась сама. Никаких охранников нет, кроме тех, что меня привели. На столе под плексигласом инструкция по использованию переговорного устройства и правила поведения. Кормят по расписанию, в туалет — по запросу через переговорник. Причем пойду я туда сам, диспетчер только откроет и закроет нужные двери. Да, серьезно, сбежать невозможно, и взять охранника в заложники тоже нельзя, потому что его рядом нет.

Я просидел в тишине примерно часа два. Кушетка ничего так, удобная и чистая, что приятно. Ничем не воняет, не холодно. Сходил в туалет и понял схему: за раз открывается только одна решетка. Вышел в коридор — закрывается камера, открывается туалет. Захожу в туалет — он закрывается и включается таймер. На все про все пять минут. Туалет тоже чистый, что аж странно, но окна нет. То есть, сбежать будет не легче, чем с подводной лодки.

Моя камера оказалась одиночной и в самом начале, то есть дальше всего от туалета. Идя мимо других камер, я заметил, что они четырехместные, в одиночке сижу только я.

Через два часа пришла охрана — четыре бронированных чувака. С такими не забалуешь, да. Но приятно, что нет наручников. Осталось понять: то ли это признак, что мои дела не очень плохи, то ли такие тут порядки.

Меня привели в кабинет для допросов. Кабинет — ну кабинет и кабинет. Стол, два стула, большое зеркало во всю стену. Зеркало, конечно же, только с этой стороны, с той — просто окно для наблюдателей.

Примерно через две минуты появился новый тип, чем-то похожий на того, с пистолетом, но без пистолета. Наверно, чтобы я не имел шанса завладеть оружием. В очках, под мышкой папка.

Мы смотрим друг на друга: он на меня внимательно, я на него — хмуро.

— Здравствуйте, я — детектив Малкович, — представился он, садясь напротив.

Я промолчал.

— Давайте для начала познакомимся, что ли, — предложил он.

— Для начала стоило бы спросить, а нужны ли мне новые знакомые. Особенно такие, как вы.

Он чуть помолчал и сказал:

— Как-то у вас это получается преждевременно.

— Что именно? — приподнял бровь я.

— Ну вот это вот. Хмурый, недоброжелательный взгляд — это нормально, но я привык, что так на меня смотрят люди, которым выдвинуты серьезные обвинения.

— Еще иногда так смотрят люди, которые не знают за собой никакой вины, но почему-то угодили в каталажку, — подсказал я.

— О, вы не поверите, но я как раз и намереваюсь выяснить, есть за вами вина или нет. От человека, который ни в чем не виновен, вполне естественно ожидать сотрудничества, вы не находите?

Я насмешливо фыркнул.

— Да неужели? Когда, предположим, рыцарь убивает дракона и спасает принцессу, да пусть и просто крестьянку с детьми — он вполне естественно ожидает лаврового венка, почета и толпу менестрелей, воспевающих его деяние. А уж никак не решетку, да еще и без объяснений.

Малкович задумчиво побарабанил пальцами по столу, скорчив некую такую мину, которая вроде бы должна означать что-то типа «ну да, есть в этом некий резон». Затем достал из папки планшет, потыкал в него, а затем повернул экраном ко мне.

— Смотрите.

Я наклонился вперед.

На экране — часть видеозаписи весьма драматичного эпизода, похожего на сцену какого-то фантастического боевика.

Существо, весьма смахивающее на то, с которым имел дело я, напало на человека в массивном бронекостюме. Причем не такой костюм, как у ОМОНа, ну который ССО, а прямо гибрид рыцарского доспеха и космического скафандра. Мне с первых же секунд стало ясно, что тут в большую беду попал именно человек, потому что бой шел при полной инициативе существа, которое пыталось выковырять человека из его брони, разбить лицевой щиток или поотрывать части доспеха. Чудовище легко сбило человека на землю, все попытки последнего подняться или отбросить от себя врага выглядели довольно-таки жалко, его движения несли на себе сильный отпечаток паники и беспомощности.

Малкович поставил видео на паузу и спросил:

— Ну, как вам?

— Если бы я был в такой громоздкой консервной банке — наверное, был бы таким же беспомощным. Чем видео кончилось-то?

— Бойца спасли... в последний момент. Только дело в том, что эта «жестянка» — на самом деле силовая броня.

— Силовая броня? В смысле, с моторчиками?

— Ага. Вендиго хоть и меньше тигра или льва, но, пожалуй,

не менее опасен. Для того парня все могло закончиться очень хреново. И тут такой контраст — вы. Убить вендиго один на один — уже само по себе большое достижение. Так-то вы правы, в давние времена рыцарь, сразивший такого монстра в поединке, немедленно получал свою порцию славы, причем нехилую такую порцию. Но на фоне этих рыцарей человек, убивший вендиго голыми руками, выглядит, мягко говоря, подозрительно.

Итак, это чудище кудлатое называется «вендиго». Попахивает бредом... если не считать того, что реальность этого «бреда» я проверил собственной шкурой. А вот подозрения... черт, вот это уже совсем дерьмово. Неужели он догадался, что я?.. Хотя бесспорный плюс в том, что меня не обвиняют в убийстве, как я изначально опасался.

— Подозрительно? — переспросил я. — И что вам кажется подозрительным?

— То, что вы убили его голыми руками.

— Ах, ну извините! У меня не было крутого скафандра, в котором я мог бы поваляться, пока придет помощь, и на помощь я тоже не надеялся, она бы опоздала, не убей я его сам! Так в чем конкретно вы меня подозреваете? Быть слишком сильным и ловким — преступление? Или слишком сильно хотеть жить запрещено?

Малкович покачал головой.

— Нет, ничуть. Просто все смахивает на постановку. Вендиго мельче обычного и, вероятно, слабее. Возможно, умышленно ослаблен. Леди, на которую он напал, сообщила, что он пробил автомобильное стекло с третьего удара. Обычно им хватает одного.

У меня прямо отлегло от сердца: он подозревает меня в том, в чем я не виновен. Все, можно немного и побыковать, но аккуратно.

— Знаете, детектив Малкович... Да нет. Хотел предложить вам сходить к психиатру, но... В общем, подозревать — ваше право. Удерживать меня тут по причине, смехотворной для любого здорового человека — уже беспредел. Я требую адвоката.

— А вас пока еще не обвиняют, я просто пытаюсь собрать сведения, чтобы составить полную картину. Если подозрения ошибочны — в ваших интересах помочь мне установить истину.

В тюряге

— Знаете, детектив Малкович... Да нет. Хотел предложить вам сходить к психиатру, но... В общем, подозревать — ваше право. Удерживать меня тут по причине, смехотворной для любого здорового человека — уже беспредел. Я требую адвоката.

— А вас пока еще не обвиняют, я просто пытаюсь собрать сведения, чтобы составить полную картину. Если подозрения ошибочны — в ваших интересах помочь мне установить истину.

— Возможно. Только у меня есть принципы. Я отношу себя к категории хороших людей, тех, которые на стороне Света и Добра. Ни о каком сотрудничестве со слугой Зла не может быть и речи.

— Это я — слуга Зла? — удивился он.

— Конечно.

— Неожиданно... И что заставляет вас так думать?

— Ваши действия, детектив. Знаете, о чем я сейчас сожалею?

— О том, что не можете приложить меня головой о стену? — предположил он.

— Типичный ход мысли человека, обращенного ко Злу. Нет, я сожалею о том, что побежал не в ту сторону.

— Простите?

— Я услышал крики женщины и детей и побежал на звук. А надо было — в противоположную сторону. И сам был бы целее, и сидел бы сейчас дома, а не в кутузке. Видите, детектив, вы заставили рыцаря Света сожалеть о его подвиге. Как вы думаете, если такая ситуация повторится — я снова буду спасать жертву с риском для себя, чтобы получить в награду не честь и славу, а решетку и подозрения? Черта с два. Вы заставили меня понять, что значат слова «добро наказуемо». Вы добились того, что рыцарь Света оставит свою стезю. Я делал наш мир лучше, сражаясь с чудовищем. Вы прямо сейчас делаете его хуже, заставляя меня сожалеть о моем благородстве. Кто вы после этого, если не слуга Зла?

Он развел руками.

— Я просто делаю свою работу. Это моя обязанность — всегда подозревать злой умысел.

— Так вы херово делаете свою работу, детектив. Подозреваете злой умысел вокруг, но не видите, что то, как вы работаете, и есть злой умысел. Вы могли выполнить свою работу совсем иначе. Позвонить, представиться журналистом, попросить интервью — и я сам выложил бы вам все на свете. Да, потом мне было бы очень неприятно, что меня так обманули — но это все

равно было бы куда как гуманнее. Если бы пришла пара настоящих журналистов, кроме вас — тогда я бы и вовсе не заметил ничего. Но зачем вам такие сложности? Нахрена нужна человечность, если есть служебные полномочия, правда? Или вы могли просто позвонить мне и по телефону задать все интересующие вас вопросы. Но нет, вы предпочитаете помариновать меня за решеткой и действовать с позиции силы, причем по отношению к человеку, который не сделал ничего плохого. В общем, детектив Малкович, я отказываюсь говорить с вами без адвоката.

— Учтите один момент: еще никогда вендиго не появлялся аж в самой столице. Это невиданно и неслыханно. Видите ли, я — не полицейский. Я из государственной службы безопасности. Все серьезно.

— Тогда я тем более отказываюсь говорить с вами без адвоката.

— А жаль. Что ж, тогда сообщите свое имя, чтобы я вписал в протокол.

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы без адвоката.

— Так я вас спросил ваше имя, стандартная процедура.

— Только в присутствии моего адвоката.

Он начал злиться.

— Гражданин обязан называть свое имя по требованию правоохранительных органов и предъявлять документы, вы не знали?

— Ложь, вы это только что придумали.

— М-да, с юридической грамотностью у вас дела так себе...

— Детектив, раз вы не поняли — разжую совсем в кашу. Я определяю ваши действия по отношению ко мне как враждебные. Вас я определяю как врага. Все, что говорит враг, есть ложь по умолчанию. Если я действительно обязан что-то вам отвечать — пусть это мне скажет мой адвокат. Я имею право получить юридическую помощь и требую предоставить ее мне.

— Ладно, но как...

— Я требую адвоката.

— Допустим, но...

— Я требую адвоката.

— Да что ж...

— Я требую адвоката.

— Как я должен...

— Я требую адвоката.

— ...предоставить адво...

— Я требую адвоката.

— ...ката, если...

— Я требую адвоката.
— ...я даже не...
— Я требую адвоката.
— ...знаю, кому его...
— Я требую адвоката.
— ...предоставлять?!!
— Я требую адвоката.
Он встал.
— Ладно. Будет вам адвокат. Только не знаю, как скоро. Не хотите сотрудничать — ну, дело ваше. Тогда просто вот, посмотрите на досуге в камере.
Малкович вынул из папки пачку крупноформатных фотографий, положил передо мною на стол и вышел, явно раздосадованный, а меня вскоре вернули в камеру.
Я собрался посмотреть фотографии, но тут приперлась троица — двое с автоматом, один с тележкой. Тот, что с тележкой, раздал обед всем арестантам: пластиковая бутылка с водой и картонная коробка. В коробке я нашел два блюда, первое и второе, а также пакетик с растворимым кофе, галетки и два полиэтиленовых пакета и химические разогреватели. В комплекте — пластмассовые ложка и вилка. Весь комплект предельно непригоден к использованию в качестве оружия, это было предсказуемо.
Первое — гороховое пюре с кусочками мяса и картошки. Тюремной баланды я никогда не пробовал, но это явно получше будет, чем то, как я представляю себе баланду. Сразу после этого я вспомнил про угощения у Нэдзуко и мне стало как-то грустно. Второе — рисовая каша с тушенкой. Тушенки в рисе не фонтан, но все равно съедобно. Ладно, могло быть и хуже.
Как только я доел, внезапно затрещал переговорник на столе:
— Заключенный, на выход.
Я сунул фотографии за пазуху и вышел из камеры. Меня снова сопроводили в тот же самый кабинет, но вопреки ожиданиям, человек, который уже сидел там, оказался ни следаком, ни адвокатом, это я сразу понял по военному мундиру с орденскими колодками и вычурным погонам. Лет пятьдесят, даже не седой, источает запах одеколона, видимо, дорогого.
Я плюхнулся на стул напротив, забросил ногу на ногу и посмотрел на него:
— Вряд ли вы адвокат, верно?
— Меткое наблюдение, — сказал военный.
— Видимо, кто-то чего-то не понял. Когда я сказал детективу, что отказываюсь от какого-либо сотрудничества без адвоката — это следовало понимать, что я отказываюсь сотрудничать с кем

угодно, пока мне не предоставят адвоката. Нет адвоката — нет разговора.

— Так я не имею никакого отношения к следователям и никак с ними не сотрудничаю, — спокойно сказал он. — Если уж на то пошло, то меня сюда вообще пускать не хотели... но пришлось. Я — полковник Маслов, комендант Особой военной академии имени князя Аскольда.

Хм... Первый раз слышу о князе Аскольде, ну и пофигу.

— Комендант академии?

— Все равно что ректор. Только в военных вузах ректор называется комендантом.

— Ну и что вам от меня нужно?

Он неопределенно пожал плечами.

— Скажем так, нечасто встречаются люди, способные убить вендиго без оружия, голыми руками. Вот и пришел, так сказать, своими глазами взглянуть.

— Ну, взглянули? Радуйтесь. Что-то еще?

— А вы не очень-то приветливы, молодой человек.

— А с хрена ли мне быть приветливым? Меня вытащили из камеры просто для того, чтобы вы на меня поглазели, да? Не спросив, а хочу ли я с вами встречаться, между прочим. Чем вы отличаетесь от того мудака-следака? Ничем. Контора другая, а отношение к людям то же самое.

— Это не моя вина, что здесь такие порядки. Я мог бы и сам в камеру прийти, но меня не пустили. А чем я отличаюсь... ну, хотя бы тем, что следак вас сюда засунул, а я могу вас отсюда вытащить.

Так-так-так... Ну ведь неспроста же все это?

— Ну допустим. И что дальше?

Он достал из кармана портсигар.

— Курите?

— Нет.

Хм... Этот уже не так напролом прет, пытается к себе располагать.

Маслов спрятал портсигар обратно в карман.

— В общем, я просто не смог пройти такого случая, как победа невооруженного человека над вендиго. Мне стало интересно, кто вы и откуда.

— Специально для вас еще раз повторяю: никакого сотрудничества. Ни с кем. Хотите ответов — возвращайтесь с моим адвокатом.

Он тяжело вздохнул.

— Ну как бы не получится ничего, если ни с кем не сотрудничать. С адвокатом-то сотрудничать будете?

— Со своим адвокатом — конечно, ведь он на моей стороне, хотя бы в теории. С каким-то стремным типом, который пришел и начал задавать вопросы — не-а.

— А вот сейчас стало обидно, молодой человек.

— Что поделать. Вообще, если у вас есть ко мне дело — обычно у нормальных людей принято так, что вы вначале излагаете суть дела. Пока мне неизвестно, что за дело — резона отвечать на вопросы у меня нет.

— Справедливо. Хотя можно было и самостоятельно догадаться. Вы же в курсе, что это за академия, да?

— А должен?

— Ну, про самое престижное военное училище трудно ничего не знать.

— Бывали в моей жизни штуки и потруднее этой.

— Понятно. Если совсем коротко — обычно у нас учатся лучшие из лучших. Редкие таланты. Будущая элита государства в частности и человечества вообще.

— М-м-м… Ладно, и что дальше?

— У выпускников академии есть масса привилегий и замечательные перспективы в жизни, включая возможность получить дворянство. И самая первая привилегия заключается в статусе военного. А военные, чтоб вы знали, находятся вне юрисдикции СГБ. Звучит заманчиво, не правда ли?

Вот оно что… Картина фантасмагорическая вырисовывается: начальник военной академии лично шатается по тюряжкам в поисках курсантов. Бред? Бред. Но вот он, сидит передо мною. Впрочем, проблема моя никуда не делась: он ведь тоже спросит имя и документы. Нет на свете вуза, куда можно попасть инкогнито, не предъявляя паспорт. Которого у меня нет.

Я хмыкнул.

— Вы хотите предложить мне вступить в академию, я так понимаю?

— Верно понимаете.

Ухмыляюсь.

— Знаете, когда заходит речь о крутом вузе — неважно каком, лишь бы крутой да престижный — там нет отбоя от желающих. Почему комендант такого серьезного заведения вынужден лично ходить по тюрьмам и уговаривать заключенных вступать?

— Некоторые курсанты попадают в училище по персональному приглашению. Само собой, что обычно оно приходит почтой, но сюда почту не приносят, да и непонятно, кому и куда письмо слать. Мне как коменданту важно, чтобы во вверенной мне академии учились лучшие из лучших. И еще

одно... я — военный, и не абы кто. Целых двадцать лет мое лицо мелькало на первых полосах и в телевизоре, и я даже удивляюсь, что вы не узнали меня в лицо. Я не понаслышке знаю, что такое вендиго и чего стоит выйти победителем из поединка с этим монстром.

Я понимающе кивнул.

— В принципе, теперь все понятно. Но есть нюанс.

— Какой?

— В том, где я сейчас нахожусь. Идти на военную службу в государстве, где с героями обращаются так, как со мной — увольте. Спасибо, что навестили — но я пас.

— Ситуация, в которую угодили вы, уникальная. Сейчас все бегают как ошпаренные, причем не только СГБ. Давление колоссальное. Вендиго в самой столице — это из ряда вон выходящее событие. А у СГБ зацепок нет, кроме вас. Я-то понимаю, что и вендиго можно убить, обладая определенным набором качеств. Но то я, лично имевший с ними дело. Масс-медиа рисуют черта, и без того страшного, еще страшнее, чем он есть. Перегибы на местах при расследованиях, увы, случаются.

— Ага, случаются. И кажутся чем-то терпимым... если случаются с другими. А если со мной — увы, это неприемлемо. Все, ищите другого кандидата, я на геройстве уже обжегся. Ничто так не лишает мотивации, как черная неблагодарность.

Маслов вздохнул. Встал, сунул руку в карман и протянул мне визитку.

— Вот, на всякий случай.

Я демонстративно не шевельнулся.

— Спасибо, но мне некуда ее положить. У меня, видите ли, отобрали бумажник.

Впрочем, имя и номер я все равно запомнил, скользнув по визитке глазами.

Полковник вздохнул и вышел.

Итак, я действительно «спалился», одолев того монстра. Одни подозревают меня в «постановке», другие хотят завербовать, настолько я исключительный. И можно не сомневаться, что корпорация, создавшая меня, если и не знает точно, что это я, то уже присматривается и скоро узнает.

Господа офицеры, мы в жопе.

Так, ладно, гляну, наконец, фотографии.

В тишине прошли еще два часа, которые я потратил на фотографии и не самые веселые размышления.

Фотографии — черно-белые, и сделаны они, судя по всему, уличными камерами наблюдения. Ракурс — вдоль улицы, немного сверху вниз. В углу каждой — код, дата и время. Код,

видимо, обозначает камеру или ее координаты, а с датой и временем все понятно.

На первом же фото я почти сразу увидел в негустой толпе самого себя. Одет в то, в чем сбежал из дома, то есть, снимок сделан несколько дней назад. Ну просто я иду себе, руки в карманы... Кажется, припоминаю, это было утро после моего первого боя, когда я шел по магазинам обновлять гардероб. В остальном — ну просто снимок и снимок, на нем ничего странного.

Второй снимок — та же улица, тот же ракурс. Но уже без меня на нем. Сверяю код и дату — снимок сделан той же камерой двадцать секунд спустя. Логично, что я успел пройти мимо.

Третий снимок — уже другое место и время, и я на нем сбоку иду по тротуару. На мне уже мой новый плащ, в остальном же фото как фото. Ничего странного.

На четвертом снимке — то же самое, что и на третьем, но уже без меня.

Я просмотрел все снимки — а их шестнадцать штук — и убедился, что они сделаны попарно. На первом из двух снимков — я в анфас, второй снят там же, что и первый, но на двадцать-тридцать секунд позже, и на нем меня уже нет.

Пересмотрев снимки с моим присутствием, я ничего подозрительного не заметил и догадался, что второй снимок в каждой паре, наверное, не просто так прилагается. Но на них — ничего необычного.

Я начал их пересматривать внимательнее и заметил, что на снимке из седьмой пары в углу изображения присутствует довольно странный человек. Высокий, светлокожий, с длинными светлыми волосами, обрамляющими элегантное вытянутое лицо. Присмотревшись, я заметил необычную деталь: то ли мне кажется, то ли у него действительно уши длинные, остроконечные и торчат в стороны?

Однако он находился от камеры слишком далеко, чтобы снимок был четким и крупноплановым. Я пересмотрел предыдущие снимки и убедился, что его на них нет.

Но ведь зачем-то эти снимки есть, следовательно, я что-то упустил.

Снова всматриваюсь в последний снимок. Длинноухий тип, загримированный под эльфа? Возможно. Он, к слову, не один, с ним спутник несколько меньшего роста, в плаще с капюшоном, затеняющим лицо. То есть, не факт, что они вместе — но идут они рядом, ближе друг к другу, чем остальные люди на улице.

Просматриваю последнюю пару и вижу, что на первом снимке есть не только я, но и тот самый странный человек, причем

относительно недалеко от меня.

А вот на самом последнем, шестнадцатом снимке, меня ждало что-то вроде шока.

Этот тип оказался почти у камеры — ни дать ни взять актер со съемок фильма про эльфов вышел за пивом в обеденный перерыв, не снимая грим. Длинные волосы, лицо нехарактерное для людей — и уши. Торчащие в стороны остроконечные уши.

И тип этот как-то очень-очень странно, даже как-то набычившись, смотрит в затылок человеку, идущему в двух метрах перед ним и чуть сбоку. Этот человек на самой грани снимка, лицо влезает наполовину, но... на нем мой плащ. Тот самый, что на мне прямо сейчас, но тогда еще не порванный когтями.

Да, черт возьми, «эльф» идет следом за мной и смотрит мне в затылок. И рядом с ним — фигура в плаще.

Я принялся пересматривать другие фотографии и убедился, что на каждой из них присутствует та же самая фигура в плаще с капюшоном. На одном из снимков «плащеносец» даже оказался достаточно близко к камере, чтобы в объектив попала нижняя часть лица: изящный подбородок, тонкие губы и кожа несколько странного цвета. Не белая, но и не черная, а скорее серая. Но поскольку камера черно-белая, то понять цвет кожи не представляется возможным.

Снова перебираю снимки в хронологическом порядке. Итак, за мной по пятам на протяжении нескольких дней ходит некто в плаще. На последних снимках к нему присоединяется тип, гуляющий по улице в гриме «под эльфа».

Очень дурной знак. За мной следят. Кто и почему? Ну, не будь тут «эльфа», я бы предположил, что это киллер. Но «эльф» все ставит с ног на голову. Не похож он на киллера, не ходят киллеры в настолько привлекающем внимание гриме. Но то, что он интересуется именно мною и как-то очень нездорово на меня смотрит, меня малость пугает.

И вот тут-то, собственно, начинаются большие проблемы.

Моя главная проблема — отсутствие имени и прошлого. Меня нет в «системе». Какое имя ни назови — меня по нему не найти. У меня нет паспорта, который я мог бы предъявить. В самом лучшем случае меня заподозрят, что я нелегал. В общем, такого ответа, после которого следак меня просто отпустит, у меня нет.

Моя линия поведения далеко не идеальна, но она у меня только одна и есть. Все, что я могу — это надеяться, что придет адвокат и каким-то образом заставит ублюдка меня отпустить.На государственного адвоката надежды немного, конечно, но

вообще-то я в состоянии оплатить услуги нормального юриста.

Малкович дал мне снимки не просто так: он хочет, чтобы я осознал, что я в жопе. Да, я в жопе, причем в большей, чем он думает. И мне бы не помешала помощь со стороны правоохранительных органов, но...

...Что я им скажу?

Свобода и одно интересное предложение

Малкович дал мне снимки не просто так: он хочет, чтобы я осознал, что я в жопе. Да, я в жопе, причем в большей, чем он думает. И мне бы не помешала помощь со стороны правоохранительных органов, но...

...Что я им скажу?

Я не могу попросить защиты от киллера, потому что должен буду объяснить, почему за мной ходит этот самый киллер. Ну не ходят убийцы за простыми людьми, которые ни во что не влезали! Должна быть причина, и Малкович не примет ответа «понятия не имею». Более того, если человек ни в чем не замешан — откуда ему заподозрить, что за ним следят? А если я боюсь — стало быть, рыльце в пушку. Так думает Малкович — и думает правильно.

Прошло еще часа четыре или около того.

Я так и сяк прикидывал ситуацию — все плохо, хоть так, хоть эдак. Раньше было полегче: в конце концов, тогда, в самый первый день, когда я собирался идти к врачу, моя щетина была очень короткой. Значит, за день до того я был выбрит. И, вероятно, брился каждый день. С тех пор я не брился вовсе и отпустил короткую бородку, которая изменила мой облик. Это снижало шансы найти меня по лицу. Но теперь я попал в переплет, и то, как я выгляжу сейчас, станет известно моим врагам. Меня даже не фотографировали, но с учетом того, что у полиции нагрудные камеры, в этом нет надобности...

Стоп. Ведь у меня же лицо было в крови, медики смыли кровь, но обклеили меня пластырем! Это, конечно, маскирует внешность. Но, в целом, если выберусь — придется менять образ кардинально. Типа, отпустить пышные усы и длинные волосы, как-то так. Хм, пару татуировок? Нет, не стоит, их потом при необходимости не сведешь в два счета, как усы...

Впрочем, остается вопрос, как мне отделаться от СГБ. Если они разберутся, откуда взялся вендиго — может быть, меня просто отпустят. Если нет...

И тут за мной снова пришли и повели в этот чертов кабинет. А дело-то уже к вечеру идет. Хм, кто бы это мог быть?

Что человек, который меня уже ждал, ни хрена не чета ни следаку, ни полковнику, я понял уже по той детали, что он ждал меня в кабинете стоя, а не сидя. Сам он в черном костюме, с галстуком, на рукавах запонки вроде как из драгметалла, на

столе лежит его чемоданчик.

— Добрый вечер, — поздоровался он.

— И вам не хворать. Вы кто?

— Юрист. Присядем?

— Да, конечно, — согласился я.

Просто небо и земля. Одет хорошо, это видно даже тому, кто не разбирается в подобных вещах, и манеры имеются. Что как бы уже явно показатель некоторого уровня.

Когда я сел, он сам не стал сразу садиться, а достал из чемоданчика пару предметов. Круглый диск на присосках он прилепил к зеркалу и включил, комната наполнилась неприятным жужжанием. Затем юрист повесил на две камеры у потолка по кепке, рядом с ними повесил еще две жужжалки поменьше и только после этого уселся напротив.

— Это чтоб не подслушали? — сказал я.

— Совершенно верно. Как мне к вам обращаться?

— Кирилл. Так вы мой адвокат?

— Не ваш, но я вас отсюда вытащу. Меня зовут Глеб Ушаков, я юрист дома Борисовых.

— Дом Борисовых? — переспросил я.

— Верно. Мой патрон, граф Борисов, поручил мне освободить вас.

Я прокрутил в голове последнюю фразу. Граф? Серьезно? А как же революция? Хотя стоп, еще Маслов упоминал про дворянство... Черт, вот это поворот. Будто я на другую планету попал... Ах ну да, если не было русско-японской войны, то и революции вполне могло не быть...

— Простите, но я не знаком с графом Борисовым и не понимаю, зачем ему мне помогать.

— Не знакомы, конечно. Но все довольно просто: не далее как несколько часов назад вы спасли дочь барона Кеплера и двоих его внуков, так что его негодование в связи с тем, как тут с вами обошлись, вполне естественно. У самого барона Кеплера особого влияния и связей нет, так что он по старой дружбе попросил подсобить моего патрона.

— Хм... Ваш патрон может повлиять на СГБ?

— Повлиять? Слабо сказано. Где начинаются права и полномочия Дома Борисовых — там, не взыщите за пафос, полномочия всякого гэбья заканчиваются. Итак, что вы уже сказали следователю?

— Ничего. Я отказался с ним разговаривать без адвоката.

— Даже имени не назвали?

— Нет.

— Замечательно. Вы, я так понимаю, приезжий?

Я насторожился.

— Почему вы так думаете?

— Вас нет в столичной базе данных. Как и в нескольких других. Совпадений по лицу не найдено.

Я забарабанил пальцами по столу. Ответить как есть?

То, что Ушаков сам не из гэбья, четко показывают его манеры. Он работает на графа, его клиент или клиенты — важные шишки, отсюда и специфические манеры. Ушаков не мог сесть, пока не сел я. Не потому, что я важная шишка, а потому, что он так привык обращаться со знатными клиентами. Деталь мелкая, но откуда это знать мне и следаку? Переодетый следак либо сам не знает таких нюансов, либо думает, что я не знаю. Ну я и не знал, только визит настоящего адвоката высокого полета мне это показал.

Ладно, рискну и скажу, как есть.

— В общем, такое дело, что я не знаю. У меня некоторое время назад случилась потеря памяти.

— Вот оно что... Вы обращались к врачам?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Не счел это полезным.

— И как вы, в таком случае, вы жили с того момента?

Я нахмурился.

— Простите, а зачем вам это знать?

— Пытаюсь понять, кто вы такой, чтобы оценить риски.

— Какие риски?

— Для моего патрона. Вы же понимаете, что если он поможет человеку с плохой репутацией, то это повлияет на его собственную репутацию?

— Понимаю. В общем, так и жил. Без памяти.

— У вас совсем нет никакого, так сказать, окружения, которое напомнило бы вам что-то?

Я покачал головой.

— Это случилось со мной прямо на улице. У меня в кармане не было ни ключей, ни документов, только немного денег. Может быть, за хлебом шел. Если у меня и было окружение, семья или что-то такое — я не смог к нему вернуться. Забыл адрес. Но вообще — у меня не было ни семьи, ни близких друзей. Мне точно известно, что в розыске я не числюсь. Никто не заявил о пропаже.

Он едва заметно приподнял бровь:

— Обычно, когда человек идет за хлебом без ключей в кармане — он живет не один и дома остался кто-то, кто откроет ему дверь.

Блин. А он умный. Причем мало того, что умный — он еще тщательно подмечает мелкие детали и на лету делает выводы. Надо поосторожнее с ним.

В ответ я просто включил режим тупицы.

— Э-э-э... Хм... Ну да, знаете, я как-то не думал об этом в таком разрезе. Видимо, я не за хлебом шел, тем более что в кармане у меня была сумма ну где-то с маленькую зарплату... Но не помню, куда и зачем. В любом случае, глава службы безопасности одной корпорации проверял меня и не нашел среди лиц в розыске никого, похожего на меня.

— И как же вы жили с того момента?

Я пожал плечами.

— Снимаю квартирку. Дерусь на подпольной арене. Так и живу. Вам покажется странным, наверное, но меня все устраивало.

— И вы понятия не имеете, каким образом вендиго оказался в том месте в то время, верно?

— Я даже не имел понятия о вендиго как таковых. В тот момент, когда я вытаскивал его за ноги из машины, мне казалось, что это упоротый тощий голый мужик, а несколько секунд спустя случилось самое неприятное открытие в моей жизни. В той ее части, которую помню.

— Я вас понял. Должен созвониться с шефом. Постараюсь что-то сделать еще сегодня.

Он вежливо попрощался, меня увели обратно в камеру.

Я просидел в тишине еще часа два, дождался ужина. Меню приемлемое: макароны под соусом и маленькая упаковка мясного паштета. Паштет я намешал в макароны — получились макароны по-флотски. Не фонтан, но пойдет, голод не тетка. Растворимый кофе, к нему галетки и пакетик с джемом.

И как раз когда я поел и выбросил пустую тару в мусорный бачок, снова затрещал переговорник:

— Заключенный, с вещами на выход.

Хм, а в прошлые разы было без вещей... Впрочем, вещей-то у меня и нет, только фотографии за пазуху засунул.

Все те же неразговорчивые бронированные парни сопроводили меня по тому же коридору — но вместо поворота в комнату для допросов мы пошли прямо, миновали дистанционно открываемую решетку и оказались в той самой комнате, в которой меня обыскивали в самом начале.

Здесь охрана просто развернулась и ушла обратно, а сбоку появился Ушаков.

— Вуаля, — сказал он.

— Да вы просто волшебник, — обрадовался я.

— О, мои заслуги тут минимальны. Просто один звонок с парой теплых слов кому надо — и готово. Связываться с графом Борисовым — это для гэбья себе дороже будет. Так, давайте получим обратно ваши вещи.

Вещей был минимум — только бумажник, телефон и ключ от квартирки. Мне вручили их и подсунули бумажку на подпись, но я не удержался от маленькой мести.

— Сейчас, только деньги пересчитаю, не украли ли чего. — Рожу полицейского, который выдавал мне вещи, малость перекосило, и тогда я добил: — вы обиженное личико не стройте, кто может посадить в камеру ни в чем неповинного человека, у того вообще ничего святого за душой нет.

И нас выпустили в общий вестибюль, дальше — свободный выход.

— Вас подбросить? — спросил Ушаков.

— Вы очень любезны, — поблагодарил я.

И тут нам навстречу попался человек в строгом деловом костюме, решительно направляющийся туда, откуда мы вышли. Я попытался его пропустить, но тот остановился, и я увидел, что это японец.

— О, господин Ронин, вижу, вас уже освободили, — сказал он.

— Ага, стараниями господина Ушакова и его патрона, — кивнул я. — А вас, видимо, послала...

— Да, госпожа Итагаки. Тысяча извинений, что до нас вести дошли так поздно.

— Ничего страшного, все хорошо, что хорошо кончается. Спасибо госпоже Итагаки и вам.

Я с ним попрощался на японский манер, сложив ладони вместе — ну или мне кажется, что на японский — и мы пошли дальше, из здания и на автостоянку. При этом Ушаков тоже обменялся с японским юристом молчаливым приветствием, по чему я понял, что они друг друга знают.

Машина у Ушакова меня впечатлила: чертовски солидная, «представительского» класса. К тому же я заметил у нее выхлопную трубу — а движки внутреннего сгорания считаются за роскошь. Ну да, юрист влиятельного человека не будет ездить на абы чем.

— Кстати, — сказал Ушаков, — могу я поинтересоваться, как у вас идут дела на подпольной арене?

— Неплохо, я бы сказал. Несколько дней назад я уделал одного из самых опасных и жестоких бойцов, так что, видимо, теперь сам в числе лучших.

Мы сели в машину, и он заметил:

— Я совершенно не удивлен. Но мне кажется, вы можете остаться безработным.

— Почему?

— Если организаторы и публика узнают, что вы убили вендиго голыми руками — сыскать желающего выйти против вас будет очень непросто.

— Черт бы взял, — протянул я. — Я об этом просто не успел подумать... Хреново.

— На самом деле, все не так плохо, как вам кажется. Вот, держите.

Ушаков достал из нагрудного кармана пару визитных карточек и протянул их мне. Я повертел их в руках: одна — барона Кеплера, вторая — графа Борисова.

— Кеплер перед вами вроде как в долгу, — пояснил юрист, — а мой патрон, скажем так, найдет время с вами побеседовать, если вы решите нанести ему визит. И вот еще вам небольшой презент от него.

Из бардачка появилась бутылочка в специфической такой оплетке, с поблекшей этикеткой.

Я повертел бутылочку в руках — старая. Чертовски старая, стало быть, вино очень и очень недешевое.

— А с какой стати ваш патрон делает незнакомому типу такой дорогой подарок? — поинтересовался я, стараясь, чтобы моя подозрительность не просочилась в интонацию.

Ушаков повернул ключ в замке, двигатель едва слышно заурчал.

— Он не объяснил, а я не спросил. Но рискну предположить, что поскольку граф в молодости по долгу службы часто сталкивался с вендиго и имеет от них отметины на память — то он уважает достойных людей, которые способны победить тварь в поединке, а тем более без оружия. И, к слову, если бы ваша личность и контакты были известны — вам посыпалось бы немало очень перспективных предложений.

Когда он вырулил со стоянки, я заметил:

— Одно уже поступило, прямо в тюрьму. Приходил какой-то военный, звал в какую-то академию. Маслов, вроде.

— Ну вот, как я только что и сказал, — подытожил Ушаков. — Многие мечтают попасть в дредноутское училище, попадает один из тысячи — а вам еще и персональное приглашение. Одна беда — у вас амнезия, и документов нет.

— Нет, там какая-то академия имени князя, Аскольда, вроде.

— Это и есть дредноутское училище. Если вдруг вам интересно — именно его граф Борисов и окончил. Как и барон Кеплер. Правда, Кеплер тогда еще не был бароном, это позднее за

службу он им стал, так-то он простолюдин по происхождению. Там-то его судьба с графом и свела — они тридцать лет в одном звене служили.

Дредноутское училище? Дредноут — вроде же класс кораблей? Или нет? Надо будет узнать попозже, что это за фигня.

— М-м-м... Понятно. Действительно хорошая перспектива, да... Жаль, если бы не состояние здоровья — я бы хорошенько подумал на эту тему...

— Финансовая сторона решаема, — сказал Ушаков. — Академия за свой счет проведет ваше обследование по высшему разряду и если ваш недуг излечим — еще и лечение оплатит.

Я усмехнулся.

— Знаете, я вам отвечу то же самое, что и Маслову. В самую престижную академию, где учатся графья, а простолюдинам открывается перспектива самим стать дворянством — туда должны валом валить кандидаты — только выбирай! В чем подвох?

Ушаков притормозил на светофоре и сделал неопределенный жест.

— В том, что на самом деле все не так хорошо, как вам кажется. Туда действительно валом валят кандидаты — процентов девяносто заваливают первый же тест. Причем главнейшее требование указано в самом названии профессии: «дредноут» переводится на русский как «бесстрашный», «тот, кто ничего не боится». Тот, кто хочет быть дредноутом, должен соответствовать этому определению. Но беда даже не в отборе. Понимаете, джаггернауты и дредноуты — очень опасные профессии. Самые опасные профессии на свете, я бы даже сказал. Флот, наземные войска, летчики — у них хороший шанс отслужить контракт, не увидев врага и не вступив в бой. Ну какие там враги в обычное время? А вот если вы джаггернаут или дредноут — вы совершенно точно врага встретите. Я не стану пугать ежа голой жопой, потому как вы уже врага встретили и победили, не имея не то что дредноутского доспеха, но даже оружия. Однако служба опасна, а враг кошмарен. Вы сами видели.

— Дредноутский доспех? Типа, такой бронированный скафандр с моторчиками?

— Он самый. Так вот, тут поймите какая штука: если у человека фантастические личные данные, как физические, так и морально-волевые, то он найдет свое место в жизни. Вот как вы: побеждаете на арене, каким-то образом заводите знакомства с такими персонами, как госпожа Итагаки. Вы нашли свое место в жизни даже вопреки амнезии. Вам не особо-то и нужна академия князя Аскольда. Да, служба дредноутом — один из самых мощных

«социальных лифтов». Выпустился — уже рыцарь по умолчанию, потому что дредноуты буквально и есть нетитулованное дворянство. Хорошо отслужил один-два контракта — заработал хороших денег и сохранил рыцарский ранг пожизненно, продолжил службу — там и титул не за горами. Быстрейший путь из грязи в князи. Беда в том, что подавляющее большинство желающих не может воспользоваться этим лифтом. Не подходят они. То ли кишка тонка, то ли мало каши ел, то ли ума не палата… А те, которые могут, обычно и без него устраиваются. Вас, допустим, много кто наймет с радостью, на ту или иную должность. Вам не нужна академия. Потому-то граф Маслов и вынужден искать кандидатов днем с огнем.

— Понял, спасибо за сведения. Впрочем, я еще в тюрьме отказался от этого предложения, и совсем по другим причинам. Я уже погеройствовал — а в награду решетка. Все, теперь пусть геройствует кто-то еще, а я свой урок усвоил.

Ушаков подбросил меня до адреса, который я ему назвал — как раз возле «Шика», я же не дурак домой возвращаться при таких раскладах. Я поблагодарил его за помощь, а также его шефа, и пообещал подумать насчет визиток, но не сразу, а когда протрезвею, потому как сейчас мне хочется только надраться до беспамятства.

Он уехал, а я огляделся по сторонам и двинул через «поле дураков» в район «заброшенок». И да, вино я пить не буду: где гарантия, что граф Борисов не тот самый «господин в кресле-коляске»?

Еще одно шокирующее открытие

Мне повезло: Семен оказался на месте, потому как «подпольный колизей» готовился к очередным боям.

— А ничего так ты пластырем-то обклеился, — протянул он, когда меня пропустили в его кабинет.

— И не говори. Сегодня со мной такой пердюмонокль случился — ты не поверишь.

— Вот оно что... значит, инфа оказалась точной. Вендиго?

Я кивнул.

— Угу.

Семен ухмыльнулся:

— А ты того... гигантище. Ты правда его голыми руками убил?

— Ага.

— Ну... респектище, что тут еще сказать. Выпьешь?

— Нет, спасибо, не в том положении. Я засветился, значит, да?

— Не то чтоб сильно. Просто появился слух, что человек, раскатавший на арене Фатала, и человек, раскатавший в парке вендиго — одно и то же лицо. Фото просочилось через полицию. Ты сам на себя не похож в пластыре, но некое сходство есть.

Я вздохнул.

— Блин, Семен, мне нужны документы поскорее.

— Я как раз сегодня узнал. Надежный паспорт, подлинный, только с переклеенной фоткой, и с чистой легендой, обойдется тысяч в пятьдесят.

— Так дорого?! — возмутился я.

— Простая карточка — тысяч десять, но с ней ты только от полицейского патруля отделаешься или номер в отеле снимешь. Любая серьезная проверка по серьезной базе данных — и ты спалился. То есть, предъявлять такой можно только тем, кто не имеет доступа к базам. Официально на работу не устроишься: спалит налоговая, что пенсионные отчисления идут на несуществующего человека. И границу не пересечешь, спалят погранцы, что такой паспорт не выдавался. Нужен реальный паспорт реального человека с «чистой» биографией, который умер либо по иной причине «отсутствует» и не появится, которого не будет искать родня и так далее. Фальшивый документ — фигня вопрос, но с ним далеко не уедешь. А реальный паспорт можно получить только у «донора». Есть и более техничные варианты — но они еще дороже, там надо дать крупные взятки, чтобы кто надо тебя куда надо прописал.

— Блинский блин… Тогда мне надо еще пару боев провести.

Семен покачал головой.

— А вот с этим вряд ли что-то получится. Кто в здравом уме согласится драться с челом, который голыми руками убил вендиго? Ну то есть, какой-то неадекват вполне может сдуру попытаться — но… понимаешь, мы не допускаем мисматчей, и я даже не представляю, где мы возьмем для тебя равного соперника.

— Вот же засада… Слушай, ну так с вендиго это, ужас и отчаяние сил придали, там было так, убей или сдохни, вот и выложился на двести процентов. Я ведь не буду точно так же выкладываться на ринге!

— Все не так просто, — вздохнул Семен. — Понимаешь, ты — убийца вендиго, а потому сверхкрут. Чтоб ты понимал, у меня попросили твой телефон уже раз пятнадцать. И женщины, и мужчины. В смысле, не голубые — у них интерес другой, с постелью не связанный, но у кого какой — не знаю, не спрашивал. Некоторые даже предлагали заплатить за твой номер.

— И ты дал?

— Нет, конечно, я порядочный бизнесмен, а не какой-то барыга донный… После победы над Фаталом тобой заинтересовалась всего одна дама — а тут… Чуешь разницу? Все, брат, прости — но ты вышел в принципиально новую лигу. На такой уровень, на котором у нас боев нет — и нигде нет. Даже если я найду идиота, который выйдет против тебя ради призрачного шанса победить легендарного противника — всем будет очевидно, что это мисматч. Подстава. Неравный бой. В глазах нормальных людей ты уже не простой смертный.

— Я могу в этом бою проиграть и тем самым покажу, что простой смертный.

— И это будет подставной бой, договорняк. Это против духа спорта. А мы тут хоть и шоу-бизнес устроили — но это спорт. Нам важна наша репутация, а зрители хотят видеть равные бои, а не договорняки и подставы. Ну то есть, еще один бой я мог бы попытаться устроить, если найду безумца, и люди заплатят за то, чтобы посмотреть на убийцу вендиго в деле. Но большого гонорара не жди, никто не станет подстегивать бойцов деньгами, если исход заранее предрешен. И ставок принимать не будем, потому что ставки все будут только на тебя, а для нас это убыток. И если ты победишь — ну, тогда все. Никто не выйдет драться, заранее зная, что обречен на поражение, побои и меньший приз. А если ляжешь — нас обвинят в подставе, даже если ты ляжешь не умышленно. Никто не поверит, что ты честно дрался и проиграл. И я не поверю. И наконец — я как бы третий партнер, младший.

Мои партнеры могут не согласиться.

— Блинский блин...

Семен развел руками:

— Увы. Но вообще, у тебя сейчас есть кое-какие перспективы. Все те люди, которые тебя искали — это все богатые люди. И они тебя не на обед в ресторан пригласить хотят. Скорее всего, у них к тебе есть интересные предложения. Денежные. Чтоб ты понимал, раньше воин, убивший вендиго в поединке, без вариантов посвящался в рыцари, а если это был рыцарь — то он получал титул и награды, а также право на особенный элемент герба. И история знает лишь три случая, когда вендиго был убит один на один и без оружия. Из этих трех случаев два несколько сомнительные, и только один совершенно достоверный, со свидетелями, притом не абы какими, и произошел сравнительно недавно, двести лет назад всего. Во всех трех случаях герой получил всего и много за свой подвиг. В том, который точно достоверный — герой, простой германский кузнец, сразу получил ранг фрайгерра, причем лично от короля, лен во владение, особое имя-титул — Брехерфауст — и стал телохранителем короля и женился на его младшей дочери. Короче говоря, жизнь удалась. По сей день его потомки носят это имя. Так что тебе нужно просто хорошо капитализировать свою репутацию. Свидетели и доказательства у тебя есть — ты второй человек в истории, который доподлинно убил вендиго голыми руками. Если ты согласен — я даю твой номер кому надо и скоро твой телефон будет разрываться от звонков очень богатых людей, очень влиятельных журналистов и так далее.

Качаю головой:

— Не сейчас. У меня проблемы, Семен. Вот, взгляни — ты знаешь, что это за лахудра с ушами?

И я положил на стол фотографии, на самый верх — те три, где виден ушастый.

Семен приподнял бровь:

— Ты никогда не видел альвов? Прости, ты же с амнезией...

— Альвов?!! Кто такие альвы?!

— Ну альвы — альвы и есть. Эльфы в просторечии, изначальные носители магического дара.

Я упер в него немигающий взгляд.

— Семен, ты издеваешься? Я должен поверить не только в эльфов, но теперь еще и в магию?!!

Он вздохнул.

— Я как бы врач все-таки, мне профессиональная этика не позволяет издеваться над людьми с амнезией. Смотри.

Он достал из шкафчика стакан, налил в него минералки на

донышко и взял в руку.

— Любуйся.

И вода в стакане внезапно закипела.

Наверно, я выглядел смешно в этот момент.

— Э-э-э... Как ты это делаешь?!

Семен пожал плечами и поставил стакан с кипятком на стол.

— Обычный пирокинез. Магический дар рудиментарного уровня. Могу кипятить воду в стакане, чем и пользуюсь в быту. Быстрее получается, чем в микроволновке. Какая-то из моих далеких прабабок согрешила с альвом, вот и результат.

Я сижу просто в шоке: многовато открытий за один чертов день.

— Офигеть... Но откуда взялись эти альвы? Как вообще возможна магия?!!

Он снова развел руками.

— А вот как хочешь — так и думай. Этого не могут объяснить даже сами альвы: мы не понимаем, как возможно иметь магический дар, а они не понимают, как его можно не иметь. У них не существует не-магов, это неотъемлемая часть их сути, хоть большинство их и очень слабые маги. Слушай, ты правда ничего не знаешь?

— Блджад, Семен, я сегодня утром ничего не знал про вендиго! Как узнал — думал, что это самое шокирующее открытие из всех возможных! Наивный я и не подозревал, что это только первое шокирующее открытие сегодня!

— Ну, тогда вбей в поисковик слова «Сопряжение сфер» и «Темный Потоп». Тебя ждет много интересных открытий.

— Ч-черт... налей мне на донышко, я в слишком сильном шоке.

Я залпом выплеснул в себя коньяк — хороший коньяк — и забарабанил пальцами по столу.

— Ладно, я понял. Альвы существуют. Тогда что вот этот вот альв от меня хочет?! Этот чел, который на краю снимка — это я. Смотри, видишь его плащ? Вот он, на мне. Зачем этот альв за мной ходит?!

— А кто сказал, что он за тобой ходит? Он просто шел себе по улице. Мало ли что, может, ему не понравился твой запах. Альвов во всем городе всего-то штук двести, но нет ничего фантастического, что ты его повстречал. Вспомни, может, ты кому-то что-то сказал резкое? Альвы, если что, часто ходят среди людей под заклинанием, которое скрывает истинный облик от мимолетного взгляда. Если не заинтересоваться пристально — не обратишь внимания, что это не человек. Но на камеры магия не действует.

Невесело усмехаюсь:

— Все не так просто. Рядом с этим альвом второй, в плаще, присмотрись. Судя по этим снимкам, тот, что в плаще, ходит за мной несколько дней. И только в конце к нему присоединился вот этот. Мне же не просто так дал эти снимки тип из службы безопасности, он тоже заинтересовался мной, поискал мое лицо по видеобазе и нашел эти вот фотографии!

Семен несколько секунд всматривался в снимок, а затем у него брови поползли вверх.

— Вот это поворот... Хренасе...

— Не томи, Семен, во что я влип?!

Он пригладил волосы на макушке.

— Даже и не знаю... Понимаешь, этот второй — свартальв. Или свартальвка. Это как альвы, но темные. Они друг друга, мягко говоря, не любят и никогда и ни за что не станут иметь общие дела.

— А вот тут на снимке что-то не похоже.

— Есть одно исключение из этого правила. Братство Армагеддона. Религиозные фанатики. Альвы и свартальвы, состоящие в этой организации, отринули взаимную неприязнь как помеху на пути к их цели.

— Звучит нехорошо. Чего они добиваются?

Семен ухмыльнулся:

— Ну как чего, устроить Армагеддон... повторно. Уничтожить все государства и империи и объединить весь мир под единой властью Бога-Императора, больше известного как Темный Владыка.

— А-хри-неть... Я всегда настороженно относился к тем, кто придумывает себе воображаемых друзей, но эти ребята, видимо, совсем отбитые...

— А Темный Лорд — ни разу не воображаемый бог, — хмыкнул Семен, — это реальная историческая личность.

— Трындец...

***

До боев как таковых оставалось еще полчаса, так что Семен посвятил меня в некоторые исторические события.

Где-то так во втором столетии случилось событие, именуемое «Сопряжением сфер», «Исходом» и «Большой бурей». В результате этих событий на Пиренейском полуострове теперь находится Льюсальвхейм, страна альвов, а за Уралом раскинулся Свартальвсхейм. Ну а Европа, населенная людьми, оказалась между пришлыми эльфами, светлыми и темными, словно между молотом и наковальней.

Далее последовал чрезвычайно мрачный период в истории,

известный как «Темный потоп». Свартальвы, прирожденные маги, ничего не знающие о гуманизме, но исповедующие право сильного, начали стремительную экспансию. Они сокрушали страну за страной и жестоко подавляли любое сопротивление. Люди оказались бессильны против магии: хотя заурядный боевой маг по мощи сопоставим всего лишь с ранцевым огнеметом, войско второго века не в состоянии противопоставить хорошо экипированному огнеметчику ровным счетом ничего.

Спасло людей чрезвычайно малое число завоевателей: свартальвов было и по сей день остается очень мало, потому они захватили огромные территории, но контролировали только крупные города.

В то же время шла также и экспансия альвов с другой стороны. Альвы тоже нуждались в ресурсах и слугах для отстройки своей империи и в этом плане были типичными завоевателями. Но методы они избрали иные и вместо огня и меча предложили людям чудеса исцеления и управления погодой и таким образом заняли вакантные места живых богов. Потому в историю вошел только «Темный потоп», экспансия светлых альвов такой мрачной славы не снискала.

Две расширяющиеся империи — альвов и свартальвов — сошлись примерно по линии Днепра. Последовала довольно вялая война: при всей их взаимной неприязни и альвов, и свартальвов было чрезвычайно мало, и нести потери они не хотели.

Судя по всему, ситуация могла бы остаться без изменений на века, но свое могущество альвы и свартальвы подорвали сами. Свартальвы посылали на запад экспедиционные корпуса, состоящие на три четверти из мужчин, и не гнушались пользоваться правом победителя всеми возможными способами. Мини-гаремы из самых привлекательных, с точки зрения темного альва, рабынь были у всех.

Свартальвы слишком поздно поняли, что натворили, потому что двести лет спустя после столкновения миров магические способности у людей уже не были чем-то экстраординарным. Ситуация усугублялась тем, что контингент захватчиков был слишком малочислен. Стереть в порошок войско — это по плечу паре-тройке магов, но когда речь зашла о том, что неплохо бы искать и истреблять одаренных людишек, выяснилось, что при средней плотности в одного свартальва на пятьдесят, а то и сто квадратных километров задача невыполнима.

Тем временем во владениях альвов ситуация сложилась идентичным образом. «Святые» выбирали себе женщин на ночь или на неделю при полном одобрении местных, и родить

«полубога» было большой честью. При этом альвы, обнаружив, что многие полукровки обладают магическим даром, хоть и не признали их своими, но принялись обучать целительной магии, главным образом чтобы уменьшить свои собственные хлопоты.

Ситуация кардинально изменилась, когда преследуемые одаренные начали бежать из земель свартальвов к альвам. Хитрые альвы решили уменьшить риск войны со свартальвами, устроив им проблемы чужими руками, и для этого научили беглецов боевой магии, а также методам партизанской войны и конспирации.

Восстание против свартальвов вспыхнуло сразу во многих местах, и захватчики внезапно обнаружили, что маги людей, слабые и неискусные, сильно превосходят их числом, при этом призыв к борьбе нашел отклик в весьма широких массах простых людей. Началась эпоха героев-освободителей, о которых сложили бессмертные саги и легенды.

В нескольких локальных стычках и сражениях свартальвы победили, но уже не всухую, и осознали, что с людьми при поддержке альвов все же придется считаться.

Затем последовала еще одна короткая и вялая война между темными и светлыми альвами, восстание разгорелось с новой силой, покорные прежде провинции массово оказывали неповиновение, не всегда военными методами, а порой просто разбегаясь по лесам и деревням. Дела свартальвов пошли все хуже и хуже, им стало ясно, что если удержаться в Европе удастся, то это будет пиррова победа. Вскоре они ушли обратно за Урал и начали готовиться к новому витку боевых действий.

Альвы немедленно этим воспользовались, беря под контроль оставленные территории, и за следующее столетие произошла целая серия столкновений светлых и темных, ни одно из которых, впрочем, не закончилось чьей-либо победой: обе стороны, все еще катастрофически малочисленные, не желали нести потери.

Постепенно боевые действия сошли на нет, и этому поспособствовал политический кризис с Свартальвсхейме: Высший Круг прекратил свое существование, с тех пор и поныне обширный край темных эльфов впал в беспросветный феодализм, развалившись на десятки относительно крупных государств и кучу мелких. Сохраняя единые обычаи, свод законов и везде одинаково устроенный социум, темные альвы лишились возможности действовать как один народ и одна страна. Эпоха тотальной экспансии завершилась.

Несколько позже закончилось и правление светлых. Появление у людей собственных магов наглядно доказало, что альвы — не святые и не боги, пусть и искусные, но они всего

лишь смертные. Последние решили, что пришло их время уходить. Как говорил один всемирно известный книжный персонаж, бывшие короли — народ очень гордый, и идти к кому-то на службу уже не хотят. С потерей статуса божеств альвы не смирились, к тому же свою стратегическую задачу они выполнили, за несколько веков выстроив величественные города и создав из людских королевств буферную зону между собой и своими темными оппонентами. Они ушли обратно в свой край, забрав с собой в качестве слуг значительное число тех, кто продолжал чтить их как святых и спасителей.

Статус-кво сохранялся до десятого века: альвы и свартальвы использовали людские государства как буферную зону и играли в политику, мешая друг другу расширяться.

Но в десятом веке, на границе тысячелетий, случилось эпохальное событие: на свет появился тот, кто замахнулся ни много ни мало — изменить мир.

О Темном Владыке замолвите слово…

Точное имя Темного Владыки ушло во тьму веков: «свои» официально именовали его титулом «Бог-Император», весь остальной мир — тысячей нелестных эпитетов, из которых самыми популярными стали «Владыка Тьмы», «Темный Лорд», «Великий Враг» и тому подобные.

Но как бы его ни называли — и свои, и враги на полном серьезе считали его божеством.

Историки сошлись во мнении, что Темный Владыка родился с совершенно уникальным даром: он сочетал в себе значительный магический талант и одновременно с этим обладал чрезвычайно высокой сопротивляемостью магии.

— Вообще, чтоб ты понимал, — пояснил мне Семен, — сопротивляемость магии — штука очень распространенная среди людей, из нас примерно каждый десятый обладает этим даром, а верней — проклятием.

— Почему — проклятием?

— Потому что сопротивляемость магии губит чаще, чем спасает. Вот смотри, некий сильный маг шваркнул тебя настолько мощной огненной плюхой, что от человека один пепел остается. Если у тебя слабая сопротивляемость, как у большинства — ну тогда от тебя останутся еще ботинки. То есть один хрен. Если твой дар чутка посильнее — останется обугленный скелет, но все равно ты умираешь моментально. Если средняя сопротивляемость — такая у одного на сотню — от тебя остается обугленный труп, а твоя смерть длится секунду. Если у тебя сопротивляемость выше среднего — все равно обугленный труп, но страдать будешь секунды две-три. Если высокая — получаешь несовместимые с жизнью ожоги и мучаешься минуту. Если сопротивляемость очень высокая — ожоги четвертой степени значительной части тела и дальше все равно смерть, потому что на войне скорая не приедет, а если дело не на войне — до больницы вряд ли довезут. Если сверхвысокая… тогда у тебя есть шансы выжить и на всю жизнь остаться тяжело искалеченным и обезображенным инвалидом. Короче говоря, если маг хочет тебя убить — он тебя, скорее всего, убьет, просто чем выше у тебя сопротивляемость — тем дольше ты будешь мучиться. Ну а самое неприятное — к целительной магии у тебя тоже невосприимчивость. Множество людей, которым была по карману помощь целителя, умирает от неизлечимых болезней, потому что сопротивляемость магии, черт

бы ее побрал. У нас, медиков, даже шутка есть, что самый смертельный синдром — это синдром М-резистентности.

Я почесал затылок.

— Но ведь магу сопротивляемость магии полезна? Вот как этому «темному владыке»?

Семен кивнул.

— Да. Если ты маг — то в дуэли с другим магом врожденная сопротивляемость очень помогает, усиливая твои защитные заклинания. Если ты боец и используешь хороший защитный магтек — то очень высокая сопротивляемость может пригодиться, военные с таким даром часто попадают в элитные войска, и подразделение таких солдат имеет шансы справиться с магом, пусть и ценой потерь. Строго говоря, все исторические прототипы легендарных героев эпохи «Темного потопа» обладали высокой резистентностью, это факт. Но обычно сопротивляемость магии — сомнительный дар. Есть, правда, исключение — «абнормальный уровень М-резиста». Если сверхвысокий резист встречается у одного на миллион, то абнормальный, такой, как у вендиго — у одного на миллиард.

— А у вендиго сопротивляемость магии?

— Да, и очень высокая. Самая высокая из известных. Потому-то маги так сильно их боятся.

Я сложил в голове детали. Да, Семен не шутит: совпало много всего. Магтек — это слово у меня перед глазами давно было. «Ниппон Магтек». И когда вендиго влез в машину — дочь барона Кеплера жахнула его чем-то огненным. Я не задумывался, чем именно — но теперь понимаю, что вряд ли это был «огнемет из дезодоранта».

Семен тем временем продолжил свой рассказ.

Темный Владыка, видимо, обладал не самым высоким уровнем сопротивляемости и не самой высокой силой магического дара — но этого хватало ему, чтобы выйти победителем не только из дуэли с сильнейшими магами, он побеждал даже нескольких за раз. Тут еще дело в том, что дар магии, пришедший к людям от ушастых, и дар сопротивляемости — исконно людской, почти не свойственный альвам — являются антагонистами. Сильный маг имеет крайне малые шансы иметь дар сопротивляемости, а среди людей с сопротивляемостью выше среднего маги единичны. Человек, обладающий сразу двумя дарами, почти всегда имеет оба предельно низкой силы.

Но Темный Владыка вытащил при рождении лотерейный билет, который не вытаскивал никто до него и никто после: он совмещал и высокую сопротивляемость, почти исключающую возможность быть магом, и магическую силу крепко выше

среднего. То есть, шансы получить два дара, каждый с шансом один на миллион — это один к миллиону в квадрате. То есть, если учесть еще и антагонизм силы магии и сопротивления магии — ну, как ни крути, а такие люди рождаются один на квинтиллион, плюс-минус пара нулей.

Ко всему прочему, Владыка также был искусным бойцом и обладал харизмой толщиной с баобаб. В общем, был уникальным человеком и умел заводить друзей и оказывать влияние. Ну а поскольку индивидуумов с подобным сочетанием никогда не было ни среди ушастых, хоть светлых, хоть темных, ни тем более среди людей, его способность побеждать любых магов была объяснена единственно возможным в то время путем.

Путем божественной силы.

Главную роль тут сыграли сами маги. Поражение в дуэли с человеком настолько унизительно для любого ушастого архимага, что признать противника богом было как бы меньшим злом. Ну не может одаренный маг, тренировавшийся столетиями, которому мало кто из равных способен противостоять, проиграть человеку! Тем более что альвы тогда смотрели на людей просто как на говорящий скот, разве только на мясо не резали. А вот если противник — бог... Ну, богу проиграть не зазорно. А что у него внешность человеческая — так он же бог, он сам решает, кем воплотиться в смертном мире.

Ну а дальше Владыка в какой-то момент решил, что ему по плечу изменить мир в лучшую сторону — и далее начался двадцатилетний период, известный как Армагеддон.

Владыка, конечно, не мог завоевать весь мир сам — но к моменту начала «войны против всех» у него уже были последователи, считающие его богом, и соратники.

Особо Семен упомянул примечательный момент: религия Владыки исключала расовую сегрегацию и объединила все три народа — людей и альвов, светлых и темных. Это был беспрецедентный случай, чтобы светлые и темные признали своим лидером человека. Не менее беспрецедентным был и этот союз: светлые и темные никогда до этого не объединялись и не сотрудничали.

Армагеддон в первые годы развил стремительный успех. Владыка громил армии, а его собственная армия только росла. Он стал единственным в истории полководцем, который всегда вел свое войско в бой лично, в первом ряду, и его популярность не имела себе равных во всей истории.

Наконец, случилось еще одно уникальное событие: альвы и свартальвы осознали, что по отдельности им не победить. Так сложилась неповторимая картина: люди, альвы и свартальвы

объединились, чтобы сражаться с объединенной армией людей, альвов и свартальвов.

В конечном итоге вся Европа лежала в руинах, многие государства просто пали и прекратили существование. Но однажды Бог-Император допустил ошибку. То ли переоценил себя, то ли недооценил врага. Он разделил свою армию на три части и возглавил самую маленькую. Затем последовало «Сражение, спасшее мир»: в битве в Проклятой долине Темный Владыка, державший в страхе весь мир целых двадцать лет, пал. Точно неизвестно, как и от кого: все участники приписывали славу себе. Альвы — своему мастерству, свартальвы — своей силе, люди — своему святому воинству при поддержке господа. Сторонники Владыки говорили о предательстве. В общем, ни черта не понятно.

После гибели Владыки Армагеддон закончился. Однако наиболее рьяные фанатики Темного Лорда в полной тайне похоронили своего Бога-Императора и на столетия ушли во мрак подполья, образовав «Братство Армагеддона». Велма, верховная жрица и любовница Владыки, провозгласила пророчество, согласно которому Бог-Император вернется на следующем рубеже тысячелетий, чтобы доделать начатое.

— И это братство теперь ходит за мной по улице? — спросил я.

— Иного способа объяснить наличие пары из темного и светлого я попросту не вижу, — развел руками Семен.

— Охренеть... У нас просто по улице ходят натуральные террористы... Есть шансы, что их скоро поймают?

Семен ухмыльнулся:

— Нулевые, я бы сказал. Понимаешь, братство Армагеддона не является террористической организацией. Они существуют практически легально.

— Но они собираются устроить второй Армагеддон и уничтожить все страны, включая нашу!

— Как тебе сказать... Да, собираются, и даже не скрывают этого. Только видишь ли, это второй пункт их плана. Первый — дождаться второго пришествия Темного Владыки. Но вот незадача: Темный Владыка был смертным. Да, его дар был редчайшим из редчайших, да только он умер, понимаешь? С того света не возвращаются. Так что пускай себе ждут. Слом тысячелетий уже случился, причем даже не вчера — Владыка не вернулся. И не вернется. Как итог — вся их враждебность носит декларативный характер. Традиция такая. Да, это военизированное братство — только нет повода их привлечь или изгнать. Дети тоже собираются в группы и устраивают заговоры и

войны... с пластиковыми автоматами. И что?

— Это ни хрена не дети.

Семен добродушно хмыкнул в ответ.

— Индивидуум, который на полном серьезе верит, что придет бог и поведет его в бой, от ребенка отличается мало, как по мне. Дети даже опаснее будут, потому что они взрослеют и могут сменить пластиковое оружие на настоящее. Эти — эти уже все, так сказать. Они уже не вырастут. Тот, кто десятки и сотни лет ждал и готовился к Армагеддону, для кого Армагеддон и Второе Пришествие — смысл жизни... Нет, он уже не изменится. Да, по факту это подготовленный террорист — но ему пока не за кого сражаться. Братство Армагеддона всякие темные личности не раз пытались нанять или переманить — все бесполезно. Они враждебны любой политической силе и любой организации. Они враждебны любому лидеру или правителю, кроме Бога-Императора. Братство Армагеддона принципиально не сотрудничает с теми, кого собирается уничтожить, расформировать, подчинить, завоевать и так далее. Как итог — они ждут своего Владыку, а мы... а мы говорим им «удачи дождаться».

— Тот мудила из службы безопасности явно считает иначе. Почему он дал мне эти фотки? Какая взаимосвязь между вендиго и этими ушастыми?

Семен пожал плечами.

— Ну, эсбэшники очень подозрительные ребята. Работа такая. Это действительно интересное совпадение, что чел, за которым постоянно маячит альв-армагеддонец, натыкается на вендиго и ушатывает его голыми руками. Эсбэшники обучены не верить в совпадение, пока не будет доказано и показано, что это совпадение. Ты же пойми одну вещь: братство Армагеддона состоит теперь уже исключительно из альвов и свартальвов, ну просто потому, что люди, которые сражались за Владыку, давно умерли, и их дети умерли, и их внуки, правнуки, праправнуки тоже умерли...

— А эльфы?

— А эльфы живут по пятьсот с хреном лет. И вот этот вот альв, который тебе в затылок странно смотрит — сын или внук соратника Владыки. Он знает о Владыке со слов своего предка, который знал Владыку лично и сражался вместе с ним, понимаешь? Так вот, все альвы — маги. Поголовно. И потому они ненавидят все, что связано с вендиго. Они ненавидят все, что связано с прочим чернокнижием, потому что их бог учил их добиваться цели в открытом бою. Откуда взялся вендиго — вопрос большой, и да, я могу только догадываться, под каким

давлением сейчас пашет СБ. Небось, бегают, как в жопу раненые рыси... Это событие из ряда вон. Вот эсбэшники и цепляются за любую ниточку, даже за такую, которую они в иной ситуации сбросили бы со счетов в первую очередь... Но братство Армагеддона — это глухой тупик... Знаешь, что бы я сделал на твоем месте?

— Что?

— Зная о хвосте, ты можешь его обнаружить. Засекаешь идущего за тобой ушастого, подходишь и спрашиваешь — дескать, милейший, чего тебе от меня надобно? Я бы не удивился, если бы узнал, что этот тип живет там же, что и ты, и ходит по тем же маршрутам, что и ты... Главное, говорить надо вежливо и почтительно, в противном случае он тебя попросту проигнорирует.

— Ну да, конечно. Я должен быть почтительным с хрен пойми кем, кто за мной следит? Блин, я бы иначе с ними поговорил...

— Не советую. Они все поголовно воины и маги, так что если дойдет до насилия — ты до приезда скорой помощи можешь и не дожить.

Я мрачно усмехнулся.

— Угу, понятно. И ты еще говорил, что нет повода беспокоиться о террористах на наших улицах?

Семен кивнул.

— А в чем проблема? Просто не лезь в бутылку. Раз ты забыл — то я тебе прямым текстом сообщаю, что среди тех, от кого ты можешь получить электрический разряд или смертельные ожоги, альвы и свартальвы являются меньшинством. Вероятность того, что ты напорешься на человека, например, мага-дворянина без регалий, который приложит тебя чем-то таким, что скорая не откачает, намного выше. При этом маг-человек может быть пьян или просто вспыльчив, а ушастые не пьют и держат себя в руках, и все конфликты с людьми случаются по вине людей. Да, а еще имей в виду, что ушастые очень солидарны к своим, и если ты пострадаешь в стычке с альвом или свартальвом — твоему обидчику ничего не будет, потому что за него вступится вся диаспора, включая послов и дипломатов. Никто не станет ссориться со всеми светлыми или всеми темными из-за одного тебя, даже если ушастый превысил пределы самообороны.

— Хренасе... Это не ты мне рассказывал, что братство Армагеддона враждебно в том числе и альвам и свартальвам? Послы ушастых будут вступаться за своих врагов?

— Будут. Для них неприемлем сам поворот, когда человек смеет поднять руку на эльфа. Более того, их вражда — декларативная, на словах, и дальше слов дело не идет. Пока нет

Владыки — нет и войны. На словах свартальв-армагеддонец враждебен Свартальвсхейму как государству, но к другому свартальву как к личности вполне лоялен, насколько это вообще возможно у темных. Вернется Владыка — они станут врагами и будут воевать. Но пока причин ненавидеть друг друга у них нет. Да, они такие. Это может казаться нам странным — но они не такие как мы, их жизненный опыт, уклад и воспитание — все не как у нас. Но вообще имей в виду, что если тебе выпишет плюху маг-дворянин — то ему тоже с высокой вероятностью ничего не будет, по вполне очевидным причинам.

Я вздохнул и выглянул в окно, где уже появились первые лимузины зрителей.

— Знаешь, — пробурчал я, — а будет просто умора, если пророчество сбудется и Владыка вернется, чтобы продолжить Армагеддон.

Семен пожал плечами.

— Второй Армагеддон закончится в тот же день, в который начнется. Понимаешь, в десятом веке против мага не было никакого противодействия, кроме другого мага. И если ты сильный маг с очень высоким «М-резистом», а тем более если с абнормальным — то на тебя банально нет никакой управы и ты во всем мире «второй после бога». Маг был богом для простых людей, а маг с резистом — богом для остальных магов. Но то было время, когда самым сильным оружием воина был арбалет, а сам арбалетчик имел околонулевые шансы против любого мага. А ныне у нас есть огнеметы, пулеметы, автоматические крупнокалиберные дробовики, гранатометы и бронебойные винтовки. В десятом веке Владыка был богом — нынче его прихлопнут даже без помощи магов. Любая группа спецназа, «заточенная» под борьбу с магами, экипированная мощной защитной снарягой, магтеком, крупнокалиберным оружием, имеет хорошие шансы. Бороться с магами они умеют, на его нереальную резистентность им положить с прибором. Такие дела. И как раз потому «Братство Армагеддона» никем всерьез не рассматривается, даже если Второе Пришествие все-таки случится.

Полный абзац... и одна интересная идейка

Потом начались бои, так что я попрощался с Семеном и пошел прочь.

Домой решил не возвращаться: там может ждать засада, если корпорация на меня вышла, или я могу "спалить«свою базу, если не вышла, но следит в данный момент. А у меня просто нет сил, чтобы применять какие-то шпионские маневры, сбрасывать хвосты и определять слежку.

Первым делом отыскал магазин, который уже вот-вот закрывался, и разжился там новой курткой и штанами, недорогими и неброскими, переоделся в примерочной кабинке, а испорченную и грязную одежду выбросил в мусорное ведро прямо в магазине. Все, теперь я снова выгляжу нормально и не так, как раньше, только пластырь остался.

Вопрос с ночевкой я решил очень просто: вышел из района «заброшенок», добрался до «Поля Дураков» и там нашел ближайшее круглосуточное интернет-кафе. Ну хотя не совсем «интернет», верней будет назвать «сетевое кафе», потому как слово «интернет» существует только в моей голове.

Кресла удобные, откидные, час — три рубля. Я попросил место в самом конце зала, оплатил шесть часов, взял в автомате сок, уселся, нашел видеосервис — не Ютюб, а какой-то другой, с сериалами, запустил в режиме автоматического переключения серий, наушники выкрутил в ноль, откинулся в кресле — и все, можно спать. На экране движуха, со стороны не видно, что у меня глаза закрыты, ибо в зале полумрак. Кажется, что посетитель смотрит сериал, все путем. Так что ночевка обошлась мне в восемнадцать рублей. Зуммер, что время вышло, разбудил меня в два часа ночи, я взял еще два часа — получилось двадцать четыре рубля — и спокойно проспал до четырех утра. Была у меня мысль просто снять девочку на всю ночь и выспаться у нее — но это обошлось бы мне не в двадцать четыре рубля, а во все двести и более.

Утром в четыре часа еще темно, но я в темноте вижу хорошо. Фонари не горят, короче говоря, шпиону самое время.

Я поймал такси, отправился первым делом в парк, на то самое место и, пользуясь полным отсутствием людей, обыскал кусты, куда забросил револьвер.

И не нашел его.

Я искал часа полтора — все впустую, револьвер просто исчез.

Лихорадочно соображаю, что за черт.

Вариантов два, и в первом его находит полиция. Это, скорей всего, произошло бы очень быстро, они же все осматривали, если осматривали. И тогда мне предъявили бы нелегальный револьвер еще когда я сидел в камере. Сняли бы у меня отпечатки — все, статья есть, дальше можно делать со мной все, что душа пожелает. Но этого не произошло.

Второй вариант — его нашел кто-то другой, и гораздо позже. Что сделает нормальный человек, нашедший оружие? Ну, либо сдаст полиции, либо просто не станет брать, чтобы не иметь лишних проблем. Если револьвер уже у полиции — то я в розыске, хотя отпечатков пальцев у меня не снимали почему-то и пока что они еще не знают точно, что ствол мой, но докажут, если поймают меня. Если же ствол не попал в полицию — то где он? Глупо брать найденный ствол себе, неизвестно, насколько он «горячий».

И вообще — а что простой прохожий, который якобы нашел револьвер, вообще забыл в этих кустах? По-маленькому пошел и увидел? Маловероятный поворот.

Гораздо более вероятен третий вариант: кто-то видел, как я бросил в кусты оружие. Кто? Ну, есть догадка. Если предположить, что вендиго появился в этом месте не случайно, что его кто-то сюда привез — то, наверное, с какой-то целью. Например, хотел убить ту самую дочь барона Кеплера. Он наблюдал за событиями, все видел и забрал ствол после того, как полиция уехала.

И теперь вопрос — зачем?

На стволе мои пальчики. Значит, можно использовать ствол, чтобы совершить преступление и подставить меня. Однако у меня может быть алиби, например, если этот ствол уже использован для убийства, то я докажу, что провел ночь в сетевом кафе. Мне пришьют только незаконный ствол, но от убийства я открещусь. То есть, у меня может и не быть алиби, если убийство произойдет позднее, но нет гарантии, что подстава сработает.

Далее, а зачем кому-то меня подставлять? Отомстить за то, что я сорвал план? Скорей всего, люди, способные организовать покушение при помощи жуткой твари — профессионалы. Они не должны мстить случайным прохожим, в этом нет смысла, только лишний труд... Далее, с этим стволом могут попасться и они сами, а это проблема. По пальчикам найдут меня, я дам показания о том, где и как выбросил ствол — а это уже докажет, что нынешний владелец был на этом месте и наблюдал за действиями вендиго. Что как бы дает очень серьезную улику. То есть, получается, опасно таскаться с «моим» револьвером.

Что ж, мне стоит быть настороже, но я пока без понятия, что делать дальше. Но зато знаю, что мне делать, чтобы иметь хоть какое-то понимание реалий.

Я двинулся в сторону своего дома, отыскал уже знакомое сетевое кафе, не то, в котором ночевал, а в том, где узнавал о наличии озера и пляжа в парке. Оно тоже круглосуточное оказалось, так что я затарился парой энергетических батончиков и соком и залез в сеть в поиске ответов на множество вопросов.

***

Ответы я, ясен пень, нашел, и они мне по большей части не понравились, хотя обнаружились и позитивные моменты.

Один из таких моментов заключался в том, что слова «Золотая орда», «монголо-татары» и «монголо-татарское иго» в сети неизвестны, они существуют только в моей голове. Собственно, «золотая орда» просто не могла бы существовать, потому что слова «монголы» и «Монголия» тоже известны только мне. Поисковик мне только сообщил, что есть «Мон-Гуль» — провинция, на которой нынче находятся три или четыре княжества темных альвов.

Таким образом, хаос в моей голове внезапно в некотором роде «согласовался» с реальностью. Если предположить, что моя память почему-то отражает некую «альтернативную версию» истории, то получается все очень связно: в реальности монголы не могли совершить нашествие на Русь в двенадцатом-тринадцатом веке, потому что приблизительно во втором предки монголов сами подверглись нашествию жестоких свартальвов и оказались стерты не то что с лица Земли, а даже из истории. Я, впрочем, задал поисковику запрос «фотография человека из Мон-Гуля» — и получил много снимков людей более-менее монгольской внешности. То есть, монголы как народ уничтожены не были, они просто стали рабами свартальвов и более уже не могли ни на кого напасть.

Таким образом, история пошла по совсем другому пути, имея уже совсем мало общего с тем, что осталось в моей голове. Ленин, Сталин, Рузвельт, Черчилль, Гитлер — все сплошь неизвестные истории имена. Был, правда, художник Гитлер — но даже не Адольф.

И даже более того — история просто не могла быть такой, как в моей голове: князья, короли и дворяне по всему миру — преимущественно маги. Власть обеспечивалась не армиями, которые порой утрачивают верность, а способностью лично привести чернь к повиновению. Так, революции черни против королей и царей в принципе невозможны, потому что один-единственный король способен лично уничтожить десятки

восставших, если среди них нет ни одного мага и они не располагают тяжелым вооружением. Ну а поскольку почти все маги будут на стороне короля — ну, удачи революционерам, что тут еще сказать.

Так что на данный момент ситуация такова: есть Великая Русь, на востоке от нее — буфер из меньших государств, а дальше империя свартальвов. На западе — другие государства людей, с иными границами и названиями, нежели я помнил. Польши нет, зато есть Аквилония, Аркадия и Сербо-Хорватия. На Британских островах — Бриттия, Скоттия и Авалон, стало быть, не доплыл до них Вильгельм Завоеватель. Вместо Германии — Дойчландия. То есть, это и есть Германия, потому что немцы себя называют дойчами, а свою страну — Дойчландом, но тут Дойчландия. Тот же примерно народ — только история пошла иначе, и даже название сложилось чуть иначе. При этом слово «германец» поисковик знал: этим словом обозначают варварские племена, от которых произошли дойчи, и самих дойчей. Но слова «немец» поисковик тоже не знает. На итальянском полуострове — Рома Этерна, столица — Рим. Слово «Италия» обозначает местность, но страны такой нет.

Ну и за европейскими странами высятся почти до небес сверхвысотные шпили Льюсальвхейма, страны светлых альвов.

Насчет альвов я тоже кое-что накопал. Наткнулся на новостную статью годичной давности об аварии возле посольства светлых альвов. Поздно вечером влетел автомобиль в автобус буквально напротив посольства. Пробки, все такое — проехать смогла только одна «скорая», а пострадавших много. Но тут из посольства вышли трое альвов — двое с автоматами, один в ночной пижаме. И вот этот в пижаме, которого опознали как собственно посла, за короткий промежуток времени оказал помощь многим пострадавшим, а затем вернулся в посольство. Итог — всего один погибший.

Но под этой хвалебной статьей разгорелась нешуточная полемика. Некий пользователь, представившийся как врач той самой единственной «скорой», которая подоспела первой, рассказал, что альв оказал помощь не всем подряд, а только тем, кто громко кричал. Травмы они такие — это больно, очень больно. Переломы и множественные порезы, которые не несут значительной опасности для жизни, весьма болезненны, и для таких пострадавших нормально громко кричать от боли. Но любой парамедик знает, что первыми надо спасать не тех, кто громко просит помощи, а тех, которые получили опасные и критические ранения и лежат молча.

Медику сразу возразили, что альв, который просто спросонку

прибежал на вопли, мог чего-то не понять, не сориентироваться в темноте и так далее, но тот сразу же опроверг это: альвы-целители — а они целители через одного, не исключая и посла — могут ставить точные диагнозы буквально с двадцати метров, а видеть травмированных и раненых способны даже без чтения заклинаний. Он просто не мог не видеть, кто нуждается в помощи больше, а кто — меньше. По словам медика, альв-целитель взял да и переступил через самого тяжелого раненого, того, который вскоре умер, несмотря на помощь «скорой», хотя не мог не знать, что именно ему помощь была нужнее всех. Ларчик открывался просто: умирающий молчит, значит, нет проблемы. Кричащие люди мешали альву спать — вот и весь секрет.

За альва все равно вступились, мол, и на том спасибо, был бы на его месте свартальв — тот просто заткнул бы уши ватой и спал себе дальше. Медик ответил, что да, конечно, спасибо, как ни крути, он избавил от боли и ран несколько страдающих людей. Только пусть этот случай не вводит никого в заблуждение: да, альвы действуют более конструктивно, нежели свартальвы, и чаще демонстрируют что-то похожее на человечность, но на деле цвет кожи альва никак не влияет на его отношение к людям. И для светлых, и для темных люди — лишь плохо говорящий скот, и посол альвов заботился исключительно о себе. Да, его способ решения проблемы конструктивен и достоин похвалы — но стоит понимать, что альвом не двигало ни одно высокое гуманное побуждение вроде сострадания или доброты. Он просто хотел спокойно поспать.

Я просидел в сети до обеда и выяснил много чего.

Что мы имеем? Двадцать первый век, но при этом с таким пережитком прошлого, как тотальное неравенство людей. Кто дворянин — тот на вершине, кто нет — внизу, в болоте. Да, перед судом дворянин и простолюдин более-менее равны, если речь идет о каких-то имущественных и коммерческих тяжбах. Но я почитал заодно уголовный кодекс — о, там тот еще мрак. Есть статья об оскорблении дворянина — и она является именно что уголовной, в то время как просто оскорбление — административка.

У дворян куча прав и привилегий, причем некоторые — просто какая-то жуть. Я с удивлением выяснил, что полиция в принципе не может ничего поделать с дворянином: он для них неприкосновенен, его нельзя ни задержать, ни арестовать, если нет особого постановления, которое можно получить только у некоего «совета благородных». Верней, полиция может арестовать дворянина — но только при условии, что полицейский сам дворянин. Полиция, получается, только для смертных, а дворяне

— ну практически как люди с дипломатической неприкосновенностью.

Как обращаются с простолюдинами, я уже выяснил на своем опыте: целый день провел за решеткой, без какого-либо суда и даже без обвинения. И что характерно — мог бы и дольше посидеть, если б не помощь дворянина.

Самое неприятное — что так везде. Везде правят дворянские Дома. Сравниться с ними по части прав и привилегий могут только корпорации: я с удивлением узнал, что полиция может задержать корпората — даже если это всего лишь водитель какой-нибудь, вот как подчиненные Нэдзуко — только на десять минут. На протяжении этих десяти минут нужно получить у корпорации согласие на арест или задержание, если оно не получено — приходится отпускать и далее действовать через суд или другие органы, которые сильнее корпораций.

Хотя что я удивляюсь, если Юдзи, глава СБ корпорации «Ниппон Магтек», прямо признал, что располагает военизированной группировкой...

Подобное положение дел — у одних все права, у других их нет вовсе — стало для меня поистине тяжелым открытием. Наивный я еще вчера думал, что существование монстров — предел, ан нет, есть вещи похуже. Хотя бы потому, что вендиго я убить могу — а полицейского нет.

То есть, я не питал иллюзий. В той стране, которая существовала в моем воображении, одни люди были равнее других, но хотя бы на бумаге существовало равенство. И после того, как я совершил серию приятных открытий — процветающий город, продвинутый электротранспорт, низкие цены — меня ждало одно очень-очень неприятное и оттого особенно горькое.

Люди не просто не равны по факту — это неравенство даже зафиксировано на бумаге с печатями.

И последняя горькая пилюля на этом тортике с хинином — у людей так кругом, независимо от культуры и страны. Дар магии, полученный от ушастых приблуд, стал благословением для малой группы и трагедией для всех остальных. Куда ни кинь, какую страну в поисковик ни вбей — везде правит такая-то династия, такой-то Дом. Везде — «советы благородных» и «палаты пэров». Сила есть право, и от этого никуда не деться. Короли вынуждены считаться с дворянством — но все они делят страну между собой и им незачем считаться с чернью. Одно исключение — корпорации, это, видимо, форма противовеса, раз уж корпорации тоже выше полиции. Но в остальном картина не радужная.

Вернее, это для меня она не радужная, потому что в моей голове откуда-то взялись странные обрывки воспоминаний о

месте, где люди хотя бы в теории равны и нет никаких длинноухих. Здешний народ воспринимает существующее положение дел как естественное, увы.

Я просидел в тенистом скверике пару часов, размышляя о делах насущных и заедая стресс мороженым.

Итак, все плохо в плане прав и свобод. Не то чтоб это было действительно так плохо лично для меня — скорее просто обидно. Но на это накладываются мои личные, более актуальные проблемы.

Во-первых, у меня нет документов. Во-вторых, я лишился возможности драться на арене. «Подпольный колизей» был для меня источником средств к существованию и способом попадать в постель к великолепным женщинам вроде Нэдзуко, и я даже подумывал о том, что это неплохой образ жизни.

И вот из-за «во-вторых» я лишился возможности заработать денег, чтобы решить первую проблему. Без паспорта мне не найти работу, по крайней мере официально. Без паспорта мне не уехать отсюда, даже если где-то на свете есть «магократия с человеческим лицом», страна, где простолюдинов не попирают так откровенно. Добавляем сюда корпорацию, которая на меня охотится, и братство Армагеддона — ну полный абзац, что тут еще сказать.

Обдумывая ситуацию так и сяк, я постепенно пришел к выводу, что если судьба подсовывает мне лимон — надо как-то подсуетиться и сделать лимонад. Система плоха — верней, она плоха лично для меня — но это не значит, что ситуация непоправима.

Как говаривал уже не помню кто, в оружии как таковом нет ничего плохого — роль играет то, с какой ты стороны от дула. Тем более что возможность «поменять сторону» у меня все-таки есть.

Вот некая учебка, куда попадают лучшие из лучших независимо от происхождения и где простолюдин может стать дворянином. В идеале — заполучить ценные связи, вот как барон Кеплер, у которого есть сослуживец, способный одним звонком повертеть службу безопасности на чем ему будет угодно ее повертеть.

И я туда приглашен прямо самим комендантом, хи-хи.

Дредноутское училище

Вот некая учебка, куда попадают лучшие из лучших независимо от происхождения и где простолюдин может стать дворянином. В идеале — заполучить ценные связи, вот как барон Кеплер, у которого есть сослуживец, способный одним звонком повертеть службу безопасности на чем ему будет угодно ее повертеть.

И я туда приглашен прямо самим комендантом, хи-хи. То есть, сдавать тесты придется чисто номинально. Одна беда — нет паспорта. Но есть Маслов, который намекал, что он, дескать, известный, влиятельный человек. Хотя стоп, Ушаков ведь упоминал полковника Маслова как графа Маслова. Ну да, он тоже дворянин и влиятельный тип. И почему-то Маслов ну прям очень сильно хочет, чтобы я пошел к нему в академию...

...Вернее, хотел, но это было до того, как я повел себя по отношению к нему весьма высокомерно. Я ведь даже не знал, что он граф...

Только я все еще могу попытаться все переиграть. Если Маслов решит вопрос с паспортом — а это не исключено — то несколько проблем решаются как бы сами собой.

В первую очередь сам паспорт. Для этого мне придется довериться Маслову, а он, в свою очередь, будет держать меня на крючке, то есть, получить заветный документ и «спрыгнуть с поезда» не получится. Однако мне и не нужно спрыгивать: учебка в данном случае тоже средство решения проблем. Я сразу решаю вопросы с жильем, питанием и одеждой, просто буду жить на всем готовом, это раз. Возможно, там еще и какое-то денежное довольствие будет, причем с высокой вероятностью.

Далее, учебка — это «неожиданный маневр», которого не ждет охотящаяся на меня корпорация. Насколько я понимаю, доступа к системе уличных камер у корпорации нет, потому что иначе меня по лицу нашли бы на раз-два, коли СБ получила снимки так быстро. К тому же наверняка территория будет с ограниченным доступом. Само собой, что и от братства Армагеддона я тоже скрываюсь, если им и вправду что-то от меня нужно.

Наконец, это передышка, время разобраться в ситуации детально, плюс повышение социального статуса. Если Маслов не врал, то военные вне юрисдикции СГБ, а тем более полиции, что неплохо.

Правда, есть и негативная сторона: я попаду в армию, а мне этого почему-то совсем не хочется, хватает и этого чертового

кошмара, что преследует меня по ночам с настойчивостью, которой позавидовал бы любой маньяк. Однако и тут есть нюансы: если можно достаточно быстро получить рыцарское звание — то на практическом уровне как бы основные претензии к системе отпадают, ведь я сам стану нетитулованным, но дворянином. Неприязнь, конечно, останется, но...

Увы, если есть ружье — то стоит оказаться на правильной стороне от дула независимо от того, кто как вообще относится к оружию.

Ну и вишенка на торте: получив хоть какой-то статус, у меня в правовом поле будут развязаны руки. То есть, я смогу делать все то же самое, что и любой обычный гражданин. Например, поехать на моря в отпуск.

В другую страну.

И не вернуться оттуда, если совсем уж прижмет.

План есть, причем с запасными вариантами, так сказать.

Осталось его воплотить.

***

Как только я решил узнать маршрут к академии и включил телефон, который не включал со вчерашнего дня, как получил сразу лавину сообщений о куче пропущенных звонков. Причем большинство — с одного и того же номера. Кто все эти люди — без понятия вообще.

И в этот момент — еще один звонок с того номера, который так много звонил.

— Алло?

— Ну наконец-то, — раздался в динамике голос Нэдзуко, — а то пропал бесследно. Ты как?

Хм... Действительно, я должен был догадаться, что это она столько названивала.

— Если не считать того, что я весь в пластыре — то ничего так. И спасибо, что отправила своего адвоката на подмогу.

— Ух-х... Много швов?

— Швов нету, только ссадин полно. Выручил плащ.

— Вау... Ты даже не пострадал всерьез, настоящий монстр. А чего так долго тебя на связи не было? Гостил у Борисовых?

— М-м-м... Нет, хотя приглашение получил. Просто... ну ты понимаешь, я в шоке был, мягко говоря. Телефон просто забыл включить.

— Хочешь, помогу справиться с посттравматическим синдромом? — в голосе Нэдзуко прозвучал вполне прозрачный намек.

И это вполне ожидаемо: потенциальный отец ее гипотетического ребенка, оказывается, способен раскатать не

только какого-то там Фатала, но и вендиго. Нэдзуко в восторге от такой новости, и ее интерес к моей персоне резко повысился, это закономерно. Но проблема никуда не делась, Нэдзуко очень расстроится, когда поймет, что надежда забеременеть не оправдалась, и дальнейшие контакты с нею чреваты разоблачением.

— Эм-м-м... Звучит заманчиво, но мне тут надо одну проблему расхлебать.

— Какую?

Сказать, что собираюсь вступать в джаггернаутскую академию, нельзя — надо что-то придумать.

— Да вот, меня, понимаешь, пригласили на собеседование. Я ведь теперь безработный, кто против меня на арену выйти согласится?

— Ха-ха, да никто в своем уме. Если что, с работой могу помочь.

— Спасибо, но я предпочитаю решать свои проблемы самостоятельно, по возможности. За подмогу в виде юриста спасибо, а то, что осталось, я могу своими силами разрулить. Все равно, за участие спасибо, буду иметь в виду, если ничего не получится. А теперь извини, но мне надо отправляться.

Как только Нэдзуко попрощалась, сразу же раздался новый звонок непонятно от кого. Я тут же сбросил звонок, быстро посмотрел адрес академии, затем выключил телефон и вынул батарею.

Итак, кто мог слить мой номер? Кто его вообще знает?

Семен — раз. Но он говорит, что не сливал, повода не верить у меня нет.

Нэдзуко — два. Она явно не прочь меня «прикарманить», а потому давать мой номер кому-то еще ей незачем. Это Семен мог бы поиметь выгоду, продавая эту информацию — но не владелица небоскреба и корпорации.

Третий вариант — ментовская братия. Я просидел много часов в кутузке, мой телефон лежал у них. Полицейский, ответственный за хранение вещей, мог посмотреть мой номер и, понимая, что многие захотят его узнать, продать кому-то, возможно даже не в одни руки, а в разные.

Я вынул сим-карту и сунул ее в карман: она мне больше не нужна. Номера Нэдзуко и Семена я помню, других контактов у меня все равно нет. Но выбрасывать повременю: мало ли, что за люди мне звонили, иметь запасной вариант всегда хорошо.

В ближайшем магазине покупаю новую симку, вставляю — все, по телефону меня вроде как отследить не получится.

Выйдя из магазина, я заметил через дорогу свободное такси и

двинулся к нему.

— Академия князя Аскольда, — называю адрес и плюхаюсь на сидение.

***

Академия, как и ожидалось, на практике оказалась натуральной военной базой на окраине. И на входе — контрольно-пропускной пункт с парой часовых в парадной форме и с винтовками церемониального типа. Но лица у обоих — не курсантские, а явно бывалых военных, и винтовки, подозреваю, заряжены.

Один из них сразу же спросил у меня пропуск или документы.

— Я пришел на прием к коменданту, — сказал я.

— Вам назначено?

— Я получил устное приглашение от самого полковника Маслова.

— Ваше имя и время?

— Просто сообщите ему, что пришел человек, которого он навещал в тюряге.

На согласование ушла минута, затем появился сержант — уже не в парадной форме, а в бронежилете — и провел меня через КПП. Личный досмотр — рамка металлодетектора. Поскольку при мне металла — только телефон, ключ и монеты в бумажнике, то прошел я его без проблем.

Сержант сопроводил меня в центральный корпус — а база эта ого-го какая здоровенная — и довел аж до кабинета коменданта. По пути мы миновали несколько постов охраны — и тут уже не винтовки, а самые натуральные автоматы и полностью экипированные бойцы. Ну разве что форма не камуфляжная, а одноцветная.

Я вошел в дверь и оказался в предбаннике, где, опять же, два охранника.

Стучу в дверь.

— Войдите.

Вхожу, закрываю за собой дверь — и оказываюсь в огромном и шикарном кабинете. Ну то есть, не то чтоб очень большой — но высота потолка метра три, большое окно, стол такой, что на нем могли бы устроить обед человек двенадцать, шкафы с книгами, все отделано в едином стиле — и шкафы, и стол, и стулья, и кресла.

Ну и за столом — владелец кабинета, тот самый Маслов. Ну, теперь главное выстроить всю беседу в таком ключе, чтобы он не припомнил мне мое высокомерие.

— Здрасьте, ваша светлость, — сказал я.

— И вам не хворать, — вернул он мне мой же вчерашний ответ. — Гляжу, передумали?

— Эм-м-м... Это не совсем корректная формулировка. Мне просто объяснили, что академия князя Аскольда — это и есть дредноутское училище. Я не знал, что это одно и то же, а вы этот момент не уточнили. И вас не узнал, потому что не смотрю телевизор. У меня его нет.

— Ах вот оно что... Я-то удивлялся, как можно ничего не знать о дредноутском училище, а вы просто не знали названия. Ну понятно...

— Не совсем. Я правда ничего не знал об этом училище. Вообще. Ну то есть, очевидно, что дредноутов где-то должны тренировать, но я не интересовался, где. Даже не задумывался об этом. Для меня это была, кхм, слишком высокая планка, на которую я даже во сне не замахивался.

Он откинулся на спинку кресла.

— Бывает. Люди часто не представляют себе своих настоящих возможностей... Кто по профессии?

— Безработный. Раньше дрался на подпольной арене.

— Даже так... И как успехи?

— Два боя — две победы. Второй раз — над очень опасным противником. А потом случай с вендиго — и устроитель боев сказал мне, что достойных противников для меня у него больше нет.

— А где научились драться?

— Жизнь научила. Я детдомовский, — соврал и даже удивился, как легко и не задумываясь я это выдал.

— Понятно. Ну что ж, решение правильное. Служба дредноутом многим открыла путь наверх, особенно тем, у кого полный набор нужных качеств. Правда, посреди учебного года начинать не совсем с руки — придется подналечь, чтобы догнать набор этого года. С инструкторами я помогу.

— Полагаю, что догоню. Бывали в моей жизни штуки и потруднее.

— Вот и замечательно, — улыбнулся он. — В таком случае, подавайте в канцелярию заявление и документы.

— Есть проблема, ваша светлость.

— Какая?

Вдох-выдох.

— У меня нет документов.

Он приподнял одну бровь:

— Как — нет?

— Вот так. Их нет. Они отсутствуют. Я ими не располагаю. Они не существуют в природе. Собственно, потому-то я и пришел

к вам, а не сразу в канцелярию.

Маслов скрестил руки на груди.

— Занятно. И что же с ними случилось?

— Несчастный случай. Лодка перевернулась из-за слишком большого числа пассажиров. Я умею плавать, а документы — нет.

— Что мешает восстановить их?

— Нежелание плыть еще раз в обратном направлении.

Тут он наконец-то схватил суть версии, которую я попытался ему скормить.

— Кажется, понимаю... Да, это... проблема, скажем так.

— Разве, ваша светлость? Вы помните школьный курс физики?

— Хм... Вроде помню.

— Тогда вы знаете, что идеальное существует только в теории, но не на практике. Поскольку я существую — то увы, я неидеален, чего-то мне не хватает. Документов. А у абитуриентов с документами, как я понимаю, не хватает личных качеств, иначе черта с два вы бы по тюрягам ходили, не правда ли? И мне кажется, что достать мне недостающие документы намного проще, чем наделить отвагой, реакцией, ловкостью или силой кандидата, у которого есть документы, но отсутствует какое-либо важное качество, не правда ли?

Маслов кивнул:

— Да, отчасти это верно. Только есть нюанс. Вы совершенно упустили из виду, что среди важнейших качеств для поступления в самую престижную военную академию на тысячи километров вокруг есть еще такое, как незапятнанная репутация. Вопрос не в том, чтобы помочь с документами, а в том, кому именно я должен достать документы.

Так, он явно пытается воспользоваться тем, что я кажусь ему просителем. И тут либо прогибаться и пытаться что-то как-то наврать, либо пойти ва-банк.

Хрен там я прогнусь. Значит, повышаем ставки.

— То-то же вы пошли искать кандидата с незапятнанной репутацией в тюрягу, ваша светлость... В общем, дело такое, — сказал я, меняя интонации «восторженного абитуриента, гордого от выпавшей ему чести» на интонации героя, который точно знает свои переговорные позиции. — Я со своей проблемой пришел в ваш офис. Это нормально, люди каждый день ходят друг к другу в офисы и кабинеты. Вы ко мне пришли аж в тюрьму, что уже не совсем обыденное дело, и это как бы сразу определяет, кому из нас нужнее решить вопрос с моими документами. Кстати, когда я сегодня включил телефон — он едва не разорвался от сообщений о том, что мне пыталась позвонить прорва разных людей,

некоторые из них даже выложили кругленькую сумму за мой номер. С учетом того, что я второй задокументированный человек в истории, который убил вендиго голыми руками — наверное, все эти люди не на чашку чая хотят меня пригласить. Так что в пролете не останусь.

Маслов, впрочем, оказался не так прост.

— Ну и почему же вы в таком случае все-таки пришли сюда, а не к тем людям, которые вам названивали? — улыбнулся он.

Ладно, придется отдать полковнику пару последних очков, чтобы он не чувствовал себя проигравшим. Подслащу ему пилюлю, так сказать.

— Ну человек — существо такое, имея несколько очень хороших вариантов, он всегда пытается выбрать самый хороший. Потому первым делом я пришел сюда. Я так-то человек не завистливый, мне многого не надо, я довольствовался теми деньгами и привилегиями, которые получал, побеждая на арене, и думал, что меня устраивает такая жизнь. Но когда вчера меня из кутузки, куда я попал за здорово живешь, вытащил человек, способный одним звонком повертеть целую службу безопасности на чем там ему было угодно ее повертеть — вот тогда-то мне и стало впервые в жизни по-настоящему завидно. А он-то, к слову, выпускник этой вот самой академии, о чем мне потом рассказал его юрист. Так что я пока даже не отзванивал тем всем, кто мне звонил: догадываюсь, что у них имеются хорошие предложения, но вряд ли они смогут дать мне вот такие перспективы.

Маслов сделал неопределенный жест бровями.

— Ну-у-у, строго между прочим, первый человек, доподлинно убивший вендиго голвыми руками, стал бароном, королевским телохранителем и даже женился на принцессе, — сказал он. — То есть, перспективы даже получше будут. И уж думаю, вопрос с гражданством этим путем решить куда проще... Правда, тогда все-таки придется отвечать на некоторые вопросы... Потому что как ни крути — а вендиго оказался в необычном месте, да и сам необычный. Я просто узнал как раз утром: он мельче, весил где-то семьдесят процентов от их обычной массы и к тому же был с пустым желудком, отощавший. Так-то они бывают еще сильнее и опаснее. Так что у любого, кто захочет дать вам какие-либо перспективы, непременно возникнут закономерные вопросы: а точно ли вы достойны тех обязанностей, которые он хочет возложить на вас в обмен на эти перспективы. И отвечать, что самое неприятное, придется под детектором лжи.

— Ну так это-то меня как раз и не пугает, — хмыкнул я, — потому как я не имею отношения к появлению вендиго. И вообще, в тот момент, когда я его за ноги из машины вытаскивал, мне

казалось, что это просто голый упоротый мужик, и мне без разницы, повторю я это под детектором или под десятком их.

Маслов откинулся на спинку кресла, еще раз как-то оценивающе меня смерил взглядом и сказал:

— Ну если так — то специалистов с детектором я организую... часа через четыре, полагаю.

— Мне быть тут через четыре часа? — уточнил я.

— Именно.

— Вас понял. Это все?

— Пока все, — кивнул он.

***

Четыре часа спустя я снова подошел к воротам академии — и оказалось, что меня уже ждут прямо тут. Неброский такой тип в строгом костюме и очках-хамелеонах, показавшийся мне подозрительным.

— Идемте, — сказал он.

И я снова оказался в том же самом кабинете, только теперь в компании не одного Маслова, а еще двоих людей, один, который меня привел и второй, который как раз заканчивал подключение некоего прибора. Ясно, детектор лжи выглядит вот так.

— Здравствуйте, — сказал тот, который настраивал прибор, — я — агент Вяткин, а это мой коллега, агент Грибоедов.

Я нахмурился.

— Агенты чего или кого?

— Государственной службы безопасности, естественно.

Черт, снова гэбье!

Собеседование и прочие неприятности

Черт, снова гэбье!

Я взглянул на Маслова:

— Это шутка или провокация, ваша светлость? Я только вчера у них погостил денек и желание общаться далее пропало, и вы это знаете.

Маслов пожал плечами:

— А вариантов нету, потому что разжиться детектором лжи можно только в СГБ. Садитесь, в ногах правды нету, и начнем.

Ладно, куда ж деваться-то. Я сел, и Грибоедов принялся закреплять у меня на запястьях и висках датчики, а Вяткин стал тыкать пальцем по кнопкам прибора.

— Я задам вам десять вопросов, на которые вам нужно давать отрицательный ответ вне зависимости от правдивости. Вам понятно?

— Нет.

— Это калибровка, я должен настроить прибор. Вначале вы даете десять ответов «нет», потом десять «да». Понимаете?

— Нет.

Агент немного подзавис, и тут Маслов негромко засмеялся.

— Похоже, вы уже получили первые два отрицательных ответа, господа.

— Действительно, — согласился Вяткин, — оба ответа неправдивые, судя по показателям. Ваш рост двадцать сантиметров?

— Нет, — ответил я.

— Вы были на Луне?

— Нет.

Он задал еще несколько вопросов, ответы на которые заведомо известны, потом начались такие же вопросы, но я уже отвечал «да».

— Калибровка завершена, — сказал агент. — Итак, как вас зовут?

Я нахмурился.

— Не мытьем, так катанием, господа? Повторю то, что сказал агенту Малковичу: я не буду отвечать на ваши вопросы до тех пор, пока мне не предоставят адвоката. Я не назвал своего имени ему — не назову и вам. Обойдетесь.

— Вот это поворот, — протянул Маслов.

— Нет, ваша светлость. «Вот это поворот» — это присутствие

тут агентов СГБ, к которым я со вчерашнего дня питаю очень резкую неприязнь. Мы не договаривались, что они снова будут меня допрашивать, вопрос стоял так, что я должен буду под детектором рассказать о вендиго.

— Мне казалось очевидным, что вопросы будут заданы на очень разные темы, — хмыкнул полковник. — Если вы не отвечаете на вопрос, как вас зовут — а документы тогда как оформлять? На чье имя?

— На то, которое я вам назову — на то и оформлять. Это и будет мое новое имя. Старое я оставлю при себе, им этого знать незачем.

— Да вот как раз есть зачем, — возразил Вяткин. — Нам ведь надо проверить по базам, не террорист ли вы, не вражеский шпион ли, не наломали ли дров там, откуда прибыли... Нельзя просто взять и дать документы непонятно кому.

Я ухмыльнулся: а ума-то небогато, хоть и гэбье.

— А у вас приборчик прямо сейчас работает, да?

— Да.

— И что показывает? Я лгал?

— Пока вроде нет.

— Ну так вы медленно соображаете, агент. Я меньше минуты назад сказал, что испытываю к вам неприязнь только со вчерашнего дня. И раз это правда, то я не могу быть ни террористом, ни шпионом, потому что для этих товарищей вы враги, а я до вчерашнего дня ничего против вас не имел. Наконец, а зачем проверять меня по базам, если можно просто взять и спросить в лоб, не террорист ли я? У вас же детектор лжи, епта.

— Ну как вариант, — согласился Вяткин. — Вы состоите в какой-либо военизированной или подпольной организации?

— Я не состою вообще ни в какой организации.

— Вы находитесь в розыске в какой-либо стране?

Быстро соображаю. Меня ищут — но это не совсем то же самое, что и находиться в официальном розыске. Ищет-то корпорация. Впрочем, дам ответ более надежный.

— Меня проверял глава СБ корпорации «Ниппон Магтек», и по его словам, меня в розыске нет. О розыске моей персоны в какой-либо другой стране я ничего не знаю, как не знаю и причин, по которым мог бы попасть в розыск где-то еще.

— Вам приходилось совершать преступления?

Ухмыляюсь:

— Ну, это очень странный вопрос, если учесть, что мы тут собираемся оформлять и каким путем.

— Хорошо, вам приходилось совершать преступления, не считая нелегальной иммиграции на территорию Великой Руси?

Вопрос-то скользкий, потому что грабеж грабителей, которые пытались ограбить Семена — точно деяние противозаконное. Ладно, попытаюсь вывернуться.

— Я не юрист, как бы. Например, мне неизвестно, как с точки зрения закона выглядит мое участие в подпольных боях. Еще я побил двоих вооруженных грабителей, которые пытались ограбить хорошего человека — у них были нож и кастет. По логике здравого смысла, это была оправданная самооборона. Ну или оборона третьего лица. Но законы не всегда следуют здравому смыслу, к сожалению.

— Еще что-нибудь?

— Ну, еще меня пытались застрелить, и мне, опять же, пришлось применять насилие для защиты своей жизни.

— Нескучная же у вас жизнь, — обронил Маслов.

— И не говорите. Но тут как бы вина не моя, просто занесло меня в плохой район. Заброшенки за «Полем дураков» знаете? Нормальные люди туда ездят на бронированных лимузинах, а у меня ни лимузина, ни охранников. И не моя вина, что некоторые должностные лица пинают буи вместо того, чтобы разбираться с неблагополучными районами. Я-то, между прочим, к насилию не склонен, я даже на арене пошел в лигу без правил, где дерутся в основном моральные уроды, только потому, что бить по лицу противника-спортсмена, которого выгнала на арену нужда, как и меня, и который ничего плохого мне не сделал и вообще, наверное, хороший человек... ну как-то неприятно. Плохих людей бить легче.

— Так чем кончился инцидент с попыткой застрелить? — спросил Вяткин.

— Я жив, как видите. Персона, которая пыталась прострелить мне голову ни за понюшку табака, тоже осталась жива, хоть и пострадала маленько.

— А пистолет?

— Выбросил.

— Очень несознательный поступок, — протянул гэбист.

— Да ладно? — фыркнул я. — Чья вина, что по улицам ходят преступники с крупнокалиберными револьверами?! Моя или ваша? Я вам, кстати, секрет открою: если вы будете заниматься тем, чтобы устраивать неприятности хорошим людям вроде меня — то вполне естественно, что времени на работу с плохими у вас не останется.

Тут вмешался Маслов.

— Господа, что там у вас на ленте?

— Практически ничего, — признал Грибоедов.

— Ну тогда дальше я. Итак, что там по вендиго?

Я пожал плечами:

— Повторю то же самое, что сказал четыре часа назад. Я не знал, что это за тварь. В тот момент, когда я вытаскивал вендиго из машины за ноги, мне казалось, что это голый мужик, вероятно, упоротый. Само собой, что я не имею ни малейшего понятия о том, откуда эта хрень взялась и как там оказалась.

Маслов вопросительно взглянул на Вяткина, тот пожал плечами:

— По графику чисто.

— Тогда у меня все. У вас, господа?

Вяткин несколько секунд думал, затем спросил:

— А для чего было вообще… иммигрировать сюда?

Вопрос скользкий, потому что я вообще-то не иммигрировал сюда, строго говоря. Впрочем…

— Людям свойственно перебираться туда, где травка зеленее, солнышко ярче, города чище, небоскребы выше и перспективы больше, если вдруг вы не знали.

— Знали… Вы, к слову, говорите по-русски без акцента. Разве немного какого-то местечкового произношения.

— А потому что родной. Выводы сделайте сами уж как-нибудь.

Полковник Маслов достал из стола какую-то бумагу.

— Что ж, на какое имя оформляем документы?

— Кирилл… — я запнулся на долю секунды, а затем просто выдал то, что первым всплыло из глубин подсознания: — …Игоревич Росоховатский.

— Ну, так тому и быть, — сказал полковник, подписал бумагу и протянул ее агенту.

Гэбэшники быстро собрали манатки, Грибоедов взял ту бумагу, они откланялись почти в буквальном смысле и ушли.

Я перевел взгляд на Маслова:

— Что дальше, ваша светлость?

— Оставьте телефон секретарше в приемной, это раз. Я позвоню, когда будет все готово. — Он достал из стола еще одну бумагу и протянул мне: — а это два. Спросите, где библиотека, вам покажут.

Бумага оказалась распоряжением выдать предъявителю оного список книг, и первой же строчкой — Устав вооруженных сил Великой Руси.

— Чтобы время зря не терять, — пояснил Маслов, — догонять придется много. И на всякий случай сообщаю, что за один зачет на «удовлетворительно» курсант прощается с денежным довольствием, то бишь со стипендией. За два «удовлетворительно» — с увольнительными. На весь следующий

семестр.

— Серьезный подход, — кивнул я.

Маслов расплылся в улыбке, которая напомнила мне почему-то акулью.

— Не сомневайтесь. В этой академии есть девиз, смысл которого вы будете постигать непрерывно до самого конца обучения.

— Какой?

— «Последний легкий день был вчера».

***

Я сделал все, как сказал Маслов, получил книги — восемь штук — и поперся домой. Ну как поперся — на такси поехал. Но на полпути меня не то паранойя замучила, не то здравый смысл: «Братство Армагеддона» много дней за мной ходило, так что ушастые утырки точно знают, где я живу. Они все маги и воины, а я остался даже без револьвера. Дерьмовый расклад.

Я достал телефон. Так-то я не альфонс ни разу, но перекантоваться пару дней у дамы джентльмену не зазорно. Это называется «погостить», к тому же в гости меня звали не далее как этим же утром.

Я вставил в телефон старую симку и набрал Нэдзуко.

— Привет, не отвлекаю?

— Привет, нет, ничуть. Что там у тебя?

— Ну, я расхлебал ту проблему, о которой говорил, и теперь пару дней свободен, как ветер. Ну, почти.

— Ну так залетай, ветер, — хихикнула Нэдзуко. — Адрес знаешь.

— Только честно предупреждаю: я в не очень товарном виде.

— Хи-хи-хи, шрамы украшают мужчину.

— Ну шрамы, может, и да, а вот пластырь не очень.

— Не проблема. Если что, могу врача позвать, мало ли как тебя эта дрянь «отоварила».

— Нет, ничего серьезного. Скоро буду. — Я спрятал телефон и сказал таксисту: — смена маршрута. Небоскреб «Ниппон Магтек».

***

Проходную я прошел быстро, потому что внизу меня уже ждал совершенно европейского типа служащий СБ корпорации. Он провел меня через служебный вход, весь мой досмотр ограничился рамкой детектора. Потом этот же человек провел меня к лифту — не личному лифту из лимузинного гаража, а общему — и довел до апартаментов Нэдзуко.

Она уже ждала, и само собой, что ее крепко удивили восемь книжек у меня под мышками.

— Прости, — сказал я, — ты-то привыкла, надо думать, что мужчины к тебе приходят с пышными букетами роз и орхидей, а я вот с книжками приперся. Собственно, букет мне уже не в чем было принести, сама видишь.

Нэдзуко с удивлением посмотрела на книги — а там на самом верху тот самый «Устав».

— Интересный выбор литературы, — заметила она. — Но еще интереснее, зачем ты их сюда приволок.

Я поставил книги на тумбочку в прихожей и вздохнул.

— В общем, я не приготовил правдоподобной версии в качестве ответа, а если начну сочинять на лету — ты меня поймаешь быстро, я враль так себе. Хотя агентов СГБ с детектором лжи немного того, объегорил, у них ума не палата, а с тобой, наверное, не выйдет. У меня эти книги с собой потому, что мне некуда их деть. С того момента, как я махался с вендиго, я дома еще не был и не могу туда вернуться.

Нэдзуко чуть наклонила голову набок.

— А я-то думаю, чем это в воздухе пахнет... А это, видимо, проблемы.

— Нет, пахнет, видимо, от меня. Потому что в душе я еще тоже не был с того момента. Надеюсь, ты не против, если я воспользуюсь твоим. А пока я буду приводить себя в божеское состояние — вот тебе интересные картинки, которые расскажут, почему я не могу вернуться домой.

И я вытащил из-за пазухи уже маленько помятые фотографии.

Когда я вышел из душа, радуясь чувству чистоты, свежести и мягкости халата, который там уже был припасен для меня или другого гостя, то обнаружил, что в комнате появился еще и давешний Юдзи.

— Приветствую, — сказал я.

— Взаимно, — отозвался шеф СБ, — итак, к людям, которые пытались вас зарезать и застрелить добавились еще и чертовы эльфы? Что вы не поделили с Братством Армадеддона?

Я развел руками:

— Я узнал об их существовании, только когда следак из гэбистов дал мне эти снимки. До этого я не замечал за собой никакой слежки.

— А ты не мог с кем-то на улице поцапаться? — предположила Нэдзуко. — Альвы часто выглядят не как альвы, а как люди.

— Не-а. Я человек спокойный и в лишних проблемах не нуждающийся, пусть тебя не обманывает то, кем я выгляжу на арене.

— Слишком мелко для Братства Армагеддона, — покачал

головой Юдзи. — Альва вообще очень сложно вывести из себя или оскорбить, для них людская ругань — что лай собачий. Лает и пускай, на то и собака — такая у них точка зрения на людей. Тут либо совпадение, либо что-то очень серьезное.

Я кивнул.

— Угу, вот и я подумал. Они воины и маги, надо думать, хорошо тренированные. Мастера боевых искусств не используют свое мастерство, чтобы дать в морду кому-то за кривое слово, эти, полагаю, того же пошиба типчики. Я тоже опасаюсь, что у них ко мне может быть какое-то серьезное дело, а пистолета у меня уже нет.

— А куда делся?

— Я выбросил его в кусты в самую последнюю секунду перед появлением полиции. Этим утром вернулся в парк и попытался найти — но его там уже не было. Либо куда-то завалился так, что я не нашел, либо его нашел кто-то раньше. Но точно не полиция, иначе они бы мне такого напредъявляли, что черта с два меня бы юрист графа Борисова так легко вытащил.

У Нэдзуко глаза полезли на лоб:

— У тебя был при себе пистолет, но ты с монстром на кулачках махался?! Слабоумие и отвага или же просто тупость?

— Шок, — развел руками я, — может и тупость. Просто когда я его за ноги тащил — думал, что это голый упоротый наркоман. Как рожу увидал — там имя свое позабыть можно, не то что про пистолет. Да и вообще, я как бы не особо привык с пистолетом таскаться. Ну а когда такая лахудра к твоему горлу тянется — там уже не получается пистолет из кармана вытащить. Но вообще хорошо, что забыл. Если б я его застрелил — мне пришлось бы многое объяснять, и в моем активе не было бы рукопашной победы над вендиго. Но теперь я вот остался без пистолета, к сожалению.

— И что ты собираешься предпринять насчет Братства Армагеддона?

Я снова развел руками:

— Ну не то чтоб я собирался что-то предпринимать, но на днях я, может быть, попаду в дредноутское училище, а это буквально военная база. То есть, там они за мной ходить уже не смогут.

— Вау, — протянула Нэдзуко, — ну это, конечно, серьезно... Ты уверен, что пройдешь отбор?

— Я получил персональное приглашение от коменданта Маслова. Там просто надо уладить бюрократические моменты.

Юдзи хмыкнул.

— Ну нормально — спрятаться от волков в змеином гнезде.

— В смысле?

— Это всем гадюшникам гадюшник. Ничего, попадете туда — поймете, о чем я.

— Почему так? — спросил я.

Юдзи сделал неопределенный жест.

— А потому что такая человеческая натура. Дредноутское училище — последнее прибежище высокородных отпрысков знатных домов, которых судьба жестоко обломала с магическим даром. Когда человек вырастает во вседозволенности и высокомерии, а затем сталкивается с жестокой реальностью — обычно он становится очень, очень озлобленным на весь белый свет. Не все там такие — но даже парочки подобных типчиков, высокомерных, озлобленных и с влиятельной родней, будет достаточно, чтобы очень сильно отравить жизнь своего окружения. Просто на всякий случай — маленький совет. Если решите, что ну его к чертям — можно последовательно завалить пару раз зачеты и быть исключенным. Ну, это если вдруг покажется, что игра свеч не стоит.

***

А потом были постельные утехи с Нэдзуко. От меня потребовался минимум усилий: японочка продемонстрировала еще больше неистовой страсти, и подпрыгивала на мне так неистово, что прошлый раз мне показался бледной тенью нынешнего. Оно и понятно: в прошлый раз я был просто крутым парнем, раскатавшим на арене в полуспортивном поединке крутого противника. Теперь я — парень, в смертельном поединке раскатавший чудовище голыми руками.

После бешеной скачки нам принесли закуски и напитки, и на этот раз Нэдзуко таки угостила меня царским басаси — ломтиками сырой конины со специями. Вкус оказался ну не то чтоб царский, на любителя, но вполне пикантный.

В разгар трапезы у Нэдзуко зазвонил телефон. Он выслушала и протянула его мне:

— Юдзи что-то накопал.

Беру телефон.

— Да?

— Деликатный вопрос, — послышался голос шефа СБ, — кто ваш отец?

— Я сирота.

— Тогда шлю фото.

Я вернул телефон Нэдзуко:

— Юдзи прислал фото какое-то.

Она поманипулировала внутренней почтой и вывела на экран фотографию. Я посмотрел на изображение молодого парня с не

очень броским, но правильным лицом. Хм, мог ли я его где-то видеть?

— Кто это?

— Судя по подписи — граф Александр Кирсанов, нынешний глава Дома Кирсановых.

— Хм, такой молодой и уже глава Дома? Хотя о чем это я рассуждаю, сидя в твоем небоскребе...

— Это старая фотография, таким он был в молодости, до того, как попал в автомобильную аварию. С тех пор он катается в кресле-каталке.

И тут я вспомнил, где видел его лицо.

В зеркале, в тот день, когда Марина пыталась прострелить мне голову.

Ставки повышаются

Я провел у Нэдзуко еще два дня — приятно и с пользой. Постельные утехи и роскошные закуски — выше всяких похвал. Но поскольку у хозяйки небоскреба и корпорации всегда полно дел, особенно посреди обычного рабочего дня, то большую часть времени я оставался в ее апартаментах один, вместе с книжками и закусками, а также со своими мыслями.

Итак, я уже знаю моего врага в лицо и по имени. И что мне с этим делать?

Проблема в том, что я не могу вломиться к нему с пистолетом наголо, ведь у меня теперь даже пистолета нет. А хоть бы и был — толку? Даже если мне удастся преодолеть его оборону — а у Кирсанова наверняка большие ресурсы и возможности, раз он способен проводить эксперименты с настолько продвинутыми машинами, как я — я все равно не смогу сделать это тихо. Идея выбить из врага ответы откровенно плоха, если не удастся с этими ответами уйти.

Я потратил время и узнал, что Дом Кирсановых, на самом деле, «третьего класса», то есть обладающий некими материальными ресурсами, проще говоря богатством, но не обладающий влиянием. Александр Кирсанов — ученый, специализирующийся на магтеке, то есть технологиях, работающих в связке с магией. Он лично как ученый довольно авторитетный специалист — и на этом все. Так что расклад прост: Кирсанов провел эксперимент, результат эксперимента вышел из-под контроля и удрал. Каких-то особых возможностей меня отыскать у него нет. Вот киллеров нанять — да, есть деньги. Но как убить того, кого ты не можешь найти?

Вопрос сходства решается просто: отпускаю бородку и меняю прическу. В Уставе, что забавно, я не нашел регламента по волосяному покрову лица и головы, то есть, в теории, я могу щеголять любой прической и носить какую угодно бороду и усы. В таком виде я буду похож на Кирсанова куда меньше.

Остался еще один интересный вопрос, впрочем…

Почему Кирсанов придал своему творению — если, конечно, я действительно машина, им созданная — внешность молодого себя?!

Вторая тема про подумать — Братство Армагеддона. Какого черта им от меня надо, все-таки? Могут ли они быть связаны с Кирсановым? Вряд ли. Впрочем, я, может быть, все же последую совету Семена и просто спрошу, если замечу слежку.

Попутно я прочитал все восемь книг, открыв в себе

способность очень быстро усваивать информацию из текста и запоминать прочитанное. Впрочем, ничего удивительного, я еще в первый день выяснил, что способен прочитать список наименований и цен на пирожки за один скользящий взгляд.

«Устав» я прочитал первым, и он даже вызвал у меня некое такое «дежа вю». Устав как устав, такое впечатление, что я не первый раз его читаю. Ничего особенного, в общем. Вопреки ожиданию, я не нашел там ничего похожего на «ваше благородие». Наверное, все дело в том, что подавляющее большинство офицеров — простолюдины, а не дворяне. Одновременно меня как-то напрягло, что к равным по званию обращаются «товарищ», к старшим на одно звание — «старший товарищ», а на два звания и более — «господин». Забавная фигня, ну как-то странно выходит, что в армии одновременно в ходу обращения и «товарищ», и «господин». Почему меня это удивляет? А хрен его знает, я уже привык, что у меня в голове представления о том и о сем будто не от мира сего.

Остальные книги я тоже прочел или просмотрел. «Военный кодекс», три военных учебника для пехоты — один общий, один для рядового и один для сержанта — которые дополнялись хорошо иллюстрированным пособием по материальной стреляющей части, и даже учебник русского языка. Последняя книга, самая тоненькая — «Внутренний уклад академии имени князя Аскольда» — оказалась самой любопытной, из которой я сделал для себя кое-какие важные открытия. Помимо кучи всякой ерунды, которую кто-то не поленился дотошно регламентировать, я нашел там один очень специфический раздел, посвященный взаимоотношениям между курсантами.

Собственно, тут-то и начиналось самое интересное. Дредноутская академия оказалась заведением с особым регламентом в том, что касалось аристократов и плебса, и проявилось это в первую очередь в том, что «внешние» дворянские привилегии внутри академии теряли свой вес. Все курсанты уравниваются в правах и становятся своего рода «рыцарями авансом». Любые обращения вроде «ваша светлость», «ваше благородие» и тому подобные между курсантами запрещены и за этот проступок — ха-ха-ха три раза — наказываются оба, и тот, кто обратился, и тот, к кому, если последний не уведомил об этом куратора или декана.

Меня это поставило в некоторый тупик, из которого я вышел, немного поискав в сети по соответствующим запросам. А ларчик открывался донельзя просто.

В то время как выпускники академии становятся авансом нетитулованным дворянством, то бишь рыцарями, и почти все из

них вскоре становятся полноправными рыцарями, получая личное пожизненное дворянство, подавляющее большинство курсантов — простолюдины с соответствующим воспитанием и восприятием мира. Существующий уклад призван взрастить в таких курсантах чувство самоуважения и собственной значимости.

С другой стороны, есть отпрыски очень влиятельных родов, которые привыкли смотреть на простолюдинов свысока, что тоже недопустимо, и уже по совсем другой причине. Я выяснил простой и довольно общеизвестный статистический факт: «джаггернауты», которые пренебрежительно относятся к своим «дредноутам», до выслуги лет зачастую не доживают, а государство, естественно, очень сильно огорчается при потере «джаггернаутов».

Тут я решил наконец-то разобраться, что это за звери такие.

Оказалось, что джаггернаутами называются воины-маги, использующие особый техномагический бронекостюм, который питается энергией за счет силы собственного хозяина. Обычно джаггернаутами становятся маги, слишком слабые, чтобы быть боевыми магами и метать громы и молнии, но достаточно сильные, чтобы питать такой боевой доспех. Каждый джаггернаут обладает огромной ценностью, просто потому, что он маг. И хотя магов средней силы больше, чем сильных боевых магов — их все равно мало. Еще более редки маги-джаггернауты, то есть сильные настолько, что могут питать свой доспех и при этом швыряться огненными шарами.

Именно поэтому каждому джаггернауту дается свита из дредноутов — воинов, носящих доспехи аналогичного типа, но питающиеся от техномагической батареи. Дредноуты обеспечивают джаггернауту прикрытие, их задача — защитить его любой ценой. При этом я узнал также и о том, что дредноут, потерявший «своего» джаггернаута по собственной вине, лишается любых привилегий и даже может закончить свои дни на каторге.

Вот тут мне уже стало понятно, почему в эту академию так сложно найти желающих и почему такой строгий отбор. Чего-то такого я подсознательно и ждал, не могло тут не быть подвоха.

Но есть и обратная сторона, более приглядная. Я узнал, что уже известные мне Борисов и Кеплер как раз и были джаггернаутом и дредноутом соответственно. Примечательно то, что боевое звено из джаггернаута и дредноутов формируется на постоянной основе еще в академии, и подавляющее большинство дредноутов служит с одним и тем же джаггернаутом всю жизнь. Джаггернауты же, которые часто меняют дредноутов, до пенсии доживают нечасто.

Это сразу объяснило многое. В том числе и то, что некий граф по одной просьбе готов пошатать трубу Службы Госбезопасности. Действительно, почему бы и не помочь человеку, который тебя всю жизнь прикрывал?

В целом, я примерно понял расклад, и он, в принципе, довольно неплох в плане перспектив. Да, профессия опасная, но я-то уже знаю, что за обучение нужно отслужить всего один контракт, после чего дворянский ранг пожизненно — и можно второй не подписывать.

Безусловно, был у меня вариант получше: арена. Если бы не Кирсанов, что ищет меня, и не чертов вендиго — я мог бы прожить так всю жизнь и меня бы это устроило полностью. Но увы, у меня две проблемы — собственно Кирсанов и Братство Армагеддона, да и на арену мне уже из-за вендиго хода нет.

А потому единственный известный способ решить проблемы хотя бы частично — академия. Временная передышка, которая нужна мне, чтобы расхлебать весь этот пердюмонокль. Приходится соглашаться.

***

Каждый шаг дается все тяжелее, проклятый снег налипает на ноги, и я будто попал в кошмарный сон, когда пытаешься убежать, а толку нет. Но главная беда — в том, что я не сплю.

Если бы не снег вперемешку с болотом — я бы успел. Я уже давно пробежал бы полоску поля, перевалил за небольшой холмик, поросший деревьями — и пока, уроды. Но нет, я только добегаю до чертова холмика — самого опасного места маршрута. Или я лягу тут — или спасусь, пусть всего лишь на пять минут.

Я не вижу, но прямо затылком чувствую, как медленно разворачивается в мою сторону башня танка. Медленно — потому что танк не успел прогреться, гидравлика еще не работает, наведение вручную. Успею я добежать до гребня холма и скатиться или нет? Если нет — ну, даже тут есть один плюс: я ничего не почувствую. Кумулятивно-осколочный летит быстрее звука, так что и выстрела не услышу.

Чертов холм — место, где в меня невозможно промахнуться. Пока я бегу по ровному полю — промах на полметра значит для меня жизнь, потому что снаряд улетит далеко вперед. Начну подниматься по склону… попадание где угодно поблизости — моя смерть.

Карабкаюсь по склону наверх, вершина уже рядом. Я взбираюсь на нее и вижу, как впереди, в изгибе спасительного оврага, мелькнула светлая растрепанная фигурка. Все, ее уже никак не достать и не догнать …

Перед тем, как перевалить через холм и скатиться в

спасительный овраг, я на бегу оглядываюсь…

…И успеваю увидеть вспышку из танкового орудия.

***

Этот сон стал самым неприятным в эти пару дней. Каждый раз, засыпая после очередной скачки с Нэдзуко, я снова и снова переносился на холодное, болотистое поле и пытался убежать от фугаса, вылетающего из черноты танкового орудия. У меня была всего одна передышка в самую первую ночь с Нэдзуко и вторая — когда я переночевал в компьютерном клубе в день схватки с вендиго.

Но больше, чем сам сон, меня мучит недоумение. Почему? Почему даже после боя с монстром я спал спокойно и мне не снилось это жуткое существо? Он совсем ни разу мне не приснился, этот вендиго, ни тогда, ни за следующие два дня, хотя такой кошмарный эпизод ну просто должен сниться в кошмарах еще долгое время. В то же время один и тот же сон с полем и танком мучит меня почти постоянно. Что такого в этом сне? Смогу ли я отделаться от него или он рано или поздно сведет меня с ума?!

И когда я это подумал, то следом осознал еще одну пугающую вещь.

Мне ни разу не снился какой-либо иной сон. Какие бы замечательные или ужасные события ни происходили со мной — они мне не снятся. А должны. Я дрался на арене, меня пытались застрелить и зарезать, я сидел за решеткой, спал с замечательной женщиной и дрался с отвратительным чудовищем. Со мной происходили такие события, которые запоминаются на всю жизнь — но они не снятся мне. Почему-то я уверен, что должен видеть сны… Но не вижу их, вот в чем дело. Только проклятое поле, чавкающая грязь и черное дуло танка.

По какой-то причине я не способен видеть иные сны, кроме этого.

***

На третий день вечером мне позвонила секретарша Маслова и сообщила, что он ждет меня завтра в девять утра. Я простился с Нэдзуко — кто знает, может, я больше ее никогда не увижу, и это, к слову самый желательный, хоть и печальный, вариант — и в назначенное время постучался в дверь кабинета.

— Здравия желаю, — сказал я, входя.

— Вольно, — ответил Маслов. — Гляжу, приходилось где-то служить, да?

— Не-а, — ответил я, — просто начинаю, кхм, привыкать.

А про себя подумал, что звоночек-то интересный, я ведь на автомате сказал «здравия желаю». Добавить сюда то, что устав

показался мне знакомым, а по ночам снится война, на которой я не был…

— Оно и правильно. — Он полез в стол, вынул конверт и пододвинул его по столу в мою сторону. — Канцелярия на первом этаже… Росоховатский Кирилл Игоревич.

Я вынул из конверта простую идентификационную карточку с моим новым именем и моей фотографией и повертел в руках.

— Это совершенно легальный документ? — спросил я. — Подлинный?

— Почти, — ответил Маслов.

— Почти?

— Угу. Почти — потому что выдан организацией, которая формально не занимается выдачей таких документов. Этот документ отличается от легального только тем, что в соответствующей базе данных нет соответствующей записи. Таким образом, с этим паспортом можно делать все то же самое, что и с подлинным, за исключением лишь того, что сопровождается полной проверкой.

— Полная проверка?

— Первый раз слышите?

— Угу.

— В общем, больше половины граждан Руси никогда не подвергаются полной проверке, за всю жизнь. Сверка документа со всеми возможными базами происходит только в отдельных случаях, например, при выезде или въезде в страну, а также если против человека начато уголовное производство. Также возможна полная или неполная глубокая проверка по запросу частного лица или организации. Например, при поступлении на некоторые должности — охранником в банк или в частную организацию, на ответственные государственные или корпоративные должности — к соискателю могут выдвинуть требование полной проверки. Допустим, никто не наймет телохранителя или юриста без такой процедуры. Но в этих случаях проверка возможна только с вашего письменного согласия.

Я нахмурился.

— А в самую престижную академию поступить можно без проверки, выходит?

Он улыбнулся:

— В самой престижной академии я решаю, кого и как проверять.

— Действительно… И каким образом и когда этот документ станет настоящим? — спросил я.

Маслов улыбнулся шире.

— Этот — никаким, но это и ни к чему. Поясняю процедуру:

когда простолюдин становится дворянином, пусть даже и нетитулованным, его паспорт простолюдина изымается, а взамен выдается новый. Так называемый дворянский патент или дворянская грамота. По факту это просто замена паспорта на новый, с тем нюансом, что приказ о пожаловании дворянского патента подписывается лично верховным князем, в базы вносятся соответствующие данные. И вот этот самый новый паспорт уже будет совершенно легальным. Как и дворянство.

— И при замене паспорта и пожаловании дворянства глубокая проверка проводиться не будет? — подозрительно уточнил я.

— Скажем так… верховный князь всегда точно знает, кому выдает патент, независимо от того, будет проверка или нет. Поясню момент… Всякое государство нуждается в достойных людях. Их, этих людей, никогда не бывает достаточно, их вечно не хватает. И потому государство вынуждено искать их любыми правдами и неправдами, причем не только среди своих граждан… Для этого некоторые люди наделяются правом выдавать кредит доверия, назовем это так. Например, таким правом наделен я. Если выданный кредит оправдан и отработан — вопрос раз и навсегда закрывается к всеобщей радости. Если нет… Ну, с меня, конечно, за ошибочно выданный кредит спросят…, но не так строго, как с владельца поддельного паспорта. Надеюсь, понятно разъяснил.

— Более чем, ваша светлость, — подтвердил я.

Ну что ж, я на крючке, как и предполагалось. Маслов совершенно четко дает понять, что если я не оправдаю его надежд — мне предстоит держать ответ и за нелегальный въезд, и за поддельный паспорт. И спрыгнуть с поезда не выйдет, это я тоже изначально понимал.

Полковник расплылся в улыбке, словно плантатор, выгодно купивший нового раба:

— Вот и славно. Канцелярия на первом этаже.

Я тоже улыбаюсь ему в ответ:

— Вас понял, уже иду. Спасибо, ваша светлость!

Итак, ставки возросли. Я приобретаю ценные возможности, цена провала увеличивается.

Но мы еще посмотрим, кто кого переиграет — и буду ли я вообще играть в эту игру.

Инцидент на медосмотре

Бумажная волокита оказалась упрощена до предела. Я написал заявление, приложил свой новообретенный паспорт — и все. Клерк — женщина средних лет в военной форме — спросила с меня рекомендации, дипломы и любые другие документы, которые мне будет угодно приложить, на что я только развел руками: у меня ничего этого нету.

На то, чтобы отнести заявление на подпись куда-то там, ушло минут пять, а затем за мной пришел сухопарый человек за пятьдесят в белом халате, но с шевроном на рукаве: медосмотр.

— А что, контракт там, присяга и все такое — это потом, после поступления? — спросил я.

— Это все на втором семестре, — ответила женщина-клерк. — Смысл что-то там заключать с тем, кто может вылететь в первом же семестре?

— Ах, ну да, «последний легкий день был вчера»...

— Вот-вот.

Осмотр был похож на тот, что в подпольном «колизее», физическую проверку я легчайше сдал.

— Хм, а у вас пульс не увеличился, — сказал врач после того, как я сделал тридцать приседаний и тридцать отжиманий.

— А должен? — спросил я.

— Вообще-то, должен.

— Расписка есть? Если мой пульс никаких долговых расписок не давал, значит, никому ничего не должен.

Врач хохотнул и принялся проверять мое зрение. Про то, что я вижу не только десятую линию, но и две мелкие снизу, я решил ему не говорить.

Минут через двадцать меня перевели в следующую комнату, а вернее, целую анфиладу их, в каждой из которых — по одному агрегату. Здесь к нам присоединился еще один тип в халате, и по его бейджику я понял, что это техник.

Мы прошли по всей анфиладе, где техник позамерял разные параметры, вроде чувствительности слуха и скорости реакции. Врач, получая распечатки, только цокал языком и приговаривал «надо же» и «недурственно, весьма недурственно».

Наконец, мы оказались в предпоследней комнате. Техник предложил мне сесть в кресло, взяться за две торчащие из стола ручки, исписанные странными символами, и зажечь вкрученную в стол лампочку.

Я взялся за ручки и спросил:

— Как именно я должен ее зажечь?

— Пожелайте этого. Прикажите. Можно вслух.

— Загорись, — сказал я лампочке.

Лампочка, ясен пень, меня проигнорировала.

— Если это тест на магический дар — то у меня его нет, — сказал я.

— Сильного — точно нет, иначе вы бы знали, — согласился техник. — Но средний или слабый дар часто находится в спящем состоянии, многие люди просто не подозревают о нем. Так, теперь вам нужно постараться как следует. Орите, проклинайте, можете материться, вызовите в себе гнев на эту подлую лампочку, ногами топайте — спящий дар порой непросто обнаружить. Нужна сильная эмоция.

Я старался добросовестно, но толку ноль.

— Да не филоньте, — сказал врач, — у вас даже лицо не побагровело от злости.

Я пожал плечами.

— Я остался спокоен даже по отношению к людям, которые на полном серьезе угрожали отправить меня в реанимацию и пытались пырнуть выкидухой. Не думаю, что я смогу разозлиться на ни в чем не повинную лампочку сильнее, чем на тех чмырей.

— Да это ни к чему, — сказал техник, — совсем по нулям. Стрелка даже не шелохнулась. Полный ноль, увы. Честно говоря, я бы удивился, если бы человек, настолько одаренный физически, имел бы еще и магический дар. Больно велико совпадение. Вы вообще по жизни как, везучий человек?

Я снова пожал плечами:

— Ну не то, чтоб очень. Допустим, денег под ногами на улицах не нахожу.

— Ну что ж, идемте дальше. Последний тест.

В следующей комнате стоял действительно такой серьезный и массивный агрегат.

— Измеряем чувствительность кожного покрова. Просуньте вот сюда ладонь, в эту рамку, но не касайтесь ее. Я буду подкручивать вентиль, как только ощутите холод — отдергивайте руку. Сделайте это резко, чтобы датчик движения зафиксировал момент правильно. Понятно?

— Вполне.

Я просунул руку куда было сказано.

— Начинаем. Итак... Ничего? Увеличиваю. Увеличиваю... Увеличиваю... Ничего?

— Я ничего не чувствую, — ответил я, — и вообще, тут не идет никакого охлажденного газа. Никакого дуновения.

— Хм... Увеличиваю... Увеличиваю... Увеличиваю... Упс, до упора.

— Опять сломался? — предположил врач.

— Ладно, отойдите, — сказал техник.

Он подошел к агрегату и просунул в рамку металлический стержень размером с карандаш. Прямо на моих глазах стержень начал покрываться инеем.

Хренасе!

Я перевожу взгляд на врача, а он смотрит на меня, и тоже несколько ошарашенно.

— Ну, что там ты, Миша, про совпадение говорил?

Техник только крякнул:

— Ну, это крайне маловероятно с точки зрения статистики и теории вероятностей...

— Что это значит? — спросил я.

— У вас, молодой человек, высокая М-резистентность, — пояснил он. — Устойчивость к магическому воздействию. Все-таки, везучий вы человек.

Вау... вот это поворот.

— И... насколько высокая?

Врач развел руками:

— Прибор старый. Им можно замерить М-резистентность «выше среднего» или «высокую». Более чувствительный прибор и не нужен, потому что люди с резистентностью выше, чем просто «высокая», очень редки. Ладно, Миша, вызвони Холоднова, по такому случаю пусть оторвется от чем он там занят.

Техник пошел в кабинет звонить, а я повернул лицо к врачу.

— Эта штука — магтек, да?

— Именно.

— И я ничего не чувствовал потому, что агрегат не может на меня воздействовать?

— Совершенно верно, молодой человек.

— Вы полагаете, мне повезло? Просто один мой друг, тоже врач, кстати, говорил, что устойчивость к магии чаще губит, чем спасает.

Он усмехнулся.

— Ну, в какой-то мере ваш друг прав. С точки зрения штатского человека, который имеет дело только с магами-целителями, сопротивляемость магии вредна. Да, может статься, в старости вы помрете от какой-то неизлечимой для медицины болезни, и целитель-маг не сможет вам помочь. Но если учесть, какой жизненный путь вы прямо сейчас выбираете, без дара М-резистентности до старости дожить сложнее, чем с ним. Ну и еще учтите, что сетовать на М-резистентность могут только очень богатые люди. Если вам услуги целителя не по карману — какая разница, резистентны вы к магии или нет?

— А что, это очень дорого? Колдовство сложное или что?

Врач покачал головой.

— Не в этом дело. Целители того… одноразовые, что ли. Они не могут исцелять всех подряд. Если вам повезет и вашим джаггернаутом будет целитель — спросите его, что такое «очерствление», он лучше объяснит. А целители-альвы… это отдельный разговор.

И в этот момент появился техник вместе с высоким, поджарым типом. Форма на нем немного странная, скорее камзол, и не «хаки», а синего цвета. Лицо худое, лоб высокий, взгляд глубоко посаженных глаз колючий. От глаза вниз по щеке тянется тонкий шрам.

Я вытянулся: наверное, это офицер.

— Значит, везунчик, да? — ухмыльнулся он.

— Видимо, да, — согласился я.

Он с все той же ухмылкой ткнул меня пальцем в грудь — и ухмыльнулся еще шире.

— Ха, точно везунчик.

— Что, высокий уровень резистентности? — спросил врач.

— Да, очень. Выше, чем эта ваша железка может замерить. Ну-ка, курсант, еще разок. — Холоднов снова ткнул меня пальцем в грудь и даже как-то расстроенно спросил: — что, ничего?

— Никак нет.

Тут его глаза почему-то стали злыми. Он еще раз ткнул меня пальцем.

— И?

— Никак нет.

— Да ну нахрен! — выдохнул он и приложился ко мне всей пятерней.

Мне показалось, что ко мне прикоснулись раскаленным железом, майка на мне моментально вспыхнула, хоть прикосновение было к голой коже, и я на рефлексе двинул Холоднову в челюсть.

И тут с потолка полилась вода: сработала противопожарная система.

Еще через пару секунд я выругался матом, техник — благим матом, врач бросился к упавшему, а еще через несколько секунд в помещение ворвались двое охранников.

— Что здесь случилось?!

— У меня тот же вопрос — какого хрена?!! — ответил я. — Вот этот мудила меня словно железом раскаленным хапнул!!! Блджад, это перебор!!!

Врачу как-то очень быстро удалось привести Холоднова в чувство и придать ему сидячее положение. Кто-то где-то

отключил противопожарку, и тут собственной персоной появляется комендант с сержантом и еще парой охранников.

Я к этому момент успел немного осмыслить ситуацию. Я уложил офицера и, раз он маг, то наверно еще и дворянин. А я пока еще простолюдин, епта. С другой стороны, я ровным счетом ничем его не спровоцировал, это он на меня напал, получается. То есть, при всем том, что у дворян куда больше прав, моя позиция сильнее. Я ведь ничего не сделал.

Ко всему прочему, у меня на плече четкий след от касания, покрытый волдырями, видно, что был хват рукой.

— Что тут произошло?!

— Вот этот тип, что на полу сидит, приложил меня рукой, но будто раскаленным железом! — возмутился я, — на мне даже майка загорелась! Ну, я был вынужден защищаться!

— С хрена ли ему такое делать?!!

— У него и спросите! Он вначале улыбался, а потом восклицает «да ну нахрен!!» — ну и сразу меня приложил. Вот, любуйтесь! — и я продемонстрировал ожог.

Маслов перевел взгляд на врача:

— Николай Иванович, что тут случилось и как?!

Врач пожал плечами:

— Ну мы проводили тест на М-резист. У курсанта он выше, чем может замерить прибор, и я послал за бароном Холодновым. Он пару раз попробовал, а потом...

Тут Холоднов, чуть пошатываясь, поднялся в полный рост, и я обнаружил, что он снова ухмыляется.

— Что ты учудил? — спросил Маслов Холоднова.

Если он даже к врачу на «вы», а к Холоднову на «ты» — стало быть, это его давний друг. Хреново.

Холоднов пощупал опухшую челюсть и хмыкнул, все так же ухмыляясь:

— Ну я же должен был установить уровень резистентности, нет?

— Вот ТАК?! Аккуратнее нельзя было?!

Он развел руками:

— Аккуратнее он не почувствовал.

— Погоди, у него сверхвысокий резист?!

— Был бы сверхвысокий — его бы сейчас несли в ожоговое отделение. Это абнормал.

У Маслова на лице появилось скептическое выражение.

— Хрен там. Их штук пять на весь мир.

Ухмылка Холоднова стала шире.

— Это шестой, значит. Саша, если я отоварю тебя так же, как его, ты прямиком отправишься в реанимацию. А у него —

волдыри. Не веришь мне — ищи более точное оборудование и проверяй сам. Я сталкивался со сверхвысоким резистом пару раз в жизни — знаю, что это такое. А у этого сопротивляемость еще выше. Это абнормальный уровень, как у вендиго. С ними я тоже сталкивался, и ты это знаешь. Моя годовая зарплата против твоей месячной, что это абнормал — принимаешь пари?

Маслов несколько секунд смотрел на мокрого Холоднова, затем перевел взгляд на меня и смотрел еще несколько секунд, а потом проронил:

— Слушай, Кирилл Игоревич, кто же тебе при рождении столько удачи отмерил-то?

Уже когда я покидал помещение, то услышал слова врача, сказанные технику:

— Так что, Миша, вернемся к обсуждению статистики и теории вероятностей?

***

На этом мои вступительные тесты закончились. Я получил первую помощь в медпункте, мне обработали пораженный участок кожи и наложили повязку, а затем выдали кучу бумажек-направлений и отправили получать форму, предметы бытового обихода, комнату в общежитии и прочее материальное обеспечение.

Форма и обувь оказались выше всяких похвал — удобно и качественно, ну и дорого, наверное. Рубашку и китель я не смог надеть как положено из-за повязки, потому ходил незастегнутый и с пустым рукавом. Мне дали три дня на индивидуальные теоретические занятия и лекции, чтобы ввести меня в общий курс дел и порядков в академии.

Итак, из хорошего — я теперь кое-что понял о себе самом. Раньше я был просто сигомом, имеющим явные боевые наклонности — теперь оказывается, что я еще и имею высокую устойчивость к магии, что как бы намекает, с какими целями я был создан. Правда, все еще непонятно, для чего мой создатель дал мне свое лицо, но это, если мне повезет, я спрошу у него лично.

Еще меня малость мучала досада: если б я наперед знал, что у меня абнормальный М-резист, я мог бы порешать свои проблемы более оптимальными путями. Братство Армагеддона? Они воины и маги, ну и что? Я тоже воин, и крутой, раз вендиго ухандохал на кулаках, а что они маги — так я абнормал, тут вопрос, кто кого бояться должен.

Высокие боевые качества, соединенные с абнормальным резистом, делают меня уникальным человеком. В мире известно всего четыре абнормала и пятый предположительный, возможно,

сверхвысокий на верхнем пределе градациии. Эти пять абнормалов — женщина шестидесяти лет, сделавшая карьеру в спецслужбах соседней страны, но уже вышедшая на пенсию, парень без ноги, мужчина средних лет без каких-либо иных талантов и неразвитый физически, которому на момент выявления уже было поздно становиться военным, и тяжело больной богатый корпоративный воротила, чей М-резист стал для него самого крайне неприятным сюрпризом. Пятый — девушка-художница из Аквилонии, которая по религиозным мотивам наотрез отказалась иметь какое-либо дело с оружием и силовыми структурами. Поскольку она ростом не вышла и весит менее пятидесяти кило — ее особо и не уговаривали.

И вот он я, шестой, обладающий выдающимися бойцовскими качествами. Поскольку М-резист — дар случайный, вероятность того, что из миллиарда человек, на которых приходится примерно один абнормал, избранным станет физически выдающийся человек, мягко говоря, очень небольшая, потому что в постиндустриальном обществе более половины населения — люди пожилые, а из молодежи спортом занимается меньшинство.

Так что я такой один на весь свет, подобных мне людей попросту нет.

В теории, человек, обладающий сходными данными, вполне может существовать на свете. Допустим, Фатал, ну или мой первый соперник, или даже те два парня, матч которых я наблюдал и которые запросто могли бы меня победить на арене — они обладают плюс-минус аналогичными бойцовскими показателями и характеристиками. И если бы кому-то из них выпал дар абнормальной резистентности — из него получился бы кандидат, во всем аналогичный мне. Однако есть проблема — все та же теория вероятностей. Сколько на миллиард человек приходится выдающихся или хотя бы просто хороших бойцов? Я не владею статистическими данными, но предположим, что на миллиард человек приходится сто тысяч спортсменов, бойцов, боксеров, борцов и прочих людей того же типа. Расширяем этот круг, добавляя в него молодых людей, которые просто имеют хорошее здоровье и обладают такими качествами, как воля к борьбе, смелость, отвага, скорость реакции и мышления. Сюда, естественно, автоматически попадают все солдаты строевых специальностей, ну и много кто еще. Пусть суммарно всех этих людей будет миллион на каждый миллиард человек. И ладно, еще добавляем всех тех, кто не является военным, но из кого можно воспитать и натренировать хорошего солдата. И пусть вместе с такими всего будет аж десять миллионов.

Десять миллионов на миллиард — это один из ста. Таким

образом, получается, что если дар абнормального резиста выпадает одному на миллиард, то в среднем нужно сто миллиардов человек, чтобы один из ста абнормалов оказался человеком, которого в теории можно превратить в хорошего солдата и бойца.

И следом за этим выводом — «добивочка». Этого самого человека еще нужно найти среди ста миллиардов. Проверку на дар магии и сопротивления проходят все военнослужащие, но среди невоенных дар резиста определяется обычно среди больных, в тот момент, когда маг-целитель внезапно терпит фиаско. Из пяти известных абнормалов только один — женщина, служившая в спецслужбах. То есть, условно можно считать ее моим аналогом. Из остальных четырех двое — это тяжело больной человек и инвалид, их дар проявился в момент оказания им медицинской помощи. Если считать, что в среднем дело полностью соответствует этой выборке — то даже в этом суперудачном случае выходит, что следующий пригодный к службе абнормал будет выявлен только среди следующих пяти миллиардов человек.

И да, я мог бы получить много очень интересных предложений, если б знал ранее. Но увы, я узнал о своем даре только после того, как вписался в дредноутское училище.

Была у меня мыслишка связаться, допустим, с организацией, занимающейся охраной, к примеру, верховного князя: они бы тоже порешали мои проблемы с документами ради того, чтобы у князя был такой телохранитель.

Однако в первый же день преподаватель, читавший мне персональную лекцию, популярно разъяснил мои перспективы: боец с абнормальным резистом, безусловно, очень ценен и в будущем я вполне могу стать телохранителем самого князя. Но есть нюанс: такие бойцы наиболее полезны именно как дредноуты. Абнормал все еще запросто может быть убит в поединке с сильным магом, ведь маги все-таки могут убивать вендиго, хоть эти победы и даются им с огромным риском и последствиями в виде шрамов на лице, как у Холоднова. Абнормал может быть убит оружием, как и любой человек.

Потому абнормал, носящий продвинутый дредноутский доспех, обеспечивающий высокую защиту от любых видов магии и оружия, имеет максимальные шансы выжить и максимальные шансы принести много пользы.

И потому почти любой путь, которым я мог пойти, привел бы меня обратно сюда, в дредноутскую академию. Конечно, препод может привирать или добросовестно заблуждаться, но его слова кажутся мне очень рациональными и правдоподобными, а значит,

с высокой вероятностью дела именно так и обстоят.

Другой препод, верней, преподша, пожилая женщина в звании капитана, прочитала мне двухчасовой курс о том, что в мире творится и какие задачи стоят перед выпускниками дредноутской академии — и вот это мне уже очень сильно не понравилось.

Первый легкий день

История оказалась очень сильно отличающейся от того варианта, который существует в моей голове.До первого века все было плюс-минус то, что я знаю — а потом Великое Сопряжение и все сопутствующие хрени с длинными ушами. На востоке стоят мрачные замки друучи, или друути — так называют самих себя свартальвы, поработившие всю Сибирь, Монголию, Корею и двинувшиеся еще дальше через Кавказ в Турцию. Маньчжуры и чжурчжэни — вассалы свартальвов, чтобы не сказать протекторат, но все же им удалось сохранить некоторую независимость.

Спасло этих протокитайцев то, что друучи почти неспособны питаться крупами и особенно сильно не переваривают рис. Экспедиционный корпус вторгся на территорию Китая, обнаружил там бедных, хлипких жителей, у которых рис два раза в день, а кому повезет — то три, но не нашел никаких значительных ресурсов. Друучи сожрали свои запасы провианта, затем все нерисовое, что смогли отнять у местных жителей, а затем ужаснулись перспективе питаться одним рисом и на пустой желудок пошнуровали обратно.

Также сохранили независимость японцы: свартальвам оказалось предельно чуждо мореплавание, а вид бескрайних водных просторов вгоняет их в состояние паники, смешанной с талассофобией. Это мы, люди, любим сидеть на морском берегу и смотреть в сторону горизонта, а вот свартальвы — не очень.

Потом были долгие века борьбы, в которой родились такие союзы, как японо-китайский, русско-китайский, русско-японский и тройственный. В конечном итоге китайские и околокитайские народности стали вассалами свартальвов, а союз Руси и Японии жив по сей день. Массовая эмиграция японцев на Русь привела к образованию больших корпораций, которые основательно подсобили с технологическим уровнем и магтеком, потом появились и свои корпорации.

В то же время на западе, за Пиренеями, уходят в небо сверхвысотные шпили, построенные светлыми альвами, или аэльдари, как они сами себя называют, и средневековая история Европы испытала на себе очень сильное влияние светлоухих, которые занимались примерно тем же, что и темные, только менее жестокими способами.

Колумб никогда не плавал в Америку, но прославился тем, что картографировал и описал путь в Индию вокруг Африки.

А вот Фернан Кортес в эту самую Америку таки поперся — и больше его никто никогда не видел, из всей его экспедиции

спасся всего один человек по имени Диас.

Он-то и принес людям очень неприятные новости о Золотом Городе.

Золотой Город — самоназвание империи ацтеков, которая раскинулась на всю Северную Америку и часть Южной. По сути, самая большая империя мира, больше, чем Свартальвсхейм со всеми его вассалами.

Но проблема отнюдь не в размере — ладно бы еще это. Самым неприятным в Золотом Городе было то, что ацтеки по сей чудесный день практикуют человеческие жертвоприношения. А поскольку территория огромна и храмов множество — то и жертв для ритуалов надо много.

Собственно, именно желание добыть рабов и умилостивить своих кровожадных богов заставляло ацтеков двигать свои границы все дальше и дальше и покорять все новые и новые народы.

Точно неизвестно, где именно была зарыта собака и откудова растут ноги у всей этой хренотени, но факт заключался в том, что Фернан Кортес встретил не дикарей, владеющих небольшой империей, как это было в моей голове, а чрезвычайно хорошо организованную, по меркам шестнадцатого века, конечно, армию государства, которое уже на тот момент проникло в Северную Америку. А причина этого оказалась довольно неприятной: в то время как в Старом Свете магический дар был у очень немногих, а сильный — и того реже, у ацтеков, как выяснилось впоследствии, напрочь отсутствуют мощные боевые маги, но слабый или средний магический дар встречается намного чаще, чем у европейцев. Как итог, солдаты вообще без магического дара формируют только ополчение, охрану, жандармерию и прочие базовые и вспомогательные части армии Золотого Города, а вот элитные подразделения состоят из воинов, обладающих магическим даром, которые умеют пользоваться доступным их силе магтеком и освоили некоторое вспомогательные магические трюки.

Еще более неприятным сюрпризом стало и по сей день остается то, что этот самый магтек у ацтеков пошел по совершенно извращенному, непостижимому пути. Я с ужасом узнал, что вендиго — это не какой-то монстр, мутант или демон, а самое настоящее живое оружие, созданное путем гнуснейших ритуалов с целью борьбы с магами и не только. Помимо этого, ацтеки практикуют такие страннейшие вещи, как групповое колдовство, некромантию и прочие вещи, которые взялись непонятно откуда.

Преподша в ответ на мои расспросы детально расписала мне

суть парадокса.

Магтек — явление, берущее свое начало из человеческой «суперсилы» — технического склада ума. В то время как альвы и свартальвы владеют магией все поголовно, а у чистокровных людей его не бывает, люди еще до Сопряжения проявили способность покорять природу при помощи технических приспособлений. На момент вторжения альвы и свартальвы находились на сопоставимом с людьми технологическом уровне и были способны создавать вещи и артефакты, недоступные людям, владели секретами легких и прочных сплавов, но при этом им не были известны ни лук и стрелы, ни копьеметалки, ни пращи, потому что дистанционный бой они вели при помощи магии. Альвы и свартальвы не знали простейших принципов механики, у них не было механических строительных приспособлений, потому что задачу подъема каменного блока решал строитель-телекинетик, для особо тяжелых предметов — группа их. Свартальвы были мастерами зачарованных клинков, способных преодолевать магические приемы защиты от меча и наносить неизлечимые раны, но у них напрочь отсутствовали продвинутые приемы боя на этих самых мечах.

Практика показала, что альвы и свартальвы зачастую в принципе не способны понять простой чертеж, если не держали в руках само изделие. Длинноухий, способный составлять и читать чертежи, как правило, имеет где-то в родословной человеческую женщину, точно так же, как любой человеческий маг имеет в предках альва или свартальва. Подобная техническая бездарность стала критической слабостью в более поздние века: ныне и альвы, и свартальвы отстают от человеческой цивилизации ровно на один шаг: вначале люди изобретают что-либо и начинают использовать, и только затем новшество перенимают длинноухие.

Преподша привела простой пример: магическая голем-броня, то бишь экзоскелетный доспех, питающийся магической силой носителя, был известен и альвам, и свартальвам еще в первом веке. Магические накопители на основе драгоценных камней, которые маг заряжал, чтобы в критический момент восполнить запас силы, они также знали еще в своем родном мире. Но только тысячу семьсот лет спустя Алессандро Вольта и Роберт Эндрюс сумели создать первый в истории дредноутский доспех с встроенным накопителем. Этот технический прорыв позволил отряду простых людей сражаться против мага в ближнем бою более-менее на равных.

В знаменитой битве за Киев в решающий момент наступающие джаггернауты друучи, числом в полторы сотни, с ужасом обнаружили, что объединенное войско русичей,

ниппонцев и валахов выставило против них две тысячи своих джаггернаутов, и битва на этом закончилась: несовершенные людские дредноутские доспехи не могли угнаться за стремительно убегающими джаггернаутами, а следом за ними сбежало все войско темных, включая их рабов-ауксилиариев.

Вскоре свартальвы осознали, что им противостояли всего триста слабых человеческих магов, каждый из которых вел от пяти до десяти дредноутов, то есть воинов, не обладавших даром магии. Они получали магическую силу для своих доспехов от мага-джаггернаута, который по очереди подзаряжал накопители своих бойцов, но свартальвы поначалу думали, что им противостоит две тысячи магов-джаггернаутов. К тому моменту они успели почти без сопротивления удрать от Киева аж за свой Урал, сведя все свои предыдущие успехи к нулю, потеряв огромные территории и проиграв кампанию полностью.

В тысяча семьсот пятьдесят девятом году от Сопряжения, который примерно соответствует второй половине девятнадцатого века от рождества Христа, свартальвы предприняли последнюю крупную попытку реванша. Они с огромной радостью переняли концепцию ударных подразделений из джаггернаута-свартальва и дредноутов-рабов, которые должны были стать мясным щитом своих господ, и создали громадный парк дредноутских доспехов, превосходящих по своим качествам аналоги людей на голову. Они легко захватили значительный кусок территории, поработив пару княжеств, но затем случилось сражение, которое ныне известно как «последняя битва Темного Потопа».

В решающем «московском сражении» Русь при поддержке ниппонцев, валахов и болгар выставила против четырех тысяч дредноутов темного войска тридцать тысяч своих. Свартальвы, увидев настолько чудовищное превосходство, выходившее за рамки теоретически возможного, сбежали с поля боя, бросив обоз и лагерь. За джаггернаутами побежали дредноуты, но когда их накопители иссякли, люди-рабы побросали свои доспехи и либо сбежали, либо сдались в плен. «Московское сражение» стала самой странной битвой в истории вообще: в ней не погибла ни одна живая душа.

Только десять лет спустя свартальвы узнали, что такое громадное количество дредноутов имеет очень простое обоснование. Изобретатель Илья Ломоносов открыл, что накапливать магическую энергию может любой качественный кристалл, не обязательно драгоценный камень. В то время как дредноутские доспехи свартальвов содержали в себе значительное количество драгоценных камней, которые всегда

очень дороги, человеческие питались от очень дешевых накопителей на основе кварца. И когда свартальвы размышляли, а не создать ли им равную по силе армию, пришла последняя «добивочка»: ниппонцы освоили искусственное выращивание огромных кристаллов в автоклавах, что позволило создавать накопители, которые при общей примитивности превосходили по емкости накопители свартальвов, и если дредноуты темных выдыхались без подзарядки через пять-десять минут, то дредноут-русич сохранял автономность четверть часа и более.

На этом концепция «Темного Потопа» навеки стала историей. Свартальвсхейм, проиграв одну за другой несколько гонок вооружений, окончательно отказался от масштабного захвата человеческих земель путем военной силы, потому что осознал: в том, что касается магтека, люди всегда будут на один шаг впереди. Военная мощь Свартальвсхейма все еще была и остается колоссальной, но темноухие оценили динамику событий. Друучи живут долго, но их мало, рождаются они редко, растут медленно, а их чудовищные магические способности требуют пары сотен лет тренировок. Они все еще могли победить, но не без потерь, и самое неприятное для них — что потери не гарантируют долговременного успеха. Они могут побеждать и наступать — но нет гарантии, что потом не случится еще одно поражение в гонке вооружений, которое перечеркнет все добытые кровью успехи.

Так что свартальвы остались свартальвами, их мотивы и намерения остались прежними, но модус операнди кардинально изменился. Друучи начали играть по правилам, принятым у людей, что стало эпохальным переломным моментом. Темные оказались такими же опасными противниками в политических игрищах, как и на поле боя, но «война миров», что длилась семнадцать столетий, закончилась.

А потом случилось то, что перевернуло ход истории еще сильнее: на Старый Свет напали ацтеки.

И вот это стало сюрпризом для всех и во многих отношениях. И дело было даже не в том, что само нападение оказалось внезапным: новый агрессор продемонстрировал совершенно непостижимые новшества в области магии и магтека.

Люди создали свой магтек, находя новые концепции и соединяя то, что не додумывались соединять длинноухие. Альвы и свартальвы, в свою очередь, перенимали концепции людей и совершенствовали их, опираясь на свое невероятное магическое мастерство, до невероятных высот. Вся техника свартальвов перенята у людей. То же самое можно сказать и про магию: все магические знания, заклинания и принципы, доступные людям, переняты у изначальных носителей магического дара, как и сам

магический дар, а собственные открытия и достижения магов-людей можно назвать в лучшем случае скромными.

Но вот ацтеки продемонстрировали чрезвычайно отличные от обычных магические умения и магтек, происхождение которых по сей день остается тайной.

Во-первых, альвы и свартальвы яростно отрицают, что ацтеки получили магический дар от них, и их аргументы просты: они не могли просто физиологически. При том, что свартальвы-воины отлично плавают, навык плавания нужен им только для форсирования реки. Свартальвы мирных профессий все поголовно не умеют плавать, они не пользуются плавающим транспортом, у них в Свартальвсхейме принципиально отсутствуют плавательные бассейны, если не считать бассейнов-купален, и вообще любому свартальву становится нехорошо уже на берегу океана, потому тот же Берингов пролив, который тут называется Краевым проливом, для темноухих непреодолим. По этой же причине Япония сумела отстоять свою независимость: для ее завоевания свартальвы послали войско из рабов-ауксилиариев, в котором не было ни одного свартальва, так что японцам удалось отбить вторжение.

Что до альвов, то они хоть и не испытывают физического недомогания на берегу океана, но понятия «берег океана» и «край света» для них тождественны. Хотя о существовании земель на той стороне планеты люди узнали именно от альвов, но не вполне понятно, как это узнали сами альвы, потому как они не плавали не то что в Америку, но даже на Британские острова. Альвы практикуют медитации на берегу, при которых они устремляют свой взор буквально за пределы мира, что символизирует попытку познать мироздание полностью. Так что мореплавания они тоже не знают, и Атлантика для альвов так же непреодолима, как и Краевой пролив для их темных антиподов.

Во-вторых, ни альвы, ни свартальвы не практикуют некромантию и прочие мерзости того же пошиба. При том, что некроманты присутствуют в эпосе свартальвов, маг-некромант для них своего рода «бабушкины сказки» из седой древности. Еще до Сопряжения Миров некромантия у свартальвов была изжита. Прочие ритуалы, вроде создания вендиго, у них также не просто под запретом, а под анафемой. Верней будет сказать, что само направление под запретом, создавать искусственных чудовищ на практике друучи не умеют вообще.

Я с удивлением узнал, что свартальвы, при всех их неприятных чертах вроде поклонения праву сильного и агрессивности, обладают своими кодексами чести, военного ремесла и магии. Они несколько странные для людей, но

сильные, и свартальвы придерживаются их неукоснительно. Маг, вышедший в своих изысканиях за пределы дозволенного кодексами, яростно преследуется и карается. И у альвов, и у свартальвов многие направления магии либо запрещены, либо считаются «низкими», либо вообще прокляты, причем темные пошли даже дальше светлых. В то время как альвы позволяют себе воздействие на сознание и волю оппонента с целью избежать кровопролития, у свартальвов это «подлый прием», который свидетельствует о никчемности, слабости и трусости мага.

— А свартальвы могут пользоваться заклинаниями, которые делают их похожими на людей? — спросил я.

— Обычно нет, — ответила преподавательница, — это ниже их достоинства. А вот аэльдари могут и часто так делают.

Что до всяческого чернокнижия, а особенно так называемой «магии крови», или «тауматургии», то все это под тотальным запретом везде и яростно преследуется. Инквизиция в этом мире не только была, она есть по сей день, и костры до недавнего времени тоже были. Но жгли на них не еретиков — за хулу против небес обычно просто отлучали от церкви и изгоняли из деревни — а магов-отступников, сотворивших что-либо богопротивное, отвратительное небесам и человеку.

Таким образом, по сей день миллионы копий ломаются в спорах о том, откуда ацтеки взяли свой магический дар и от кого переняли настолько странную и зачастую нечестивую магию.

Как бы там ни было, ныне Старый Свет находится в состоянии новой перманентной «войны миров» против Нового Света, вернее, против империи Золотого Города.

***

Перед обедом еще один офицер-преподаватель устроил мне проверку знания устава, которую я практически провалил. Я не знал номеров параграфов, и кое-как рассказывал, что написано в конкретном параграфе, если мой экзаменатор читал начало параграфа. Несколько раз запутался или просто плохо помнил.

— В целом, удовлетворительно, что на самом деле неудовлетворительно для того, кто хочет получать стипендию, — подытожил он.

— Прошу прощения, но меня никто не предупредил, что я должен буду сдавать экзамен по уставу в первый же день.

— Ну вам ведь выдали его в библиотеке не просто так, правда?

— Ошибаетесь, — спокойно ответил я.

— Вот как? И в чем же?

— Мне выдали не «его». Мне выдали «их». Восемь книжек, включая четыре собственно военных учебника, и я почему-то

подумал, что в приоритете именно они. Списка приоритетов ведь мне никто не давал. Восемь книжек за три дня. Вернее, семь, потому что русский язык я изучать не стал за ненадобностью. Чего стесняться, устройте мне экзамен еще по остальным дисциплинам, ведь я же полный неудачник, если не смогу сдать восемь зачетов, которые изучал самостоятельно аж три дня.

— Резонно, — согласился он, — впрочем, это пока был не зачет, а проверка отставания, назовем это так. Но первый семестр заканчивается через месяц, а вас предупреждали, что придется догонять. Руководство пойдет вам навстречу в разумных пределах, перенеся часть зачетов на начало второго семестра, а часть — на конец его, но базовые вещи, включая устав, придется сдавать через месяц. Обычно это не проблема, потому что многие приходят сюда со знанием устава, из других учебок или прямо из вооруженных сил.

— Ну если месяц, то это еще можно вывезти.

Тут прозвучал сигнал горна.

— А вот и обед, — сказал офицер.

Он показал мне, где тут столовая, и объяснил, что она разделена на два блока: персонал, куда входят преподаватели, охрана и прочие, обедает отдельно от курсантов. Курсанты, в свою очередь, обедают группами, разделяясь по академическим и военным подразделениям. Пока я не причислен ни к какой группе — столуюсь в офицерском блоке, потом буду в курсантском.

Отобедал я с этим же офицером, и готовка оказалась выше всяких похвал. На первое — борщ, густо заправленный сметаной и мясом, на второе — котлеты в соусе с салатом, на десерт — пончики с вареньем и чай.

— Надеюсь, курсантов кормят не сильно хуже, — сказал я, прикончив котлеты.

— Не хуже, — подтвердил собеседник, — но иначе. Диета специфическая, сродни спортивной.

После обеда я, наконец, смог пойти в отведенную мне комнату. Офицер, впрочем, предупредил, что я там только на два дня: живут курсанты тоже группами по признаку одного подразделения.

Ну что ж, ситуация стабилизирована: у меня есть крыша, стол, перспективы и все это не кажется чем-то адским.

Завтра приступаю к двухдневным персональным лекциям по собственно своему профилю.

Покой мне даже не снится

На следующий день другой преподаватель рассказал мне кое-какие подробности насчет дредноутов и их применения, и этих подробностей оказалось много, причем понравились мне далеко не все.

Оказывается, понятие «дредноут» объединяет целую кучу разных военно-учетных специальностей, и дредноут дредноуту рознь, равно как и звенья дредноутов собираются вокруг очень разных магов. Собственно, именно в магах и дело.

Самая классическая, но довольно малочисленная категория — собственно боевое сопровождение боевого мага-джаггернаута. В этой группе основная ударная мощь заключается в самом маге, который швыряется огненными шарами, жахает молниями, сносит все ураганными смерчами и поливает огнем. Задача его дредноутов — прикрыть мага в критические моменты, поддержать в бою против вражеского мага и защитить от «ассасина». Ассасинами называют особых воинов, которые специализируются на скрытных атаках против вражеского мага. Ассасины тоже маги, но в первую очередь искусные воины, атакующие в ближнем бою зачарованными клинками и магнитными минами. Впрочем, ассасины очень редки, особенно среди людей.

С учетом всего этого понятно, что доспех дредноута обладает высокой защищенностью, но низкой подвижностью. Его роль — не наносить огневое поражение врагу, а защитить своего мага.

Второй тип джаггернаутов — ударные. Ударник — это относительно слабый маг с ограниченным запасом магической энергии, так называемой «маны». Он тоже способен атаковать магией, но только без доспеха. Надевая доспех, этот маг теряет способность творить мощные заклинания, поскольку его магическая сила тратится на работу бронекостюма. Ударные джаггернауты обладают высокой защитой и способны нести крупнокалиберные пулеметы, автоматические гранатометы и прочее вооружение. Ввиду ограниченной способности колдовать «ударник» если и имеет дредноутов, то буквально двух-трех в легких дредноутских доспехах, потому что магу не хватает маны, чтобы заряжать доспехи большого отряда. Чаще всего ударники обходятся вообще без дредноутов, объединяясь в звенья из одних ударников.

Третий тип джаггернаута — это «зарядник», то есть маг, не обладающий высокой мощью, но способный колдовать долго и питать своей магией несколько дредноутских доспехов.

Собственно, такие звенья называются штурмовыми, и их боевая мощь заключается именно в дредноутах. По сути, они воюют, пока маг прячется за их спинами и по очереди подзаряжает.

Вот такой расклад мне не понравился больше всего. Тут дредноут — уже не прикрытие мага, скорее маг — придаток к дредноуту. А сам дредноут превращается в пушечное мясо.

— Наверное, это круто — прятаться за чужими спинами и ничего толком не делать, — пробурчал я. — Не хотел бы я с таким служить.

Офицер пожал плечами.

— Факт в том, что слабых магов, которые не пригодны больше ни для чего, кроме как к зарядке магтековых устройств, больше, чем сильных, способных сражаться на поле боя магией или тяжелым оружием. Каждый такой маг может привести в бой несколько бойцов в продвинутых боевых костюмах. Если бы его не было — этим бойцам пришлось бы идти в бой без доспеха. Логично, да?

Четвертым типом звена оказалась категория «особых», в которых маги не являются боевыми. Например, военные целители зачастую имеют отряд телохранителей, есть они и у различных государственных деятелей. По сути, любой богатый человек, обладающий магическим даром, может позволить себе нанять телохранителей-дредноутов в частном порядке, и это — один из самых желанных карьерных поворотов для большинства дредноутов из числа простолюдинов: тут тебе и высокая зарплата, и легкая служба. Подвох же заключается в том, что действительно богатые люди, платящие громадные зарплаты, нанимают только опытных дредноутов, проверенных и с послужным списком.

— А что, не бывает, скажем, охранных фирм, которые обучают своих людей пользоваться дредноутским доспехом? — спросил я.

— Не бывает. Есть один моментик — стоимость оного, — пояснил преподаватель. — Надеть дорогущую броню на непроверенного человека не может позволить себе никто. К тому же высокая зарплата для проверенного в деле человека — довольно незначительная сумма в сравнении со стоимостью покупки и обслуживания дредноутского доспеха.

Еще я узнал кое-какие новости о распределении дредноутских подразделений. Принцип заключается в том, что джаггернауты и дредноуты, которые в академии показали выдающиеся успехи, уже по факту выпуска считаются ценными боевыми единицами и подразделениями. А вот звенья, составленные из отстающих курсантов, гораздо менее ценны. Ценности им может придать боевой опыт, и потому суть в том,

что чем хуже подразделение — тем в более опасное место они попадут после выпуска. Многие погибнут, но выжившие будут иметь ценный боевой опыт.

— Ничего так мотивация учиться как можно лучше… Хм… А как вообще происходит формирование отдельного звена? — спросил я.

— Есть несколько путей. Звено может быть сформировано как руководством, так и самостоятельно. Существует такая практика, когда курсант-дредноут за время службы бегает в звене с разными джаггернаутами. На местном жаргоне зовется «притирка». Часто бывает так, что определенная группа хорошо слаживается — и тогда руководство оставляет ее «как есть». Но не всегда, на процесс накладываются многие аспекты, в том числе нехватка или избыток тех или иных категорий «дредов» и «джаггов». Задачей академии является выпуск максимального количества боеспособных звеньев, в угоду этому порой приходится идти на не самые желанные меры. Но вообще запомните одну вещь.

— Какую?

— Лучшие к лучшим, худшие к худшим. Независимо от того, как и кем было собрано звено, зачастую получается так, что работает принцип «два сапога пара». Чем лучше вы станете как боец — тем лучше будут ваши товарищи по звену. Лучшие джаггеры обладают приоритетом в праве выбора своих дредов, и они, что естественно, выбирают себе лучших.

— Резонно…

***

За два дня я узнал много нового о дредноутах как таковых и даже в одном походил немного. Эдакий шагающий танк, который «несет себя сам». Броня, прибор ночного видения, радиосвязь и все такое прочее — не совсем полный набор, да и костюм устаревший, ну какой не очень жалко, если курсант угробит.

Вечерами я читал учебники, кое-как подтянул устав и прочую фигню, а также базовые вещи. Спасает меня то, что первый семестр — «силовой», он направлен на очень жесткую физподготовку с целью на ранней стадии выявить слабых, которые не сдюжат, и сильных, которых можно готовить по усиленной программе. То есть, тут у меня все в порядке. Собственно теории же дают мало, и потому я легко догоню свой курс.

Наконец, вечером третьего дня меня официально зачислили в группу номер один-семь, а утром четвертого я был официально «представлен» отряду.

Плац, построение, «смирно», «вольно»… Меня мучает дежавю. Будто все это со мной происходит не в первый раз.

В группе двадцать четыре человека — это четыре полных отделения по шесть. В недалеком будущем в группе появятся еще четыре джаггера — это если все пойдет как запланировано.

Что мне сразу показалось странным — так это девушки, причем аж три.

После построения мы поперлись сразу на марш-бросок, а потом на тренажерную площадку. Я, помня о том, что лучшие к лучшим, скромничать не стал, первым пробежал кросс и первым выполнил норматив на тренажерах.

А потом нас снова погнали на марш-бросок, причем долгий.

Я примерно уловил расклад: группа пока средняя, но в ней половина — это люди за двадцать, которые перевелись в академию из других учебок. Вторая половина — курсанты без военного прошлого, они сразу прошли вступительный отбор, и это парни лет по восемнадцать-девятнадцать. Я же выгляжу как те, которые старше, но что у меня нет военной выправки, инструкторы заметили сразу.

А потом был душ — все кабинки в душевой раздельные — и обед.

И вот за обедом я уже смог перезнакомиться с остальными и кое-что себе уяснить заодно.

Вопреки моим ожиданиям, что джаггеры это дворяне, а дредноутами становятся простолюдины, оказалось, что курсантов благородного происхождения почти половина.

Ситуацию мне объяснил мой сосед за столом, Виктор.

— Ну смотри. Вот ты родился в хорошей семье с традициями и богатым прошлым, получил определенное воспитание — но тут незадача, у тебя магический дар такой, что только свечку зажигать. Как ни старались ты и твои родители — все впустую, рудиментарный дар, который нельзя развить. Или вовсе господь пожадничал. А ты хотел бы родине послужить, да место достойное в жизни занять, и в остальном ты очень так ничего себе человек, задних не пасешь и не из робкого десятка. И куда тебе податься? Если светлая голова — можно в офицерку, но то лотерея. Можно ведь карьеру и не сделать. Да и кто такой нынче пехотный офицер или танкист? Но если качества позволяют тебе сюда пройти — то это, пожалуй, лучший твой шанс. Сюда немногие проходят, ты тут — значит, ты уже в какой-то мере избранный. А дальше все в твоих руках.

— Хм… Ты так это расписал, словно это прям твоя биография…

— Это и есть моя биография, — вздохнул Виктор. — Папа — четвертый уровень, мама — пятый. А у меня единичка с минусом, я могу запитать максимум фонарик, но никак не джаггернаутский

доспех. И что делать в таком случае человеку, который с детства мечтал быть героем? Протирать штаны в танке или в штабе? Я предпочел сюда.

Заодно я как бы невзначай попытался полюбезничать с девушками — из них две некрасивые, причем обе спортсменки, что характерно. Оказалось — обе из бойцовских видов спорта, и обе так примерно по двадцать четыре года или все двадцать пять.

— А, так мы с вами одного поля ягоды, — хохотнул я, — я как бы тоже того… На арене дрался. Только подпольной. А чего вы спорт на военку променяли?

Девушкам явно польстило, что к ним деликатно подкатывает или пытается подкатывать новенький, самый сильный парень из отряда, да еще и собой он ничего так, потому обе довольно ответили довольно откровенно. Причем ответ у них был один и тот же на двоих: потому что в двадцать пять в спорте ловить уже особо нечего, если до этого не удалось ничего впечатляющего наловить, а особенно это касается женского спорта.

— Тут понимаешь какое дело, — сказала одна, назвавшаяся Илоной. — Женские боевые искусства — штука не настолько же популярная, как мужские. И тут мало хорошо драться — надо еще и смазливое личико иметь.

— Типа, рекламные контракты и все такое достаются более красивой, а не той, которая победила?

— Вот-вот… А ты откуда знаешь?

— Моя бывшая тоже нашего поля ягодка.

И тут отозвалась третья, намного более симпатичная, но которая мне почему-то сразу не понравилась.

— А ты-то сам как тут оказался? Я слыхала, в подпольных боях бойцы могут делать хорошие деньги — как победители, так и проигравшие, если хорошо дрались.

И взгляд у нее… оценивающий. Но не такой, каким девушки на парней смотрят, а какой-то другой. Словно патрицианка к рабу на рынке присматривается.

Хотя что это я… Может, мне просто показалось. Отвечу дружелюбно, мне не нужны недруги с первого же дня.

— Ну да, это правда. Пока я дрался на арене — горя не знал. Но с некоторых пор я там больше выступать не могу.

— А чего ж так?

— Просто я там всех победил и со мной больше никто не хотел драться. А жить-то на что-то надо.

Она отхлебнула из кружки и обронила, причем довольно пренебрежительно:

— Да ладно? Вот так прям всех? Ну так ты должен был в процессе долгой серии победных боев дохрена денег срубить, в

каждом следующем бою больше, чем в предыдущем. И то, не бывает такого, что с самым крутым никто не хочет драться. Всегда находятся претенденты, желающие сразиться с сильнейшим и всегда публика с радостью поглядит, как их кумир подметает арену очередным дурачком. А вот когда людей действительно выпирают с арены вон — это когда они начинают своих противников калечить.

Черт бы ее взял. Она хорошо шарит в этой теме, оказывается, так что моя версия «всех победил» взяла да обломалась, и за столом повисло подозрительное такое молчание.

— Это не про меня, — миролюбиво отозвался я. — Я никого в больницу не отправлял, давал упавшим подняться и даже пощадил кретина, который грозился меня самого в реанимацию отправить.

— Тогда почему тебя, такого хорошего, выперли?

Вздыхаю.

— Что ж, рано или поздно все становится явным… Слыхала недавно про появление вендиго? Так вот, это я его убил. Голыми руками. И владельцы арены сказали мне, что у них больше нет для меня достойных соперников. И тут ко мне приходит граф Маслов… И вот я здесь по его личному приглашению. Даже отборочные тесты не сдавал.

На несколько секунд повисла тишина, и тут от соседнего стола, где сидело подразделение курсантов старшего курса, донесся голос.

— Вот как? Ну, тогда мне уже любопытно, сколько Маслов за тебя выручит.

Я повернул голову и встретился взглядом с парнем лет двадцати пяти, в котором мне как-то сразу бросилась в глаза какая-то… бывалость, что ли. Что-то в его облике выдавало в нем человека, который видел жизнь не только из университетского окна.

— Что ты имеешь в виду? В смысле — «выручит за меня»?

Тот отхлебнул чая, поставил кружку на стол и сказал:

— Видимо, ты не знаешь, как тут формируются звенья? Самые способные и стоящие дредноуты распределяются между джаггернаутами на аукционе. В буквальном смысле. Джаггернауты, а вернее их влиятельные родители платят за то, чтобы самых крутых дредноутов получили в свое звено именно их отпрыски. Гляжу по вашим лицам — этого никто из вас не знал, да?

Я просто не поверил ушам.

— Да ты шутишь, наверное? Мне не далее как позавчера инструктор рассказывал про принцип «лучшие к лучшим»! Или

это вранье?

Собеседник усмехнулся:

— Да нет, почему же… Все упирается в правильные дефиниции. И конкретно Маслов определяет лучшего кадета-джаггера по его родовитости и по тому, сколько денег его батя может отвалить за то, чтобы у сынишки были самые лучшие дреды.

— Это какой-то цирк, — негромко протянул один из парней из моей группы. — И про это все знают — и ничего? Комендант преспокойно торгует назначениями и никто ничего не сделает? Никто до сих пор не накатал жалобу на эту практику?

— Про это все знают — и все в доле. Ну, из преподавателей. Кому ты жаловаться собрался? Командующему сухопутными силами? Командующему специальных сил? Министру обороны? Так они все регулярные участники этого аукциона, если что, не своим отпрыскам — так племяшам и так далее. Но вообще не парьтесь особо. Для средних выпускников это ничего не меняет, на аукцион попадают — заочно, разумеется — только лучшие из лучших. И вот для них это скорее плюс, чем минус: у них точно будет богатый и влиятельный джаггер. Что публика эта не всегда с выдающимися общечеловеческими качествами — другой вопрос.

Услышанное возмутило меня до глубины души — но еще больше возмутило то, как Маслов заливал мне про нужду государства в достойных людях, а сам просто собирался «продать» меня на аукционе. Он пришел за мной аж в тюрягу только потому, что почуял большие деньги.

Что ж, вот теперь все стало на свои места. И это просто песец, причем полный: я на крючке и спрыгнуть не могу.

***

Далее начались довольно напряженные деньки: утром физподготовка, завтрак, физподготовка, короткая передышка, физподготовка, обед, после обеда теоретические или практические занятия, физподготовка, ужин — и только после ужина немного свободного времени. Нагрузка постепенно возрастает: ну да, последний легкий день был вчера.

Впрочем, я выдерживаю легко, и другие курсанты тоже. Даже девушки продемонстрировали впечатляющую выносливость, ну а собственно на грубую физическую силу испытаний нет, потому как дредноутский доспех «носит себя сам». Именно поэтому дредноутом может быть и женщина.

С группой я более-менее поладил: единственным неприятным человеком оказалась Светлана из Дома Рюриковичей, та самая красивая. Буквально один в один совпадает с описанием, которое

дал Юдзи: родовитая, высокомерная и безумно огорченная, что вынуждена якшаться с чернью вроде нас, так что ее в общем-то почти модельное лицо постоянно портит гримаса недовольства и пренебрежения. Конкретно на меня она зла еще и потому, что сама же на меня попыталась наехать, а оказалось, что я не какое-то чмо, а убийца вендиго. И теперь у нее появился интерес к моей персоне, да только у меня к ней пропал, поскольку свою неприятную натуру она выдала сама же. Я с ней держу дистанцию, а ее это злит еще больше: она явно не из тех, кто привык к отказам, тем более от людей, находящихся намного ниже по социальной лестнице.

На третий день в нашу казарму-общежитие пожаловала группа из нескольких парней в мундирах чуть более вычурных, чем наши. Я как раз сидел в общем холле и беседовал с парой других курсантов, так что сразу их увидел.

— Приветствую, господа-товарищи, — сказал один из них, — до нас дошел невероятный слух, что в вашей группе есть абнормал. Это правда?

— Какой такой абнормал? — спросил наш «капрал», спокойный парень по имени Сергей.

— Человек с абнормальной сопротивляемостью магии.

— У нас? Первый раз слышу. Их же раз-два и обчелся.

— Да, редкие птицы. Но слух очень упорный, вот нам и стало любопытно.

Я решил, что лучше будет просто промолчать, и тоже с недоумением развел руками.

Но слух уже пошел и от этого никуда не деться. О том, что я абнормал, все равно узнают все, когда дело дойдет до «аукциона».

***

Наконец, дело дошло до начала занятий с доспехами. Мы осваивали подгонку, передвижение в них и базовое обслуживание в полевых условиях, изучали устройство внутренних узлов. Нас при этом обслуживали, ну то есть заряжали наши дредноутские костюмы, пять магов, четверо старых и один помоложе, все с протезами, у кого руки, у кого ноги нет. Протезы, к слову, крутецкие, не такие, как у давешнего корпората, но очень продвинутые и явно техномагические. Инструктор в ответ на вопрос объяснил, что это такая форма почетной пенсии: маг, потерявший способность нести службу, переводится туда, где может приносить пользу, например, в учебку.

Из этих пяти магов один старичок заряжал восьмерых из нас, а остальные — по четыре. У доспеха на наспинном агрегате есть специальная ручка, маг за нее берется — и вжух, только что индикатор был на нуле, и вот батарея полная. Магия — сила,

электрический аккумулятор так быстро не зарядишь, а техномагический накопитель — бац и готово.

Через неделю занятий мы уже научились кое-как преодолевать полосу препятствий. Я неожиданно для самого себя — привык уже быть в числе первых — оказался среди последних. Чертов костюм сковывает движения, и к этому привыкнуть сложно. А когда нам дали потаскать классические тяжелые доспехи дредноута-телохранителя — о, это вообще мрак.

Нам инструктор сразу так и сказал:

— Забудьте то, как вы ходили раньше, считайте, что учитесь заново.

Главная проблема — в очень большом весе, добрых два центнера весит только пустой доспех без вооружения. Есть в нем свои плюсы: он не боится гранат и противопехотных мин, потому что бронированы даже подошвы ног, а магическое поле способно ослабить ударную волну взрыва и некоторые типа магических атак. Но в угоду защищенности принесена подвижность, и ко всему прочему в ряде ситуаций дредноут должен отключать питание, чтобы экономить батарею. И хотя доспех не лежит на плечах, а «стоит сам» и в нем даже можно ходить, если сила позволяет, но даже ногу переставить получается медленно. Попытка ходить «как обычно» приводит к падению, потому что пока ногу от земли оторвешь — заваливаешься на бок до того, как снова поставишь ее. Приходится ходить «вперевалочку»: при шаге переносить вес на опорную ногу. Походка эта так и называется — «походка дредноута». Подобно тому, как каторжник со стажем, избавившийся от ядра на ноге, все равно узнается по специфичной манере подволакивать ногу, ветераны, служившие тяжелыми дредноутами, до конца жизни легко узнаются по своей походке вперевалочку.

— М-да, а я-то думал, что быть тяжелым дредноутом — самая лучшая специальность, — поделился я мыслями с Виктором.

— Ну так-то оно и есть, в какой-то мере. Именно дреды-телохранители чаще всего доживают до пенсии, у них вдвое меньшая смертность. К тому же это старый доспех, более новые совершеннее, у них лучше подвижность и мощнее батарея. Если ты станешь дредом известного джаггера — у тебя точно будет новый доспех. Мой дядя по линии матери дредноут, причем тяжелый, и у него дредноутской походки нет.

Постепенно я приловчился и однажды первым прошел полосу препятствий: чем сильнее носитель, тем подвижнее. Правда, при этом костюм натер мне все, что можно, и то что нельзя натер тоже.

Да уж, так себе развлечение. Служба не дружба, и последний

легкий день был вчера.

***

Потом были стрельбы — в доспехах и без — а через две недели нас выстроили на плацу и инструктор сказал:

— Итак, вы прошли самый первый этап — это даже не первый шаг, а всего лишь очередная проверка на достойность. И я счастлив, что вы прошли эту проверку все. Отличное начало. Ну а теперь вы переходите к профильным тренировкам с большей приближенностью к реалиям службы, и отныне к вашему подразделению прикомандированы курсанты-джаггернауты. Знакомьтесь.

И четверо человек, стоявших сбоку, строятся напротив нас.

Вернее, человека там только три.

А у четвертой курсантки — серая кожа, остроконечные уши, скуластое лицо с узким подбородком и глубоко посаженные глаза цвета янтаря. Свартальвка.

— А что, в нашей армии служат еще и свартальвы? — спросил я у инструктора.

— В нашей армии есть место и роль для любого достойного. Это наш новый курсант и будущий джаггернаут.

Ее глаза бегут по нашему строю и останавливаются на мне.

И я понял, что план спрятаться в академии князя Аскольда провалился.

Братство Армагеддона нашло меня.

Ну что ж, есть тут и кое-что хорошее для меня.

Признаться, я уже до тошноты устал быть бегущей дичью.

Послесловие автора

Так получилось, дорогие читатели, что часть истории, которая должна была быть началом книга, растянулась на целую книгу. Я так увлекся, рассказывая в деталях про то, как герой приспосабливается к ситуации, в которой оказался, что получилась уже сама по себе целая история.

Помните, я делал опрос про то, какую книгу вы хотели бы прочитать - где герой попадает в военную академию сам по себе или где герой является младшим членом Дома в академии?

Так вот, основная часть истории должна была начинаться с попадания в академию. Но вышло, что само попадание растянулось ого-го.

Так что эта история точно не влезает в одну книгу вот просто никак. Герой еще не решил свои проблемы и даже не приблизился к ответам на самые важные для него вопросы.

Думается мне, что даже второго тома будет мало, ну или он будет ну очень толстым. Слишком много событий и сюжетных поворотов придумано и слишком мало из них пока рассказано, так что тут запросто получится трилогия.

Ну а поскольку мой писательский принцип - "Нет книгам без финала", то у меня не осталось иного выбора, кроме как сделать эту книгу бесплатной.

Работа над вторым томом уже начата, через некоторое время начнется и выкладка. Если не подписаны на меня - подписывайтесь, чтобы не пропустить. Блогописательством по пустякам я не грешу :)